

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБУ РК «ВОСТОЧНО-КРЫМСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»

ФГБОУ ВО «КЕРЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОРСКОЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

К 195-ЛЕТИЮ
КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

Керчь, 11–13 августа 2021 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь

2022

УДК 902.2/6:93 (477.75)
ББК 63.4 (2Рос-6Крм)
А 87

Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»

Главный редактор:

В. П. Толстиков — кандидат исторических наук, заведующий отделом искусства и археологии античного мира ФГБУК «Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», руководитель Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции

Редакционная коллегия:

Т. В. Умрихина — кандидат философских наук, генеральный директор, председатель коллегии
Н. В. Быковская — заместитель генерального директора, ответственный редактор
В. Ф. Санжаровец — старший научный сотрудник историко-археологического отдела, ответственный редактор
С. А. Шестаков — старший научный сотрудник историко-археологического отдела
Н. Л. Кучеревская — кандидат культурологии, заведующая отделом «Лapidарий»
Ю. Л. Белик — кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом «Керченская крепость»
Н. Н. Непомнящая — научный сотрудник отдела истории Великой Отечественной войны, ответственный редактор
Л. В. Блинова — учёный секретарь, ответственная за выпуск
Е. А. Марченко — менеджер по связям с общественностью, секретарь редколлегии

А 87 Археология и история Боспора. Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора» (к 195-летию Керченского музея древностей), 11–13 августа 2021 г. — Симферополь: ООО «Антиква», 2022. Вып. IV. — 160 с.

ISBN 978-5-6047545-6-6

Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора», прежде печатавшиеся на страницах «Таврических студий», впервые выходят в качестве самостоятельного музейного издания — продолжения трёх предыдущих выпусков (1952, 1962 и 1999 гг.) одноимённого сборника научных статей, также посвящённых боспороведческой тематике.

Издание предназначено для историков, археологов, студентов исторических факультетов высших учебных заведений.

Сборник включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

Редакция не несёт ответственности за достоверность информации и содержание статей. Мнения, высказанные авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

УДК 902.2/6:93 (477.75)
ББК 63.4 (2Рос-6Крм)

ISBN 978-5-6047545-6-6

© ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», 2022
© Авторы статей, 2022
© Оформление. ООО «Антиква», 2022

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается четвёртый выпуск возобновляемого музейного издания — сборника научных статей «Археология и история Боспора», являющегося, в данном случае, сборником материалов одноимённой международной научной конференции, проходившей в августе 2021 г., в дни празднования 195-й годовщины Керченского музея древностей.

До настоящего момента под таким названием было издано три выпуска, выходили они крайне нерегулярно, по всей видимости, по мере накопления материала. Ответственным редактором первого из них, вышедшего в свет в 1952 г., стал мэтр археологической науки В. Ф. Гайдукевич, получивший к тому времени учёную степень доктора исторических наук. Поскольку сборник был посвящён 125-летию Керченского музея, открывала его статья директора учреждения Ф. Т. Гусарова, дающая характеристику деятельности музея за весь период его существования. В ряде статей ведущих российских специалистов были представлены результаты археологических экспедиций по исследованию античных городищ, организатором которых выступал Институт истории материальной культуры, являющийся правопреемником первого археологического учреждения России — Императорской Археологической комиссии. Отдельные публикации были посвящены политической истории и межплеменным отношениям в городах Боспорского царства, находкам экспедиций — предметам материальной и духовной культуры. Завершила издание статья, имеющая отношение к фондовым коллекциям музея.

Спустя десятилетие, в 1962 г., был опубликован второй выпуск сборника, знаковавший научную общественность с новыми направлениями археологических исследований. Две трети от всего объёма издания занимала фундаментальная статья заместителя директора по научной части Керченского историко-археологического музея Л. И. Чуистовой, являвшаяся, по сути, полноценной монографией. Автор ввела в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы, которые дают ясное представление о греческих, римских и византийских весовых системах, использовавшихся в Северном Причерноморье. Статья включала иллюстративные таблицы, наглядно демонстрирующие измерительные гири с нанесёнными на них надписями и знаками. Работа получилась настолько значительной и объёмной, что её пришлось сопроводить самостоятельным оглавлением.

Третий выпуск был опубликован в 1999 г. Благотворительным фондом «Деметра». Редактором-составителем этого издания стал кандидат исторических наук Н. Ф. Федосеев. Вместе с ним самое деятельное участие в выпуске приняли и другие сотрудники Керченского историко-культурного заповедника, подготовив ряд содержательных публикаций.

С 2012 г. мы возобновили ежегодное проведение научной конференции «Археология и история Боспора» и в сотрудничестве с Крымским институтом культуры и искусств начали издание материалов нашего научного форума в университетском журнале «Таврические студии».

Книга, которую Вы держите в руках, — самостоятельное издание Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Большинство статей посвящено новейшим исследованиям российских учёных на территории бывшего Боспорского царства, связанным как с осуществлением крупных инфраструктурных проектов, так и с результатами плановых академических археологических экспедиций, работающих на территории Крыма и Южного федерального округа в течение последних десятилетий.

**Генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник»**

Т. В. Умрихина

Елена Владимировна Болонкина,
старший научный сотрудник отдела фондов
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
(г. Керчь)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА КНИДА. ГРУППА ЗЕНОНА. ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Аннотация: в статье характеризуется вторая хронологическая группа керамических клейм Книда, рассматриваются вопросы атрибуции и хронологии клейм этой группы, объём импорта книдских товаров в Северное Причерноморье.

Ключевые слова: Книд, керамические клейма, хронологическая группа, группа Зенона, монограммы.

Elena Vladimirovna Bolonkina,
A Senior Researcher of the Funds Department
SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»
(Kerch)

CERAMIC STAMPS OF CNIDUS. ZENON'S GROUP. BASED ON THE MATERIALS OF THE EASTEN-CRIMEAN HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-RESERVE COLLECTION

Annotation: the article characterizes the second chronological group of ceramic stamps of Cnidus, considers the issues of attribution and chronology of the stamps of this group, the volume of Cnidus's goods import to the Northern Black Sea region.

Keywords: Cnidus, ceramic stamps, chronological group, Zenon's group, monograms.

Группа книдских клейм в собрании Восточно-Крымского музея-заповедника не самая многочисленная, но представляет определённый интерес для её исследования. В отличие от керамических клейм целого ряда производственных центров, чья хронология в настоящее время более или менее разработана, книдские оттиски в целом мало изучены, особенно это касается раннего периода клеймения керамики в этом центре. До настоящего времени отсутствует полный каталог-определитель, пока полностью не завершена разработка хронологической классификации клейм Книда. Специальные издания книдских клейм ранних хронологических групп крайне редки. Публи-

кация клейм Греко-римского музея в Александрии [9, с. 169–192] существенно дополнила изданный материал по керамическим клеймам Книда. Совсем недавно введена в научный оборот группа оттисков из Северного Причерноморья, относимых к II хронологической группе [2, с. 274–317], значительная часть опубликованных в этой работе клейм происходит из собрания Восточно-Крымского музея-заповедника.

Клейма, относящиеся ко второй хронологической группе, предшествующей началу систематического клеймения амфор, представляют собой отдельные литеры, монограммы, лигатуры, реже — одно или два имени в сокращении, эмбле-

мы практически отсутствуют. Необходимо отметить, что далеко не все лигатуры, монограммы, имена в сокращении можно связать с этим периодом. Часть их, условно именуемая «протокнидскими», отнесена к I хронологической группе и входит в подгруппу (IA).

Ранние монограммные и лигатурные клейма и оттиски с «пророй» сменяют монограммные и лигатурные клейма второй хронологической группы. Это, прежде всего, оттиски групп Зенона А и В. Абсолютные датировки хронологической группы II основываются по материалам следующих комплексов: птолемеевского военного лагеря в Корони в Аттике, кораблекрушения в Серке Лимани, а также находок с фракийских памятников Болгарии. Это период с начала 280 гг. до н. э. до середины – второй половины 260 гг. до н. э.

Несколько слов о керамической таре с рассматриваемыми здесь клеймами. На основании исследования ряда комплексов, где присутствуют книдские амфоры, С. Ю. Монахов датирует начало клеймения керамики в этом центре в пределах первой половины IV в. до н. э. По его мнению, книдское амфорное производство развивалось по двум типам [8, с. 102–104]. Тип I: амфоры с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом (4 варианта); Тип II: сосуды с коническим горлом и кубаревидной ножкой (7 вариантов). Тип II частично синхронен с предыдущим и появляется в третьей четверти IV в. до н. э. Амфоры типа II-B, содержащие клейма в форме аббревиатур, он помещает в пределы последней трети IV – начало III в. до н. э.

Г. А. Ломтадзе [6, с. 22] предлагает выделять следующие варианты, сходные с вариантами С. Ю. Монахова, определёнными им для ранней стадии II-го типа. Вариант I «пифоидный»: (II-A–II-B-1, «ранняя» серия по С. Ю. Монахову) с датировкой последними десятилетиями IV в. до н. э. На ручках амфор этого варианта встречаются клейма с «пророй». Вариант II «пифоидный»: (II-B-2, «поздняя» серия по С. Ю. Монахову). Этому варианту соответствуют клейма «группы Зенона». Этим же временем датируется

вариант III (вариант II-C, «с высоким воротничковым венцом»). Амфоры этого варианта происходят из кораблекрушения у Серке Лимани.

Первая попытка выделить монограммные клейма в отдельную хронологическую группу была сделана В. Грэйс. При этом основную часть её должны были составлять клейма т. н. «группы Зенона», которую исследовательница по типологическим и хронологическим соображениям разделила на две подгруппы: А и В [11, с. 319]. К подгруппе А относятся оттиски с сокращениями двух имён, одно из которых ΖΗ (Ζήνων) [12, с. 63]. Клейма подгруппы В содержат сокращения одного имени ΖΗ(...) либо сокращения ΕΤ(...), ΝΦ(...), ΝΦΙ(...) [7, с. 473; 12, с. 63; 9, с. 186]. Несмотря на некоторые отличия в содержании легенды, обе группы одновременны.

Вторые имена в клеймах подгруппы Зенона А, безусловно, должны определяться как принадлежащие магистрату. Возможно, что и оттиски группы Зенона В сопровождалась клеймами магистрата на второй ручке. В этом случае параллельно могла использоваться практика клеймения керамики двумя типами клейм: оттиски с двумя именами и легендой с размещением имён магистрата и фабриканта отдельно на двух ручках [1, с. 26].

Все клейма оттиснуты на ручках амфор, круглые, прямоугольные и квадратные формы оттисков употреблялись параллельно. Встречаются два варианта форм ручек с оттисками клейм Зенона — круглые и овальные. В изгибе ручки либо почти прямые, либо слегка приподнятые. Каждой форме ручки соответствует свой оттиск. Визуально можно наблюдать и различный состав глиняного теста ручек. Указанные клейма, вероятно, являются продукцией мастерской Σοφάνης в Мухалтепе на Книдском полуострове [14, р. 344; 3, с. 258; 7, с. 471, 473].

В настоящее время для клейм группы Зенона исследователями предлагаются следующие хронологические периоды. В. Грейс: разделила их на две подгруппы А и В, датируя группу А периодом около 280/275–240 гг. до н. э. и В концом III – на-

чалом II в. до н. э. [11, р. 473]. Остальные исследователи не разделяют хронологически подгруппы А и В, датируя группу в целом. Н. В. Ефремов — 280–255/250 гг. до н. э. [12, р. 64]; В. И. Кац — 280–260 гг. до н. э. [5, с. 221]; Г. Канкардес-Шенол относит эту группу к периоду 280–240 гг. до н. э. [9, р. 179]; К. Мадзаров и Т. Стоянов — 280 – сер. III в. до н. э. [13, р. 145].

Несмотря на небольшую разницу с отдельными годами, в целом датировка клейм группы Зенона укладывается в период 280–240 гг. до н. э.

Как переходную ступень от хронологической группы I к группе II следует рассматривать клейма Зенона с «пророй», впервые выявленные в коллекции Восточно-Крымского музея-заповедника [1, с. 26–33]. Речь идёт о двух оттисках так называемой группы Зенона В. Оба они были найдены при раскопках городища Нимфей в 1995 и 2017 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа, возглавляемой О. Ю. Соколовой. Место находки клейм — участок М, западный раскоп. В напластованиях верхней части многометровой насыпи эллинистического времени, над комплексом общественных сооружений IV в. до н. э. Слой, который перекрывает западную часть участка М над пропилями и рядами сидений пред-

полагаемого театра, образовался в результате засыпки этого участка, после того как постройки на нём были разрушены.

Первое клеймо, обнаруженное в 1995 г. (к. о. № 165. КП-134595, ККК-18048), представляет собой круглый оттиск вблизи от сгиба ручки, содержит сокращение имени Зенона (ZH), эмблему «прора» в верхней и «таблетку» в нижней части. Особого внимания заслуживает первый символ. Он повторяет символику группы I, что говорит о преемственности традиции. Эмблема повернута вправо, что довольно редкое явление в клеймах с «носом корабля». Трактовка эмблемы восходит, очевидно, к одному монетному прототипу. Второй экземпляр (к. о. № 26, КП-191203) — другого штампа и содержит несколько иную трактовку основных элементов клейма: во-первых, отсутствует «таблетка», во-вторых, более схематична передача эмблемы «прора».

Клейма Зенона с «пророй» следует рассматривать как переходную ступень от хронологической группы I к группе II. Наличие переходного варианта клейм с эмблемой «прора» означает, что клеймение амфор Книда осуществлялось непрерывно в течение конца либо последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э. [12, р. 63–64; 1, с. 30].

Источники и литература

1. Болонкина Е. В., Ефремов Н. В., Колесников А. Б. К хронологии ранних керамических клейм эллинистического Книда // Античные реликвии Херсонеса : открытия, находки теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 2019. С. 26–33.
2. Болонкина Е. В., Ефремов Н. В., Колесников А. Б. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда // АМА. 2019. Вып. 19. С. 274–317.
3. Ефремов Н. В. К истории торговых связей Книда с Северным Причерноморьем (по материалам керамических клейм) // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов : изд-во Саратовского университета, 1992. С. 254–265.
4. Ефремов Н. В. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда // Причерноморье в античное и средневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвящённый 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 542–561.
5. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь ; Керчь : Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2007. 479 с.
6. Ломтадзе Г. А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н. э. «царской хоры» Европейского Боспора // ДБ. Suppl. III. Т. 3. Москва, 2015. 208 с.
7. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов : изд-во Саратовского университета, 1999. 678 с.

8. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва ; Саратов : Киммериды ; изд-во Саратовского университета, 2003. 352 с., 106 табл.

9. Cancardeş Şenol G. Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt // Lafli E., Pataci S. (eds.). Recent Studies on the Archaeology of Anatolia (BAR International Series 2750). London, 2015. P. 169–192.

10. Grace V. Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // Hesperia. 1934. Vol. 3. P. 197–310.

11. Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. Vol. 32. P. 319–334.

12. Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. Munchen : tuduv-Verl., 1995. 251 s.

13. Madzharov K., Stoyanov T. New Evidence on the Chronology of the so-called Zenon B Group Amphorae of Knidos // Valchev I. (Ed.). Studia archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. VI. Stephanos Archaeologicos ad 80 annum Professoris Ludmili Getov. Sofia : St. Kliment Ohridski University Publ., 2018. P. 141–149.

14. Tuna N., Empereur J.-Y. 1988 : Zénon de Caunos et l'épave de Serçe Limani // BCH. T. 112, 1. P. 341–357.

Sources and Literature

1. Bolonkina E. V., Efremov N. V., Kolesnikov A. B. On the Chronology of the Early Ceramic Hallmarks of the Hellenistic Cnidus // Antique Relics of Chersonese : Discoveries, Findings of Theory. Materials of Scientific Conference. Sevastopol, 2019. P. 26–33.
2. Bolonkina E. V., Efremov N. V., Kolesnikov A. B. New Variants of Ceramic Hallmarks of the Early Hellenistic Cnidus // Ancient World and Archeology. 2019. Issue 19. P. 274–317.
3. Efremov N. V. On the History of Trade Relations between Cnidus and the Northern Black Sea Region (Based on Ceramic Stamps) // Greek Amphorae. Problems of the Development of Crafts and Trade in the Ancient World. Saratov : Saratov University Publ., 1992. P. 254–265.
4. Efremov N. V. Twenty Years Later. Notes on the Ceramic Hallmarks of the Early Hellenistic Cnidus // Kovalenko A. N. (ed.). The Black Sea Region in Ancient and Medieval Times. Issue 2. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V. P. Kopylov. Rostov-on-Don, 2018. P. 542–561.
5. Katz V. I. Greek Ceramic Hallmarks of the Era of Classics and Hellenism (the Experience of a Comprehensive Study) // Bosphoran Studies. Issue XVIII. Simferopol ; Kerch : Center for Archaeological Research of the Charitable Foundation «Demeter» Publ., 2007. 479 p.
6. Lomtadze G. A. Ceramic Container from the Excavations of Settlements of the IV – the first third III Century BC «Royal Chora» of the European Bosphorus // Antiquities of the Bosphorus. Suppl. III. Vol. 3. Moscow, 2015. 208 p.
7. Monakhov S. Yu. Greek Amphorae in the Black Sea Region. Complexes of Ceramic Containers of the VII–II Centuries BC Saratov : Saratov University Publ., 1999. 678 p.
8. Monakhov S. Yu. Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae of the Leading Centers-exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalog-determinant. Moscow ; Saratov : Saratov University Publ., 2003. 352 p., 106 tablets.
9. Cancardeş Şenol G. Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt // Lafli E., Pataci S. (eds.). Recent Studies on the Archaeology of Anatolia (BAR International Series 2750). London, 2015. P. 169–192.
10. Grace V. Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // Hesperia. Vol. 3, 1934. P. 197–310.
11. Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. Vol. 32, 1963. P. 319–334.
12. Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. Munchen : tuduv-Verl., 1995. 251 s.
13. Madzharov K., Stoyanov T. New Evidence on the Chronology of the so-called Zenon B Group Amphorae of Cnidus // Valchev I. (Ed.). Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. VI. Stephanos Archaeologicos ad 80 annum Professoris Ludmili Getov. Sofia : St. Kliment Ohridski University Publ., 2018. P. 141–149.
14. Tuna N., Empereur J.-Y. 1988 : Zénon de Caunos et l'épave de Serçe Limani // BCH. T. 112, 1. P. 341–357.

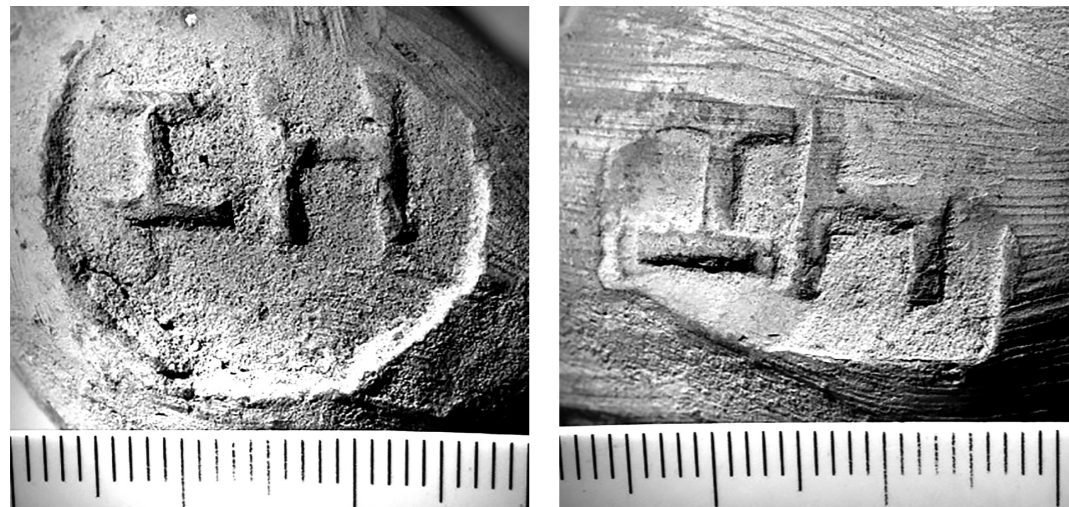

Рис. 1. Варианты штампов керамических клейм группы Зенона А

Рис. 2. Клеймо группы Зенона с «пророй». Штамп 1

Рис. 3. Клеймо группы Зенона с «пророй». Штамп 2

УДК 930.85

Аркадий Иванович Джопуа,
кандидат исторических наук,
директор Абхазского государственного музея;
старший научный сотрудник отдела археологии
Абхазского института гуманитарных исследований
имени Д. И. Гулиа АНА
(г. Сухум, Абхазия)

Валентин Александрович Ньюшков,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории
Абхазского института гуманитарных исследований
имени Д. И. Гулиа АНА;
старший научный сотрудник отдела древнейшей истории
и средних веков Абхазского государственного музея
(г. Сухум, Абхазия)

ВЕЛИКИЙ ПИТИУНТ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Аннотация: в работе основное внимание уделено истории возникновения, расцвета хорошо сохранившейся на территории Абхазии древней римской крепости — Великий Питиунт. О ней много написано, фортификационное сооружение достаточно хорошо изучено, и в наше время продолжают и проводятся археологические раскопки внутри и возле самого Питиунтского городища, но нет обобщённых по нему работ, и в данной статье делается попытка отразить те исследования, которые могут дать цельное восприятие, что это был за великий город на берегу Черноморского побережья Кавказа, составлявший одну из цепочек большой приморской римской оборонительной системы «Кавказский лимес».

Ключевые слова: Великий Питиунт, городище, кастелла, канаба, Римская империя, Писиунда.

Arkady Ivanovich Jopua,
Candidate of History,
Director of the Abkhazian State Museum;
A Senior Researcher of the Department of Archaeology,
Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia,
Academy of Sciences of Abkhazia
(Sukhum, Abkhazia)

Valentin Aleksandrovich Nyushkov,
Candidate of History,
A Senior Researcher of the Department of History,
Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia,
Academy of Sciences of Abkhazia;
A Senior Researcher of the Department
of Ancient History and Middle Ages of the Abkhazian State Museum
(Sukhum, Abkhazia)

GREAT PITIUNT AND ITS SURROUNDINGS

Annotation: the paper focuses on the history of the founding and flourishing of the ancient Roman fortress — the Great Pitiunt, which was well preserved on the territory of Abkhazia. A lot has been written about it, the fortification structure has been studied quite well and nowadays archaeological excavations are continuing and are being carried out inside and near the Pitiunt settlement itself, but there are no generalized works on it, and this article attempts to reflect those studies that can give a complete perception of what kind of great city it was on the Black Sea coast of the Caucasus, which was one of the chains of the large coastal Roman defensive system «Caucasian Limes».

Keywords: Great Pitiunt, ancient settlement, castella, kanaba, Roman Empire, Pitsunda.

Крепость Великий Питиунт, наряду с укреплениями Апсар, Фасис и Себастополис, является одним из наиболее значимых классических памятников Римской экспансии на Восточном побережье Чёрного моря, а по степени современной сохранности её можно сравнить только с Апсаром. Она же и наиболее хорошо изученная сегодня римская крепость в Восточном Причерноморье. Питиунт находился в пятидесяти восьми километрах к северо-западу от Себастополя, расположен он на Пицундском мысу, в 20 км к востоку от г. Гагра. Древний город был построен на островах дельты р. Бзыбь, главная его часть располагалась к востоку от устья реки.

Первое упоминание о Питиунте связано с именем географа II–I вв. до н. э., уроженца Эфеса — Артемидора. «Великий Питиунт» впервые упоминает географ Страбон на рубеже н. э. Затем римский историк Плиний Секунд, погибший при извержении Везувия в 79 году н. э., сообщал, что «богатейший город Питиунт разграблен гениохами». Флавий Арриан упоминает здесь лишь стоянку. Впервые Питиунт как римская крепость описывается в «Новой истории» Зосима в связи с событиями второй половины III в. Notitia Dignitatum, официальный документ рубежа IV–V вв., упоминает Питиус как место пребывания римских войск. Этот источник употребляет необычную форму «Пифия» (Pithie), которая нигде больше не встречается [11, с. 11].

Основание Питиунта на месте нынешней Пицунды связано с древнегреческими купцами, приплывшими из малоазийского города Милет в период архаики. Во второй половине II века н. э. римляне построили здесь кастеллу. Ворота имели закруглённый массивный фасад и прямоугольное внутреннее помещение, что было характерно и для воротных башен самого города Рима того времени [5, с. 55].

Общий периметр крепостной стены составляет примерно 1200 метров, и вся она снабжена башнями и контрфорсами. Судя по имеющейся аэрофотосъёмке, укрепленная часть Великого Питиунта состоит из двух основных частей, составлявших единую фортификацию: а) западная часть представляет собой прямоугольник

(155 x 130 м) площадью около 20000 м² б) восточная часть представлена в виде вытянутого овала. Обе укрепленные части сооружались не одновременно и не по единому плану. Установлено, что более древней является западная часть крепости — прямоугольная, построенная по системе римских укреплений [7, с. 279].

Между тем получение точных сведений об укреплениях Великого Питиунта могут дать только археологические работы, первоначально проведённые с 1952 г. по 1974 г. Руководил ими А. М. Апакидзе, затем Г. А. Лордкипанидзе [2]. Богатый археологический материал, выявленный в процессе этих раскопок, получил научное обобщение в трёхтомнике «Великий Питиунт», изданном под общей редакцией А. М. Апакидзе [4].

Надо отметить, за этот промежуток времени здесь выявлено большое число памятников, представляющих яркую картину жизни гарнизона крепости на протяжении нескольких сот лет. Была обнаружена римская крепость II–III вв. Она прямоугольная в плане, площадью 2,4 га [10, с. 150]. В начале IV в. стены крепости, разрушенные готами, уже восстановили, укрепили большим числом башен, из которых угловые имели веерообразную в плане форму, характерную для архитектуры эпохи Константина I. Кроме того, с востока большое пространство было окружено стеной, образовавшей канабу — место, где жили отставные легионеры со своими семьями. Значительные строительные работы проводились здесь и в V в. Восточные ворота кастеллы были, как и ворота Рима, с выступающими полукруглыми башнями [6, с. 320].

Открыты грандиозные фортификационные сооружения позднеимперской эпохи, позднеантичная баня, жилые и хозяйственные сооружения, керамическая обжигательная печь, хорошо сохранившийся городской канализационный коллектор, центральная улица внутренней укрепленной части города [3, с. 22], гарнизонные термы, пристроенные с восточной стороны первого кастеллума, многослойный храмовый комплекс на территории канабы и др. Внутри кастеллы раскопаны фундаменты большого каменного здания — претория,

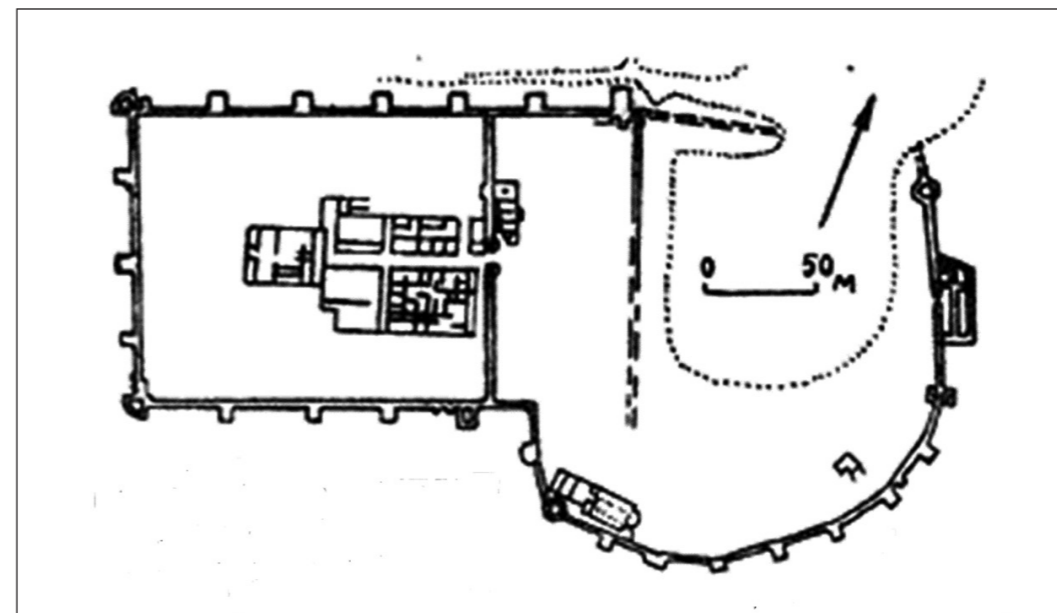

Рис. 1. Общий план города-крепости Питиунт

свидетельствующего наряду с другими данными о том, что в Питиунте тогда размещалось центральное командование целой группы гарнизонов, находившихся в северной Колхиде [5, с. 55].

О наличии римских гарнизонов свидетельствуют находки строительной керамики, черепицы и кирпичей с клеймами римских воинских частей. На территории Питиунтского городища были найдены три фрагмента с датировкой II–III вв. н. э. Керамические плиты идентичны по составу глины и изготовлены римскими солдатами на месте в формах. На основании сопоставления с другими находками клейма можно расшифровать: LEG(io) XV (Apollinaris). Они документально подтверждают участие солдат XV легиона в строительстве оборонительных сооружений Питиунта в конце II – начале III в. н. э. при Коммодe или Септимии Севере [9, с. 88, 91].

Также стоит отметить, что были найдены: давяльные цистерны, культовые сооружения, богатые и весьма своеобразные мозаики и мозаичные надписи, фрагменты греческих и латинских надписей, глиняная посуда, представленная весьма богато, многообразная керамическая тара — амфоры производства различных ремесленных центров античного мира, строительная керамика, богатейшие нумизматические находки [7, с. 279].

В результате стало возможным получить генплан укрепления, важные данные о хронологии памятника, этапах его развития, а также проверить ранее высказывавшиеся гипотезы об истории города-крепости. Впервые уточнённый план крепости был опубликован в 1975 году. Общая площадь укрепления составляет около 6,5 га, протяжённость внешних стен — 1200 м, общее количество выявленных внешних башен — 27 (раскопано только 4). На генплане видно, что укрепленная часть Великого Питиунта состоит из трёх главных частей.

1. Западная часть — кастеллум — самая ранняя, представляет собой классический римский кастеллум 155 x 130 м с центральной улицей по оси В–З, начинающейся у восточных ворот, образованными выступающей двойной башней и заканчивающейся у претория в западной части кастеллума. От главной улицы в обе стороны отходят узкие переулки с расположенными симметрично сооружениями различного назначения, строго регламентированные правилами и нормами римской фортификационной архитектуры, характерной для кастеллума.

2. Центральная часть — пространство между восточной стеной кастеллума и параллельной ей другой стеной, отстоящей к востоку на 75 м. Эта область является более поздним расширением кастеллума на восток, которое, видимо, не было завершено.

Рис. 2. Крепостная стена Питиунта

3. Восточная часть — канаба — условно полукруглая, была построена позже, отличается от западной не только формой плана, но и толщиной стен, а также длиной куртин: в восточной части стены тоньше и куртины короче [8, с. 61].

В итоге, археологически устанавливается, что на первой ступени существования города-крепости в Питиунте была создана западная прямоугольная часть, возникшая по образцу римских крепостей. Основание для такого утверждения даёт план выявленного здесь раскопками римского *castellum*, а именно: крепостная стена, расположение башен, магистраль, проложенная по её осевой линии и делящая внутреннюю территорию на две части, здания, выстроенные южнее её ворот, восточное строение с двумя малыми башнями — с правой и левой сторон [7, с. 279].

На Питиунтском городище был, в частности, найден клад из 149 монет II–III вв. н. э., захороненный в 245 г. н. э., а также клад из 310 позднеимперских монет, чеканных в Антиохии. Вообще, надо отметить, что нумизматический материал Питиунта довольно богатый. Монеты Питиунта, насчитывающие около 1500 экземпляров, хронологически охватывают большой отрезок времени со II века до н. э. до VIII века н. э. [7, с. 280]. Они происходят главным образом из Малой Азии, но среди них немало херсонесских и боспорских монет. Они являются своего рода показателем торгово-экономических связей и свидетельствуют о разносторонних связях Питиунта с Север-

ным Причерноморьем, Понтом, Пафлагонией, Трапезундом, а также уровня экономического развития в целом Абхазии того времени и её ведущего центра. Питиунт имел удобную торговую гавань [1, с. 170].

Исследования геологии Черноморского побережья Кавказа показывают, что территория крепости находилась на острове в системе дельты р. Бзыбь, аналогично укреплению Фасис в дельте Риони. В период расцвета Питиунта внутренняя лагуна располагалась очень близко к крепости, что обеспечивало, с одной стороны, защиту от нападения с суши, с другой — удобство стоянки, погрузки-разгрузки кораблей и т. д. Между озером и большой внутренней возвышенности, имелся узкий пролив, который с южной стороны контролировался Инкитской башней. То есть крепость Питиунт с башней Инкит составляли один фортификационный комплекс, охраняющий доступ во внутреннюю бухту [8, с. 60].

Об Инкитской башне пишет Ю. Н. Воронов. «Найденные в ней археологические материалы, — отмечает он, — показали, что башня функционировала довольно большой период времени — от II до VI в. На одном из найденных здесь кирпичей виден штамп с отметкой легиона, вероятно, связанного с рабочим отрядом одного из каппадокийских легионов, принимавших участие в строительстве оборонительных сооружений на территории и в окрестностях Питиунта. Инкитская башня соответствует, по своему положению, Башне

Рис. 3. Реконструкция внутреннего вида каstellума Великий Питиунт (Андрей Кизилов. Великий Питиунт: 3D-реконструкция [Электронный ресурс]. URL: <http://sochived.info/velikiy-pitiunt-3-d-rekonstruktsiya/>)

Одынец у Севастополя, что указывает на единый стратегический замысел во взаимном расположении каstell и вспомогательных укреплений, защищавших подступы к первым с северо-запада» [6, с. 321].

Во второй половине IV в. из Питиунта, как и из Севастополиса, были выведены римские гарнизоны. Хозяйственные сооружения римского времени уже в IV–V вв. используются местным населением. Растёт удельный вес сельского хозяйства в городской экономике [1, с. 170], значит и растёт количество жилых кварталов.

В 2006 г. на участке, примыкающем с севера к большому Пицундскому храму, при проведении ремонтно-реставрационных работ обнаружены остатки архитектурного комплекса, который был полностью раскопан. Его длина св. 21 м (по оси С–Ю), ширина св. 17 м. Он состоял из семи помещений, в т. ч. большого зала в центре и узкой галереи вдоль западного фасада. Эти помещения составляли нижний этаж, жилые помещения должны были размещаться на втором этаже. У юго-западного и северо-восточного углов открыты два канализационных стока. Устанавливаются два строительных периода: позднеантичный (кон. IV – сер. VI в.) и средневековый (с X в.). Большинство выявленных строительных остатков относится к первому периоду [12, с. 394].

Следует отметить, что Питиунт являлся религиозным центром позднеантичной Абхазии. В 325 г. епископ Питиунта Стратофил участвовал в работе I Вселенского собора. Первая епископская церковь, построенная для него, участника Первого Никейского собора, располагалась за пределами стен римской крепости (*castellum*), она стала началом развития этого религиозного центра [11, с. 162]. Вообще же на территории канабы Питиунта раскопан древнейший из известных в Восточном Причерноморье христианский храм [6, с. 321].

На основании проведённых раскопок была выстроена хронология существования памятника «Великий Питиунт»:

- 1) конец II – начало III вв. — строительство классического римского каstellума прямоугольной формы;
- 2) середина III в. — попытка расширения каstellума на восток, которая, по всей видимости, совпала с серией варварских нашествий, в результате чего во второй половине 50-х годов III в. крепость была захвачена, разрушена и сожжена, гарнизон перебит;
- 3) конец III–IV вв. н. э. — восстановление крепости, постройка восточной части укрепления (канабы), эпоха расцвета «Великого Питиунта», постройка первых на территории Абхазии христианских храмов;
- 4) V в. н. э. — период упадка города;

- 5) первая половина VI в. — второй расцвет Питиунта в эпоху Юстиниана; цвет Питиунта в эпоху Юстиниана;
- 6) середина VI в. — оставление крепости гарнизоном перед нашествием Мермера и затухание жизни в городе;
- 7) вторая половина VI в. — расцвет окрестностей крепости как христианско-го центра раннесредневековой Абхазии [8, с. 61].
- Это, конечно, далеко не полная информация о древнем городище римского периода — Великом Питиунте, но и она даёт, как нам кажется, полное представление, какой это был великий город для своего времени.

Источники и литература

1. Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья : (очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). Сухум, 2002. 235 с.
2. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе Г. А. Работа Пицундской экспедиции // АО 1976. Москва, 1977. С. 462.
3. Апакидзе А. М. Развитие археологической науки в Советской Грузии // СА. 1967. № 4. С. 5–25.
4. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде (ред. А. Апакидзе). Тбилиси, 1975–1978.
5. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. Москва, 1978. 175 с.
6. Воронов Ю. Н. Научное наследие. Том I. Сухум, 2016. 456 с.
7. Габелия А. Н. Себастопольс и Питиунт: важнейшие укрепления «Понтийского лимеса» // Абхазский государственный университет. 85. Юбилейное научное издание. Москва, 2017. С. 273–284.
8. Глазов К. А., Кизилов А. С., Сакания С. М. Великий Питиунт : 3D-реконструкция памятника на основе материалов археологических исследований // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2019. С. 59–70.
9. Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., Тодуа Т. Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. № 2. Москва, 1978. С. 88–91.
10. Кругликова И. Т. Античная археология. Москва, 1984. 216 с.
11. Хрушкова Л. Г. Раннехристианская двойная церковь в Пицунде в Абхазии. Москва ; Сухум, 2020. 216 с.
12. Хрушкова Л. Г. Раскопки в Питиусе (совр. Пицунда) : 2007–2009 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 394–396.

Sources and Literature

1. Amichba G. A. Abkhazia in the Era of the Early Middle Ages : (Essays on the History of the National Economy and Socio-Economic Relations in the VI–X Centuries). Sukhum, 2002. 235 p.
2. Apakidze A. M., Lordkipanidze G. A. The Work of the Pitsunda Expedition // Archaeological Discoveries 1976. Moscow, 1977. P. 462.
3. Apakidze A. M. The Development of Archaeological Science in Soviet Georgia // Soviet Archaeology. 1967. No. 4. P. 5–25.
4. The Great Pitiunt. Archaeological Excavations in Pitsunda (Ed. by A. Apakidze). Tbilisi, 1975–1978.
5. Voronov Yu. N. In the World of Architectural Monuments of Abkhazia. Moscow, 1978. 175 p.
6. Voronov Yu. N. Scientific Heritage. Vol. I. Sukhum, 2016. 456 p.
7. Gabelia A. N. Sebastopolis and Pitiunt: the Most Important Fortifications of the «Pontic Limes» // Abkhazian State University. 85. Jubilee Scientific Publication. Moscow, 2017. P. 273–284.
8. Glazov K. A., Kizilov A. S., Sakania S. M. Great Pitiunt : 3D-reconstruction of the Monument Based on Materials of Archaeological Research // IX «Anthimov readings» on the Archeology of the Western Caucasus. Krasnodar, 2019. P. 59–70.
9. Kiguradze N. Sh., Lordkipanidze G. A., Todua T. T. The Brands of the XV Legion from the Pitsunda Settlement // Bulletin of Ancient History. No. 2. Moscow, 1978. P. 88–91.
10. Kruglikova I. T. Ancient Archeology. Moscow, 1984. 216 p.
11. Hrushkova L. G. The Early Christian Double Church in Pitsunda in Abkhazia. Moscow ; Sukhum, 2020. 216 p.
12. Khrushkova L. G. Excavations in Pitiunt (modern Pitsunda) : 2007–2009 // The Latest Discoveries in the Archeology of the North Caucasus: Research and Interpretation. XXVII Krupnov Readings. Makhachkala, 2012. P. 394–396.

УДК 902.01

Анна Алексеевна Еремеева,
 младший научный сотрудник отдела античного мира
 ФГУК «Государственный Эрмитаж»
 (г. Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ «РОСТОВЦЕВСКОЙ» КАТАКОМБЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ

Аннотация: статья посвящена истории исследования римского некрополя античного города Нимфей и «ростовцевской» катакомбы в частности. Кроме того, в ней подымается вопрос о необходимости музеефикации памятника.

Ключевые слова: некрополь, римский, Нимфей, катакомбы, музеефикация.

Anna Alekseyevna Eremeyeva,
 A Junior Researcher of the Department of the Ancient World
 The State Hermitage Museum
 (Saint-Petersburg)

HISTORY OF THE INVESTIGATIONS OF THE «ROSTOVZEV'S» CATACOMB. PROSPECTS FOR MUSEIFICATION OF THE ARCHEOLOGICAL OBJECT

Annotation: the paper is about the history of the Roman necropolis research on the site of the ancient town of Nymphaion and the «Rostovzev's» catacomb in particular. Moreover the article raises a question of the museification of the necropolis.

Keywords: necropolis, Roman, Nymphaion, catacombs, museification.

Нимфейский некрополь римского времени в дореволюционную эпоху оставался практически не затронутым археологическими исследованиями. За исключением получившей известность уникальной «ростовцевской» катакомбы [2, с. 105, 132–137; 8, с. 394–397, табл. ХСVI; 9, с. 25], о которой пойдёт речь далее, было обнаружено около дюжины маловыразительных погребений [9, с. 92–93]. Широкомасштабные охранные раскопки Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством Н. Л. Грач в 1966, 1973–1978 гг. (за исключением сезона 1975 г.) открыли для науки репрезентативную группу погребальных памятников римского периода [2, с. 32–34, 105–113]. Эти данные были дополнены раскопками А. А. Аветикова [1], В. Н. Зинько [6, с. 216], С. Л. Соловьёва [12] в 1990-е гг.,

О. Ю. Соколовой [10] — в 1990–2000-е гг., М. А. Котина [7, с. 197] — в 2012–14 гг., автора статьи — в 2019 г. [3], а также охранными работами ИА РАН в 2019–2020 гг.

На основе всех ныне имеющихся археологических данных [9, с. 92–93; 2, с. 32–34, 105–113; 1; 26, с. 60–109; 10; 6, с. 216; 3; 4] можно выделить следующие типы конструкций погребений, характерные для римского некрополя Нимфея: сырцовые гробницы, грунтовые и вырубленные в скале могилы с перекрытием и без, склепы, катакомбы и плитовые могилы.

Перспективным для изучения участком первых веков новой эры на некрополе Нимфея представляется южная – юго-западная его часть [3]. Наиболее хорошо на данный момент изучен и издан северный – северо-восточный участок грунтового некрополя [2, табл. 1–3; 12, рис. 93, 94]: здесь проводились наи-

более масштабные исследования [2; 1; 12; 10] и обнаружены погребения, верхняя датировка которых относится к середине VI в. до н. э. [2, с. 27], а нижняя — к началу IV в. н. э. [2, с. 33]. Грунтовые погребения римского времени нередко перебивают более ранние могилы [12, рис. 93, 94].

На востоке указанного участка, под земляной насыпью искусственного происхождения, тянувшейся с севера на юг вдоль края древней балки, экспедиция Н. Л. Грач открыла 28 богатых семейных гробниц I–III вв. н. э. [2, с. 105–174]. Так называемая «аллея склепов» представляет собой два ряда катакомб — общей протяжённостью около 200 м (отсюда и название «аллея»). Двадцать две гробницы открыты со стороны естественного склона местности — в западной части насыпи, четыре — с востока, где поверхность скалы ровная [2, табл. 1, 2; с. 106]. Наиболее ранние катакомбы были сооружены в грунте (К 26 [2, с. 163–171, табл. 175, 176], 27 [2, с. 171–174, табл. 177, 178]) на юго-западе участка, поперёк основной оси, по которой идут погребения [2, с. 109, 113]. Выбивается из общих строительных тенденций на «аллее» склеп 1, который имел полуциркулярный свод, сложенный из каменных хорошо обработанных блоков; нижняя же часть склепа прорезала скалу [2, с. 160, табл. 174]. Остальные гробницы полностью вырублены в скальной известняковой породе. Каждая катакомба состоит из погребальной камеры и дромоса. Во многих камерах были обнаружены лежанки и ниши. В двух случаях стены камер имели следы росписи по штукатурке (К 8 [2, с. 106, 127–130, табл. 159–161], склеп 1 [2, с. 106, 160–163, табл. 174]), в трёх случаях катакомбы украшены рельефами (К 4, 7, 11 [2, с. 140–143, табл. 165, с. 132–137, табл. 162, с. 124–126, табл. 157, с. 106–107]).

Некрополь римского времени носит следы разорения и в древности, и в новое время [2, с. 108–109; 11, с. 120]. Именно поэтому на первый план в изучении его выступают вопросы топографии и анализ конструктивных особенностей погребений.

Н. Л. Грач отмечала, что, исходя из расположения вблизи катакомб на незакрытой ими площади, «камеры-ящики» существовали с ними в I в. н. э. [2, с. 32]. Кроме того, было установлено: грунтовые погребения в границах «аллеи склепов» группируются между отдельными сериями катакомб, которые также располагались в определённой ритмической системе — по 2, 3 и 6. Судя по схожим конструктивным особенностям, склепы в рамках одной группы сооружались одновременно [2, с. 33, 109]. Наиболее богато декорированные гробницы (К 7, 8, 11), как отметила Н. Л. Грач, располагались особняком и, видимо, принадлежали гражданам Нимфея, носившим наиболее высокий социальный статус [2, с. 109].

Катакомба № 7 («ростовцевская» [2, с. 107–108, с. 132–137; 8, табл. ХСVI, с. 394–397]) занимает важнейшее место среди прочих погребальных сооружений Нимфейского некрополя, благодаря уникальным рельефам, сохранившимся на её стенах [2, с. 25]. Впервые катакомба № 7 была обнаружена в 1899 г. частными лицами, отправленными на поиск древностей А. В. Новиковым — помещиком, владевшим землями, на которых располагается некрополь Нимфея [11, с. 120]. Раскопки носили хищнический характер и никак не документировались [8, табл. ХСVI; с. 394]. В 1905 г. гробницу повторно вскрыли [8, с. 394] для знаменитого российского антиковеда М. И. Ростовцева, собиравшего информацию для своего масштабного научного труда «Античная декоративная живопись на юге России» [8]. Катакомба была опубликована в первый раз именно в этом прекрасном издании [8, табл. ХСVI]. Учёный отметил, что погребение изначально обнаружено разграбленным в ряду подобных ему сооружений, и датировал его исключительно на основании стиля рельефов на стенах — не ранее II в. н. э. [8, с. 396].

Во время третьего открытия — в 1973 г. — Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н. Л. Грач катакомба предстала нетронутой с момента последнего посещения. «На поверхности заплывшего в

камеру грунта <...> лежали разбитые стеклянные пластинки», оставленные фотографом Императорской Археологической комиссии М. С. Рубанчиком, проводившим съёмку для издания М. И. Ростовцева [2, с. 107]. Обнаружение надолго затерянной для науки катакомбы было результатом серьёзного предварительного исследования, проведённого Н. Л. Грач и её мужем и соратником — известным археологом А. Д. Грачом [5, с. 135].

Экспедицией были учтены ранее не зафиксированные детали убранства катакомбы [2, с. 107–108], о которых пойдёт речь ниже. Анализ обнаруженного антропологического материала показал, что в камере присутствовали останки, по крайней мере, трёх погребённых [2, с. 136]. Был также выявлен пропущенный грабителями и первооткрывателями погребальный инвентарь [2, с. 137]: обломки стеклянных и глиняных сосудов [2, табл. 162.5–7], фрагмент железного ножа, гипсовые налесты на саркофаг, листочки в виде трилистника от погребального золотого венка, антропоморфное надгробие (один из камней заклада), золотая индикация с монеты Галлиена (253–268 гг. н. э. [2, табл. 162.8]). Весь сопроводительный материал относится ко II–III вв. н. э. Индикация с монеты Галлиена позволила Н. Л. Грач точно датировать окончание захоронения в катакомбе в пределах третьей четверти III в. н. э., то есть практически накануне гибели города [2, с. 137].

Обратимся к некоторым особенностям конструкции катакомбы [2, табл. 162.1–4]. К практически прямоугольной вырубленной в скале камере, ориентированной с запада на восток, примерной площадью 23 м, на глубину 2,8 м от уровня дневной поверхности ведёт трёхметровый дромос шириной чуть более метра [2, с. 132–133]. В начале дромоса вырублено 12 ступеней. Вход в камеру обрамлял портал, выполненный из более твёрдой породы известняка, нежели материковая скала, в которой прорублены камера и дромос. Вход в помещение имел прямоугольную форму. Порог состоял из двух ступеней из такого же твёрдого камня.

В центральной части потолок камеры обрушился. По предположению Н. Л. Грач, это случилось под действием взрывных волн от разрывающихся снарядов во время боёв на Эльтигенском плацдарме. Также археолог доказала, что в некоторых местах свод начал рушиться сразу после сооружения катакомбы, о чём свидетельствует известковая обмазка с включением керамических фрагментов, скреплявшая трещины и щели в её стенах [2, с. 135–136].

В задней части южной стены камеры вырезана ниша, арочной формы, для светильника. У входа, над ним и по его сторонам сгруппирована главная декоративная композиция [2, с. 134]. В юго-западном углу располагается изображение головы Пана анфас [2, с. 135, рис. 60]. На своде, прямо над входом — в эдикуле арочной формы — изображение Афины анфас [2, с. 135, рис. 61]. В правой руке Афина держит акинак, в левой — щит, на груди у неё — горгонейон (изображение головы Медузы Горгоны). Таким образом, присутствуют все атрибуты богини. В северном переднем углу — рельеф, изображающий Силена [2, с. 135, рис. 62].

Во время раскопок катакомбы Н. Л. Грач были обнаружены детали декора, не замеченные в силу обстоятельств при первой фиксации погребения М. И. Ростовцевым: исследователь попал в камеру, на треть заполненную землёй [2, с. 107], что ко всему прочему усугублялось недостаточным освещением. Рядом с протомой Пана, с юга от входа, в 1973 г. было обнаружено профильное изображение Сатира (либо Диониса), не известное ранее. Также были учтены: рисунок верхней части мужской фигуры в плаще, вправо, и надпись «ΚΑΙ ΣΥ» (в переводе с древнегреческого: «...и ты...») перед его лицом. На северной стене вблизи от входа, на скальной поверхности небрежно высечено человеческое лицо; на южной стене камеры — изображение креста (?) [2, с. 108, 135].

Катакомба № 7 уникальна своими настенными рельефами. Однако обнаруженные экспедицией Н. Л. Грач подобные элементы декора в двух других

катакомбах свидетельствуют о вспышке кратковременной моды на настенные рельефы в узком кругу нимфейской знати. На стене катакомбы № 11 (датируется I – 60-ми гг. III вв. н. э.) был зафиксирован рельеф в виде бородатого мужского лица [2, с. 109, 124–125, рис. 53], а на южной стене дромоса катакомбы № 4 (I–II вв. н. э.) — масштабная композиция эротического содержания [2, с. 107, 140].

Выбор персонажей для рельефов на стенах камеры катакомбы № 7, как считал М. И. Ростовцев, не был случайным [8, с. 395–396]. Богиня Афина выступает здесь, по мнению учёного, покровительницей города Нимфей, а остальные божества, бесспорно, принадлежат к хтоническому дионисийскому культу. Изображения божеств, группирующиеся у входа в катакомбу, могли ко всему прочему олицетворять апотропеев погребения. Украшение гробницы высеченными в скале рельефами — редчайшее явление на Боспоре, вероятно, являющееся, как считал М. И. Ростовцев, отголоском веяний в погребальной архитектуре Малой Азии и Сирии [2, с. 396–397]. Утверждение учёного хорошо иллюстрируется современными исследованиями [13, р. 37–76; 14]. Одним из примеров рельефов, выполненных в относительно схожей с

нимфейской традиции, могут послужить вырезанные в камне сюжеты из гробницы жреца Рапсона в местечке Бабулин в северной Сирии. Датируется погребальное сооружение концом первой половины III в. н. э. [15, fig. 2, 3, 21, 22].

Наиболее ценные катакомбы, включая «ростовцевскую», были законсервированы экспедицией Н. Л. Грач. Незасыпанные склепы, по результатам археологических разведок автора в 2018–2019 гг., производят весьма удручающее впечатление. Катакомбы разрушаются под действием неблагоприятных факторов окружающей среды, забрасываются современным мусором. В 2019 г. в рамках подготовительного этапа музеефикации «аллеи склепов» в сотрудничестве с Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником здесь были расчищены дромосы и камеры нескольких незаконсервированных в 1970-е гг. погребальных сооружений, снята 3D-модель катакомбы № 18. Необходимость продолжения работ по музеефикации римского некрополя Нимфея в последующие годы бесспорна и в значительной степени обусловлена непрерывным ухудшением состояния памятника и вероятностью потери для науки исключительных по своей значимости археологических объектов.

Источники и литература

1. Аветиков А. А. Охранные раскопки некрополя Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь : Сонат, 1997. С. 8–10.
2. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея: науч. изд. / Н. Л. Грач ; Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург : Наука, 1999. 323 с.
3. Еремеева А. А. Отчёт Археологической экспедиции по изучению Хоры и Некрополя Нимфея за 2019 г. // Архив отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, 2020.
4. Еремеева А. А. Разведка на некрополе Нимфея // АО. 2018 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. Москва : Институт археологии РАН, 2020. С. 283–285.
5. Жижина Н. К. Боспорская поэма, или эскиз к портрету учёного // Перипл : от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций // Бутягин А. М., Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. (ред.). ТГЭ. Т. 88. Санкт-Петербург : изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 129–136.
6. Зинько В. Н. Хора Боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. Вып. 4. Симферополь ; Керчь, 2003. 320 с.
7. Котин М. А. Итоги работ на поселении Эльтиген Западное (2012–2014 гг.) // Перипл : от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций // Бутягин А. М., Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. (ред.). ТГЭ. Т. 88. Санкт-Петербург : изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 185–197.
8. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России / М. И. Ростовцев. Санкт-Петербург : изд. Императорской археологической комиссии, 1913–1914. Т. 1, 2.
9. Силантьева П. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. № 69. Некрополи боспорских городов / под ред. В. Ф. Гайдукевича. Москва ; Ленинград, 1959. С. 5–107.

10. Соколова О. Ю. Охранные работы на некрополе Нимфея (2006–2009, 2012 гг.) / Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. С. 136–141.

11. Соколова О. Ю. 75 лет Нимфейской экспедиции // Перипл : от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций // Бутягин А. М., Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. (ред.). ТГЭ. Т. 88. Санкт-Петербург : изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 119–128.

12. Соловьёв С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея : Итоги работ Керч. археол. экспедиции Гос. Эрмитажа : 1992–1996 гг. / С. Л. Соловьёв. Санкт-Петербург : изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 212 с.

13. De Jong L. The Archaeology of Death in Roman Syria : Commemoration, Empire and Community. Cambridge, 2017.

14. Çevik N. The Rock-cut Tombs of Etenna and the Rock-cut Tomb Tradition in Southern Anatolia // Anatolian Studies (AnatSt). 2003. Vol. 53. P. 97–116.

15. Chéhadeh K., Griesheimer M. Les reliefs funéraires du tombeau du prêtre Rapsônès, Syria. T. 75 (1998). P. 171–192.

Sources and Literature

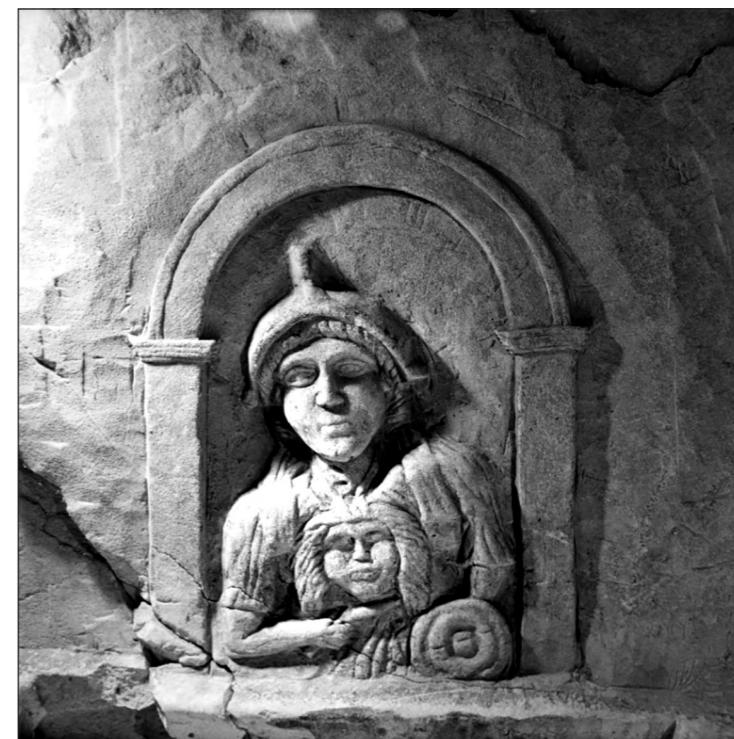
1. Avetikov A. A. Rescue Excavations of the Necropolis of the Ancient Town of Nymphaion // Archaeological Research in the Crimea. 1994. Simferopol : Sonat Publ., 1997. P. 8–10.
2. Grach N. L. The Necropolis of the Ancient Town of Nymphaion : Scientific Edition / N. L. Grach ; State Hermitage. Saint-Petersburg : Nauka Publ., 1999. 323 p.
3. Eremeyeva A. A. Report of the Archaeological Expedition at the Chora and the Necropolis of the Ancient Town of Nymphaion. 2019 // Archive of the Department of the Ancient World of the State Hermitage. Saint-Petersburg, 2020.
4. Eremeyeva A. A. Archeological Pre-Screening at the Necropolis of the Ancient Town of Nymphaion // AD 2018. Moscow : Institute of Archeology RAS Publ., 2020. P. 283–285.
5. Zhizhina N. K. A Bosphorus Poem, or a Sketch for a Portrait of a Scientist // Periplus : from Borysthènes to the Bosphorus. Materials of Anniversary Conferences // Butyagin A. M., Sokolova O. Yu., Chistov D. E. (ed.). PSH. Vol. 88. Saint-Petersburg : State Hermitage Museum Publ., 2017. P. 129–136.
6. Zinko V. N. The Chora of the Bosphorus Town of Nymphaion // Bosphorus Studies. Issue 4. Simferopol ; Kerch, 2003. 320 p.
7. Kotin M. A. Results of the Research at the West Eltigen Settlement (2012–2014) // Periplus: from Borysthènes to Bosphorus. Materials of Anniversary Conferences // Butyagin A. M., Sokolova O. Yu., Chistov D. E. (ed.). PSH. 88. Saint-Petersburg : State Hermitage Museum Publ., 2017. P. 185–197.
8. Rostovtsev M. I. Antique Decorative Painting in the South of Russia. Saint-Petersburg : Imp. Archaeological Commission Publ., 1913–14. Vol. 1, 2.
9. Silantieva P. F. The Necropolis of the Ancient Town of Nymphaion // Materials and Research on the Archaeology of the USSR. No. 69. Necropolises of Bosphoran cities / edited by V. F. Gaidukevich. Moscow ; Leningrad, 1959. P. 5–107.
10. Sokolova O. Yu. Rescue Research at the Necropolis of the Ancient Town of Nymphaion (2006–2009, 2012) / Burial Culture of the Bosphorus Kingdom. Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Mikhail Moiseevich Kublanov (1914–1998). (Saint-Petersburg, November 25–26, 2014). Saint-Petersburg : Nestor-History Publ., 2014. P. 136–141.
11. Sokolova O. Yu. 75 Years of the Nymphaion Expedition // Periplus : from Borysthènes to the Bosphorus. Materials of Anniversary Conferences // Butyagin A. M., Sokolova O. Yu., Chistov D. E. (ed.). PSH. Vol. 88. Saint-Petersburg : State Hermitage Museum Publ., 2017. P. 119–128.
12. Soloviev S. L. Archaeological Sites of the Countryside and the Necropolis of Nymphaion : the Results of the Kerch Works. Archaeol. Expeditions of the State Hermitage : 1992–1996 / S. L. Soloviev. Saint-Petersburg : State Hermitage Museum Publ., 2003. 212 p.
13. De Jong L. The Archaeology of Death in Roman Syria: Commemoration, Empire and Community. Cambridge, 2017.
14. Çevik N. The Rock-cut Tombs of Etenna and the Rock-cut Tomb Tradition in Southern Anatolia. Anatolian Studies (AnatSt) 53, 2003. P. 97–116.
15. Chéhadeh K., Griesheimer M. Funeral Reliefs from the Tomb of the Priest Rapsônès, Syria. Vol. 75 (1998). P. 171–192.

*Рис. 1. Вид на «аллею склепов» с воздуха.
Аэрофотосъёмка Нимфейской экспедиции
Государственного Эрмитажа. 1970-е гг.
Архив отдела античного мира Государственного Эрмитажа*

*Рис. 2. Протома Пана. «Ростовцевская» катакомба.
Фотосъёмка Нимфейской экспедиции
Государственного Эрмитажа. 1973 г.
Архив отдела античного мира Государственного Эрмитажа*

*Рис. 3. Протома Афины. «Ростовцевская» катакомба.
Фотосъёмка Нимфейской экспедиции
Государственного Эрмитажа. 1973 г.
Архив отдела античного мира Государственного Эрмитажа*

*Рис. 4. Протома Силена.
Фотосъёмка Нимфейской экспедиции
Государственного Эрмитажа. 1973 г.
Архив отдела античного мира Государственного Эрмитажа*

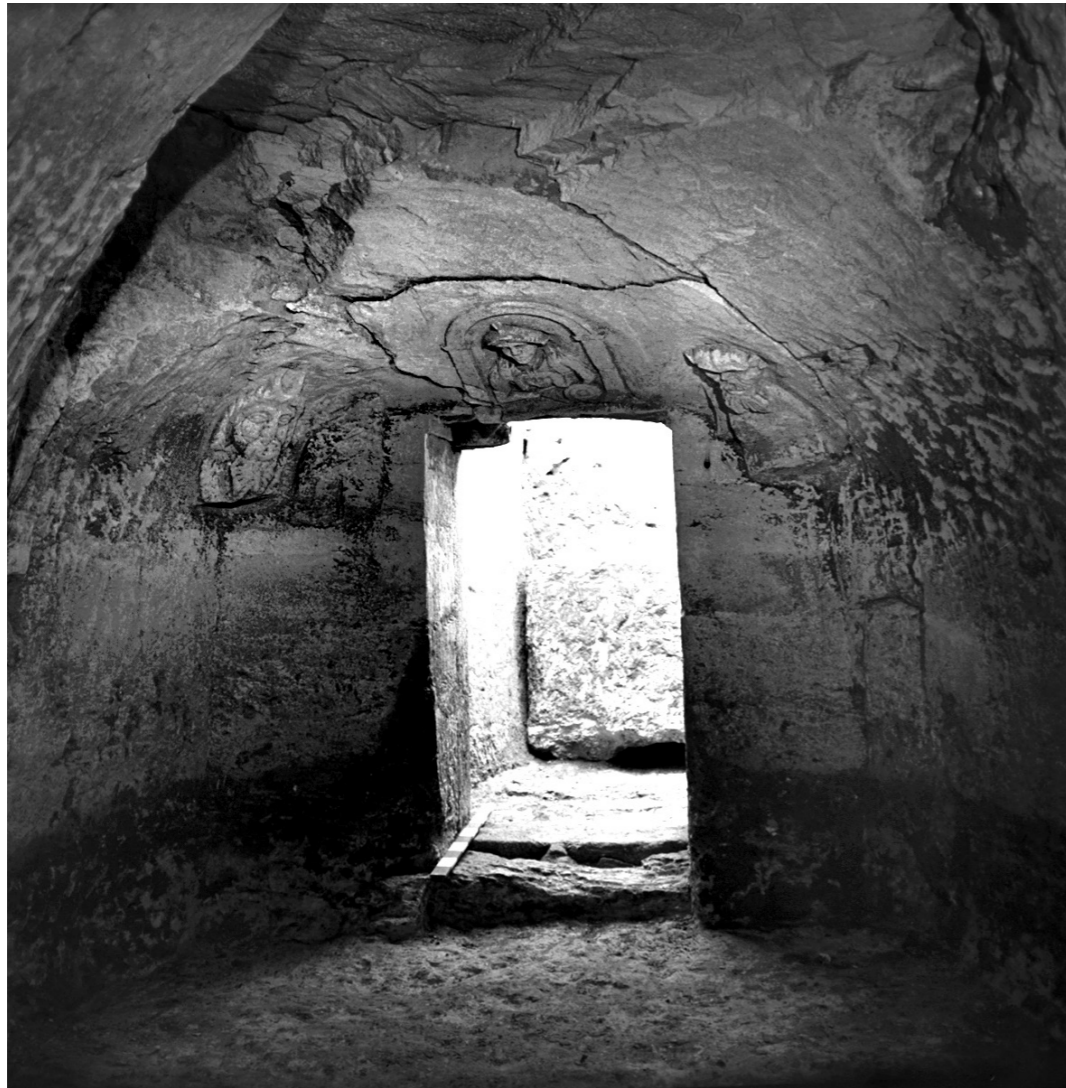

Рис. 5. Рельефная композиция «ростовцевской» катакомбы.
Фотосъёмка Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа. 1973 г.
Архив отдела античного мира Государственного Эрмитажа

УДК 904

Денис Валерьевич Журавлев,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
отдела археологических памятников
ФГБУК «Государственный исторический музей»
(г. Москва)

Антон Михайлович Камышанов,
аспирант кафедры археологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова»
(г. Москва)

Николай Павлович Конотопов,
независимый исследователь
(г. Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (2019–2021 ГГ.)

Аннотация: статья посвящена предварительным результатам раскопок Боспорской археологической экспедиции на поселениях Голубицкая 2 и Красный Октябрь 1 на Таманском полуострове.

Ключевые слова: Таманский полуостров, фортификация, землянка, разведки.

Denis Valer'evich Zhuravlev,
PhD, a Senior Researcher of the Department of Archaeology
State Historical Museum
(Moscow)

Anton Mikhailovich Kamyschanov,
A Postgraduate of the Department of Archaeology
Moscow State Lomonosov University
(Moscow)

Nikolay Pavlovich Konotopov,
An Independent Researcher
(Moscow)

INVESTIGATION OF THE BOSPORAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE TAMAN PENINSULA (2019–2021)

Annotation: this article is devoted to the preliminary results of the Bosporan archaeological expedition on the settlements of Golubitskaya 2 and Krasnyi Oktyabr 1 on the Taman peninsula.

Keywords: Taman peninsula, fortification, survey.

Боспорская археологическая экспедиция Государственного исторического музея совместно с Евразийским отделом Германского археологического институ-

та продолжала полевые исследования на Таманском полуострове [о предыдущих работах см.: 4, с. 73–80; 8, с. 150–186]. Традиционно работы велись силами не-

скольких отрядов, краткая информация о работе которых представлена в настоящей статье.

Раскопки на поселении Голубицкая 2. Многолетние исследования на этом памятнике открыли одно из наиболее важных поселений, основанных на территории современного Таманского полуострова в ходе греческой колонизации. В 2019 г. были завершены исследования оборонительного рва на Раскопе 4: открыты дренажные канавки на дне, относящиеся к двум первым фазам его существования, изучена придонная часть этого фортификационного сооружения. Пожалуй, наиболее важным было выявление линии столбовых ямок по внутреннему краю рва, которые, с высокой долей вероятности, использовались для кольев, на которых держался плетень — крепиды насыпного вала. Земляная фортификация была характерна не только для античного Боспора [12; ср.: 9, с. 81], но и для Ольвии [16, с. 90–93; 18, S. 256, Abb. 20; S. 259, Abb. 24], а также Балканской и Великой Греции [19, р. 99–107].

Материалы исследований оборонительной системы на Голубицкой 2 уже были опубликованы [5, с. 183–192; 6], что избавляет нас от повторного изложения этих фактов.

Раскоп 7 был заложен в западной части памятника, на высоком обрывистом берегу Ахтанизовского лимана (в античное время — пролива Боспор Кубанский). Именно в этой части поселения, на Раскопе 2, в 2009–2014 гг. были найдены наиболее выразительные, ранние материалы, относящиеся к деятельности первых греческих колонистов. Интересно, что единственная до настоящего момента полуземлянка, открытая на памятнике, расположена именно в прибрежной части поселения (объект № 3) [8, с. 167, рис. 18]. Среди находок на этом раскопе — хиосские амфоры с белой облицовкой, керамика в стиле Wild Goat, фаянсовый арибалл и многие другие находки, суммарно датированные первой половиной VI в. до н. э. [8, с. 162–165, рис. 13–14, 15, 2; 16, 1].

Соответственно, основной задачей, стоящей перед экспедицией на Раскопе

7, стало изучение наиболее ранних слоёв эпохи основания поселения. Общая площадь раскопа составила 150 кв. м. Стратиграфия типична для всего памятника: под 40-сантиметровым пахотным слоем залегает плотный жёлто-коричневый суглинок, мощностью 0,3–0,5 м. Непосредственно под ним находится материковая глина-белоглазка. Никаких наземных построек обнаружено не было, лишь в материке были выявлены несколько заглубленных в землю конструкций. Наряду с обычными для памятника хозяйственными ямами, на кв. 73 и 83 нами начато исследование интересного сооружения, работы на котором, к сожалению, не были доведены до конца из-за ливневых дождей.

Этим объектом является заглублённая в землю на глубину до 0,70 м вытянутая яма подпрямоугольной формы со скруглёнными углами. Размеры ямы составляют 1,77 на 1,57 м (на кв. 83 точные размеры ямы пока не установлены). В ходе исследования объекта на глубине 0,62 м от верха землянки выявлены сырцовые конструкции размером примерно 1,27 на 0,54 м с несколькими столбовыми ямками в них. Именно над слоем сырца был обнаружен ионийский килик на низком поддоне, датирующийся второй половиной VI в. до н. э. (Рис. 1). Отличительной особенностью этого сосуда являются две вертикальные ручки различной формы. На расстоянии в 0,05–0,15 м от внешних стен выявлено 6 столбовых ямок, расположенных симметрично относительно друг друга. Заполнение землянки представляет собой супесь с различным заполнением и линзами сырца.

В южной части границы землянки перекрыты пятном чёрного суглинка и пока точно не зафиксированы. Непосредственно в этом чёрном слое, очевидно, перекрывающим верхний горизонт заполнения землянки, была найдена хиосская пухлогорлая амфора третьей четверти V в. до н. э. (Рис. 2).

Таким образом, особенности структуры объекта, разрушенные сырцовые конструкции внутри сооружения и столбовые ямки снаружи могут свидетельствовать в пользу интерпретации его как

полуземлянки. Ближайшими аналогиями можно считать землянки, обнаруженные на раскопе «О» на острове Березань [17, с. 132–133]. До завершения исследования вопрос с хронологией этого сооружения открыт. С одной стороны, отнесение килика ко второй половине VI в. до н. э. сомнений не вызывает, с другой — датировка хиосской амфоры из перекрывающего землянку слоя третьей четвертью V в. до н. э. [13, р. 19] также бесспорна. Маловероятно, чтобы землянка, даже с ремонтами и перестройками, существовала целое столетие.

Городище Красный Октябрь 1 (Рис. 3). Поселение находится восточнее г. Темрюка, у южной окраины п. Красный Октябрь (частично на его территории). Оно расположено в 11–37 м (эллипсоид WGS 84) над уровнем моря. Согласно государственной геологической карте СССР, поселение стоит на голоценовых отложениях. Мыс, на котором находится поселение, огибается с северо-востока, востока и юго-востока старым руслом Курки. Склоны укрепленной части выделяются чёткими очертаниями валов и башен по углам [3, с. 246, рис. 39]. В южной и северной частях видны понижения — возможно, это места въезда в городище. На севере неукрепленной части в рельефе прослеживается пандус, ведущий в восточную часть поселения, которая сейчас застроена современными постройками. Вдоль пандуса, по северному краю, также видны остатки фундаментов построек, обращённых ко рву, ограничивающему поселение с севера. С юга границей городища является высокий уступ надпойменной террасы, с запада и востока — глубокие балки, дополнительно расширенные и превращённые в рвы. В настоящее время весь памятник, как и его укрепленная часть, эпизодически распахиваются простым плугом; на поверхности памятника во множестве видны ямы, оставленные современными кладоискателями, а в восточной и южной части памятника ими были выкопаны целые шурфы, размерами 2 x 2 и более метра. Края этих шурфов заплыли,

они служат местом сброса мусора для местного населения.

Это городище известно давно: оно было обозначено на карте С. Ф. Войцеховского под № 38 как «следы античной культуры», на карте А. А. Миллера зафиксировано как поселение «римского периода», на карте Я. М. Паромова получило № 235 [14, с. 697–702]. Несмотря на сохранившиеся грандиозные фортификационные сооружения, до настоящего времени городище, и даже его укрепленная часть, не привлекало специального внимания археологов (о последних работах на периферии городища см.: 10).

Удобное стратегическое положение этого городища делали его важным пунктом обороны и в античное время, и в эпоху средневековья. Кроме того, оно входило в систему крепостей кордонной линии Российской империи XIX в., и использовалось во время Великой Отечественной войны, в том числе в немецкой оборонительной Голубой линии (следы окопов и капониров хорошо заметны и сегодня, а осколки бомб и мин постоянно встречаются в слоях памятника).

Уже результаты первых лет работы на памятнике позволили существенно скорректировать данные Я. М. Паромова и несколько удревнить время основания этого городища — до рубежа VI–V вв. до н. э. (в слое присутствуют обломки амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и Хиоса).

К сожалению, данные геомагнитной разведки не выявили никаких аномалий. Вероятно, это связано с насыщенностью земли металлом, в первую очередь, осколками бомб и снарядов времен Великой Отечественной войны.

Для исследований выбран участок в северо-западной части городища, к юго-западу от въезда на памятник. К настоящему моменту площадь раскопа достигает 225 кв. м. В ходе работ на всей площади был снят пахотный слой, разрушенный в ходе распашки. Его мощность составляла от 0,2 до 1 м, а находки были представлены материалом римского и раннесредневекового периода, к которому, по всей видимости, относится часть черепа девоч-

ки со следами деформации и другие фрагментированные человеческие останки, а также множество мелких камней.

В центре Раскопа 1 в 2019 г. была обнаружена горизонтальная конструкция, условно разделённая на три участка. Первый участок представляет собой платформу из лежащей слоями красной прокалённой глины, перемежающейся со слоями пепла. Она имеет полукруглые очертания и размер 2,65 x 1,3 м. Второй участок — это платформа из плотной жёлтой прокалённой глины, в средней части которой прослежен сегмент кладки из бутовых камней (1,6 x 3,1 м). Третьей частью конструкции был развал необработанных камней (1,2 x 1,5 м), зафиксированный рядом с платформами.

К юго-западу от этих конструкций расположен развал стены, частично повреждённый распашкой, особенно в северной части, где отчётливо читался след от плуга. В той же части был обнаружен развал пифоса, а к югу от стены — каменная обкладка столбовой ямы, которые могут быть связаны с разрушением этой конструкции в позднеантичное время. Остатки стены представлены тремя отдельными завалами больших необработанных камней (диаметром до 0,70 м и высотой около 0,15–0,20 м).

В 2021 г. в западном направлении было выявлено продолжение конструкций, открытых ранее. Прежде всего, речь идёт о глинобитной печи диаметром около 1,5 м. Её внутреннее пространство (топочная камера?) имеет округлую форму и заполнено золистым слоем. Толщину стенок в видимой части варьирует от 0,1 до 0,5 м. С северо-востока к этой конструкции примыкают остатки ещё одной печи, а суммарная толщина общей стенки достигает 0,7 м. С севера вплотную к рабочему объёму печи примыкает завал обожжённой глины, залегающий на глубине от 0,4 до 0,55 м. Он имеет подквадратную форму (1,5 x 1,6 м) с очень неровными краями и, вероятно, был частично повреждён в ходе распашки. Юго-восточная и восточная часть завала обожжена значительно сильнее, чем западная и

северо-западная — она более хрупкая и имеет специфический красный цвет, в отличие от жёлтой слабо обожжённой глины. В южной части завала имеется подтреугольная выемка длиной около 0,5 м и шириной до 0,4 м, ориентированная на север, а южной частью примыкающая к рабочему объёму печи. От этой выемки на север, сквозь слабо обожжённую глину к северной части завала, идёт неровный слегка изогнутый сквозной желоб длиной около 1 м, расположенный на 10 см выше выемки. Эти детали могут быть связаны с особенностями функционирования печи, однако для окончательных выводов необходимы дальнейшие исследования.

Среди находок, обнаруженных не только непосредственно у печей, но и по всему раскопу, встречено множество глиняных грузил различной формы, размера и степени обжига. Часть из них можно связать с ткацким ремеслом, часть — с рыболовным промыслом. Также встречены многочисленные глиняные пряслица. Мы предполагаем, что исследуемый производственный комплекс служил для изготовления грузил, а, возможно, и других глиняных изделий. Помимо этого, были встречены находки металлического шлака, а также найдена каменная литейная форма, поэтому не исключено, что можно говорить и о следах металлургического производства на городище.

Наиболее важной находкой является бронзовая статуэтка Зевса, предварительно датированная первой половиной I в. н. э. Интересен также сероглиняный боспорский светильник в форме маски Силена (Рис. 4). Массовой находкой являются лепные открытые курильницы, многие из которых имеют следы копоты на поверхности. Среди находок — разнообразные красноглиняные и светлоглиняные амфоры, среди которых преобладают экземпляры типа CIVA по С. Ю. Внукову [2], краснолаковая керамика боспорского и понтийского производства, большое количество лепной посуды, серолощёная и краснолощёная посуда. Большинство находок относится к I в. н. э., точнее, к его первой половине — третьей четверти.

Разумеется, пока у нас нет никаких оснований для датировки фортификации этого памятника уникальной сохранности. Можем лишь осторожно предположить, что в их основе лежит крепость, спроектированная в I в. до н. э., возможно, при участии римских военных инженеров, неоднократно перестраивавшаяся в более поздние эпохи. На памятнике в изобилии представлена средневековая керамика, в том числе, поливная турецкого времени.

Разведки в Темрюкском и Анапском районе Краснодарского края. Боспорская археологическая экспедиция ведёт масштабные разведки памятников на Таманском полуострове [1, с. 136–146] и за его пределами. Сотрудниками экспедиции активно используются аэрофотосъёмка и магнитная разведка [3, с. 245–247; 7, с. 193–200; 11, с. 151–158; 15, с. 18–26]. Для аэрофотосъёмки применялись беспилотные воздушные суда (БВС) коптерного типа компании DJI Phantom 4 PRO с камерой FC6310 и самолётного типа Геоскан-101 с камерой Sony DCS RX1R и бортовым геодезическим приёмником Topcon B110 для определения высокоточных центров проекции. Квадрокоптер был использован для АФС локальных участков с пространственным разрешением на местности 2–3 см, а Геоскан-101 для съёмки сравнительно больших территорий с размером пикселя на земле 9 [15, с. 152]. Наиболее интересные и важные результаты получены на Семибратнем городище, где в результате комбинирования данных фотограмметрии и геомагнитной разведки был создан но-

вый план городища и выявлены ранее не известные оборонительные стены с башнями, рвы, дороги, жилые и общественные постройки и т. п. Подробному описанию полученных результатов будет посвящена специальная публикация. Отдельным разведочным отрядом была проведена фотограмметрическая съёмка около 20 поселений, позволившая не только выполнить хорошие топографические планы, но и выявить ряд элементов поселенческой структуры — остатки валов (в том числе, размытых водами Ахтанизовского лимана), скопления материала, и уточнить границы памятников.

Подводя итоги, отметим, что в результате работ 2019–2021 гг. нами была получена важная информация о раннем этапе существования поселения Голубицкая 2, завершено изучение его оборонительной системы и открыта новая полужемлянка. На городище Красный Октябрь 1 в результате работ получена информация о хронологии памятника, появились первые данные о стратиграфии этого памятника. Мы предполагаем в дальнейшем не только продолжить исследование открытого производственного комплекса, но и приступить к изучению фортификации этого интереснейшего памятника — возможно, одной из опорных крепостей раннеримского времени на границах Боспорского царства и варварского хинтерланда. Использование же методов дистанционного зондирования позволяет получить большой объём дополнительной информации, столь необходимой для правильной интерпретации изучаемых памятников.

Источники и литература

1. Батасова А. В. Сельские поселения Азиатского Боспора : проблемы выявления и интерпретации по данным археологических разведок // Археологические вести. 29. Санкт-Петербург, 2020. С. 136–146.
2. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). Москва, 2003.
3. Журавлев Д. В., Батасова А. В., Кобзев А. А., Кудряшова А. И., Курков В. М., Скрыпичина Т. Н., Шлотцауер У. Разведки на городищах Красный Октябрь 1 и Семибратнее в Краснодарском крае // АО 2018 год. Москва, 2020. С. 245–247.
4. Журавлев Д. В., Батасова А. В., Кудряшова А. И. Исследования на поселении Голубицкая 2 в 2013–2016 гг. // Таврические студии. 12 (Материалы Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора. Новейшие археологические открытия на территории Боспорского царства». 10–12 августа 2017 г., Керчь). Симферополь, 2017. С. 73–80.

5. Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. Оборонительный ров поселения Голубицкая 2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. XX Боспорские чтения. Симферополь ; Керчь, 2019. С. 183–192.
6. Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. О системе обороны поселения Голубицкая 2 // Археологические вести. Санкт-Петербург (в печати).
7. Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У., Курков В. М., Скрыпицына Т. Н., Князь В. А., Кудряшова А. И., Кобзев А. А., Мишка К. Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. XX Боспорские чтения. Симферополь ; Керчь, 2019. С. 193–200.
8. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ. 201. Москва : Исторический музей, 2014. С. 150–186.
9. Иванов А. В., Кононов В. Ю., Ларенок П. А., Подорожный А. А. Поселение «Марьянское I» в Нижнем Прикубанье. Обзор // Боспорский феномен. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург : ИПЦ СПбГУПТД, 2020. Том II. С. 78–83.
10. Крутоголовенко К. А. Археологический комплекс «Красный Октябрь 1» // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар, 2017.
11. Курков В. М., Скрыпицына Т. Н., Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кобзев А. А., Князь В. А., Мишка К. Комплексное обследование археологических памятников с использованием воздушного и наземного зондирования // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. Выпуск 3. Ростов-на-Дону, 2018. С. 151–158.
12. Масленников А. А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула : Гриф и К., 2003.
13. Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва ; Саратов : Киммериды, 2003. 350 с.
14. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова (Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г.). Москва, 1992.
15. Скрыпицына Т. Н., Курков В. М., Кобзев А. А., Журавлев Д. В. Данные дистанционного зондирования как геопространственная основа для археологических исследований. Инженерные изыскания. 2019. Том XIII. № 3. С. 18–26.
16. Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г. 2020. О городских границах Ольвии Понтийской в архаическое время // Археологические вести. 29. Санкт-Петербург, 2020. С. 88–99.
17. Чистов Д. Е. Землянки архаической Березани // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ : Стародавній світ, 2017. С. 127–143.
18. Fornasier J., Bujskich A. V., Kuz'miščev A. G. Ein Stadtbild im Wandel. Neue Ergebnisse eines deutsch-ukrainischen Forschungsprojektes aus der griechischen Kolonie Olbia Pontike // Das Altertum, Bd. 62. 2017. S. 241–270.
19. Hülten O. 2018. Greek Fortifications before the Persian Wars. An Overview // Understanding Ancient Fortifications. Between Regionality and Connectivity. Oxford & Philadelphia.
7. Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Schlotzhauer U., Kurkov V. M., Skrypitsyna T. N., Knyaz' V. A., Kudryashova A. I., Kobzev A. A., Mishka C. New Data about Structure of the Antique Monuments of Asiatic Bosphorus (on the Remote Sensing Data) // Bosphoran Readings. XX. Simferopol' ; Kerch, 2019. P. 193–200.
8. Zhuravlev D. V., Schlotzhauer U. Some Results of the Work of the Bosphoran Archaeological Expedition at the Taman' Peninsula (2006–2013) // The State Historical Museum and Native Archaeology. To the 100 Anniversary of the Department of Archaeological Monuments. Papers of the State Historical Museum. Vol. 201. Moscow : Historical Museum, 2014. P. 150–186.
9. Ivanon A. V., Kononov V. Yu., Larenok P. A., Podorozhnyi A. A. Settlement of «Maryanskoe I» in the Lower Kuban Region. An Overview // Bosphoran Phenomenon. Materials of the International conference. Saint-Petersburg, 2020. Vol. II. P. 78–83.
10. Krutogolovenko K. A. Archaeological Complex «Krasnyi Oktyabr'1» // VII «Anfimov's Readings». Materials of the International Archaeological Conference. (Krasnodar, May 31 – June 2, 2017. Krasnodar, 2017.
11. Kurkov V. M., Skrypitsyna T. N., Zhuravlev D. V., Schlotzhauer U., Kobzev A. A., Knyaz' V. A., Mischka K. Comprehensive Examination of Archaeological Sites by Ground and Aerial Remote Sensing Techniques // Ecology, Economy Informatics, Geoinformation Technologies and Space Monitoring. Issue 3. Rostov-on-Don : Southern Scientific Center of RAS Publishers, 2018. P. 151–158.
12. Maslennikov A. A. 2003. Ancient Earth Frontiers and Defencive Structures in the East Crimea. Tula : Grif & K., 2003. 280 p.
13. Monakhov S. Yu. 2003. Greek Amphorae in the Black Sea Region : Typology of the Amphorae of the Main Export Centers of the Goods in Ceramic Containers. Moscow ; Saratov : Kimmerida, 2003. 350 p.
14. Paromov Ya. M. Archaeological Map of the Taman Peninsula (Manuscript is deposited at the Institute of Scientific Information of Russian Academy of Science. N 47103, 1.10.1992). Moscow, 1992.
15. Skrypitsyna T. N., Kurkov V. M., Kobzev A. A., Zhuravlev D. V. Remote Sensing Data as a Geospatial Basis for Archaeological Research. Engineering Survey. Vol. XIII. No. 3. Moscow, 2019. P. 18–26.
16. Fornasier J., Bujskich A. V., Kuz'miščev A. G. On the Question of the City Boundary of Olbia Pontike in Archaic Times // Archaeological News. 29. Saint-Petersburg, 2020. P. 88–99.
17. Chistov D. E. Dugouts of the Archaic Berezan' // Northern Black Sea Region in the Antique Period. Kiev : Ancient World, 2017. P. 127–143.
18. Fornasier J., Bujskich A. V., Kuz'miščev A. G. Ein Stadtbild im Wandel. Neue Ergebnisse eines deutsch-ukrainischen Forschungsprojektes aus der griechischen Kolonie Olbia Pontike // Das Altertum, Bd. 62. 2017. S. 241–270.
19. Hülten O. 2018. Greek Fortifications before the Persian Wars. An Overview // Understanding Ancient Fortifications. Between Regionality and Connectivity. Oxford & Philadelphia.

Sources and Literature

1. Batasova A. V. Rural Settlements of the Asiatic Bosphorus : Problems of Detection and Interpretation of the Archaeological Explorations Data // Archaeological News. 29. Saint-Petersburg, 2020. P. 136–146.
2. Vnukov S Yu. Pontic Amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD (morphology). Moscow, 2003.
3. Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Kobzev A. M., Kudryashova A. I., Skrypitsina T. N., Schlotzhauer U. Surveys on the Settlements of Krasnyi Oktyabr'and Semibratnee in the Krasnodar Region // Archaeological Discoveries. 2018. Moscow, 2020. P. 245–247.
4. Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Kudryashova A. I. Discoveries at the Settlement of Golubitskaya 2 in 2013–2016 // Tauric Studies. 12. Simferopol', 2017. P. 73–80.
5. Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Schlotzhauer U. Defensive Ditch of the Settlement of Golubitskaya 2 // Bosphoran Readings. XX. Simferopol' ; Kerch, 2019. P. 183–192.
6. Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Schlotzhauer U. About the Defensive System of the Settlement of Golubitskaya 2 // Archaeological News. Saint-Petersburg (in print).

Рис. 1. Поселение Голубицкая 2. Ионийский килик. Вторая половина VI в. до н. э.
Фото И. А. Седенькова

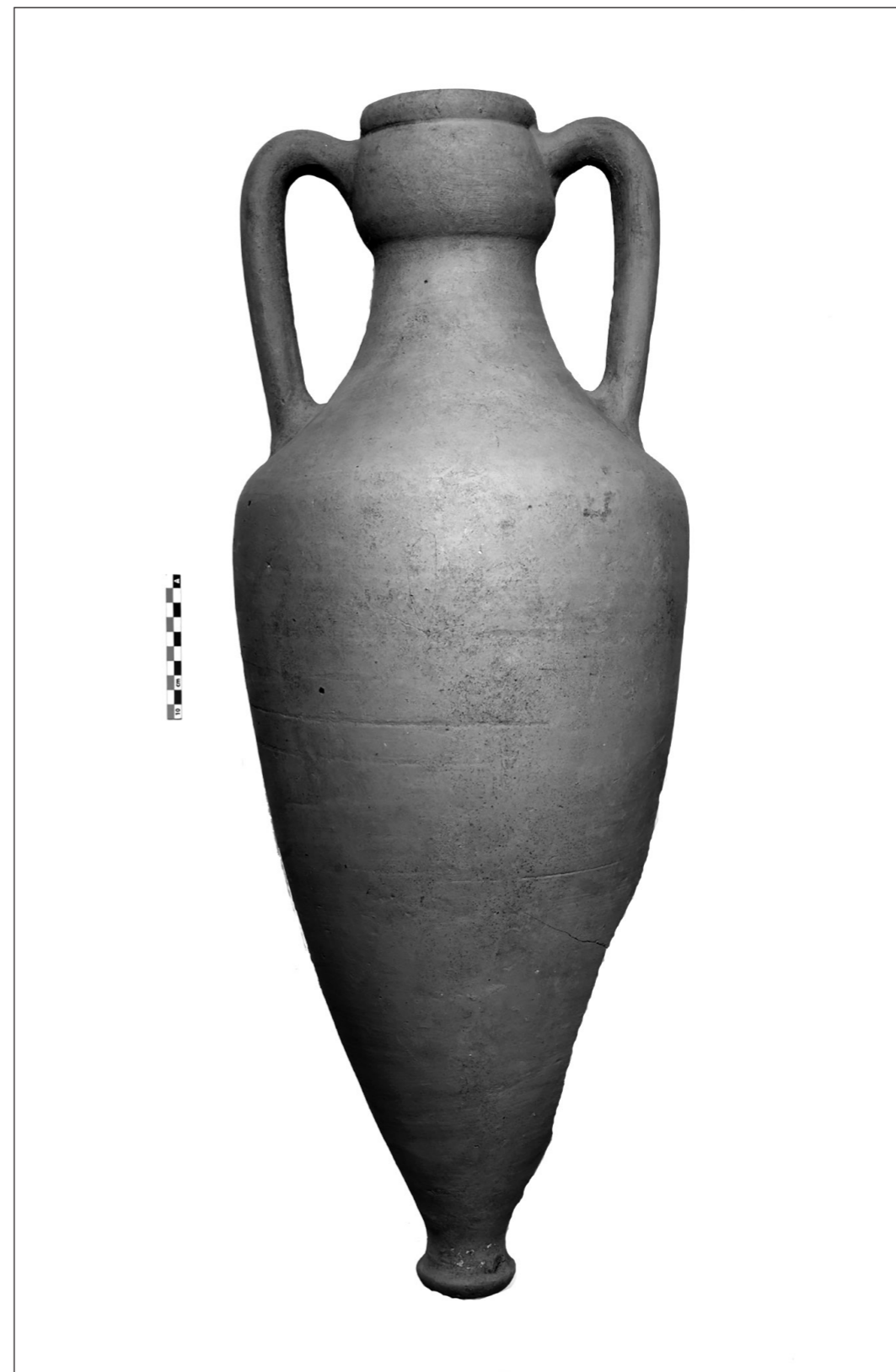

Рис. 2. Поселение Голубицкая 2. Хиосская амфора. Третья четверть V в. до н. э.
Фото И. А. Седенькова

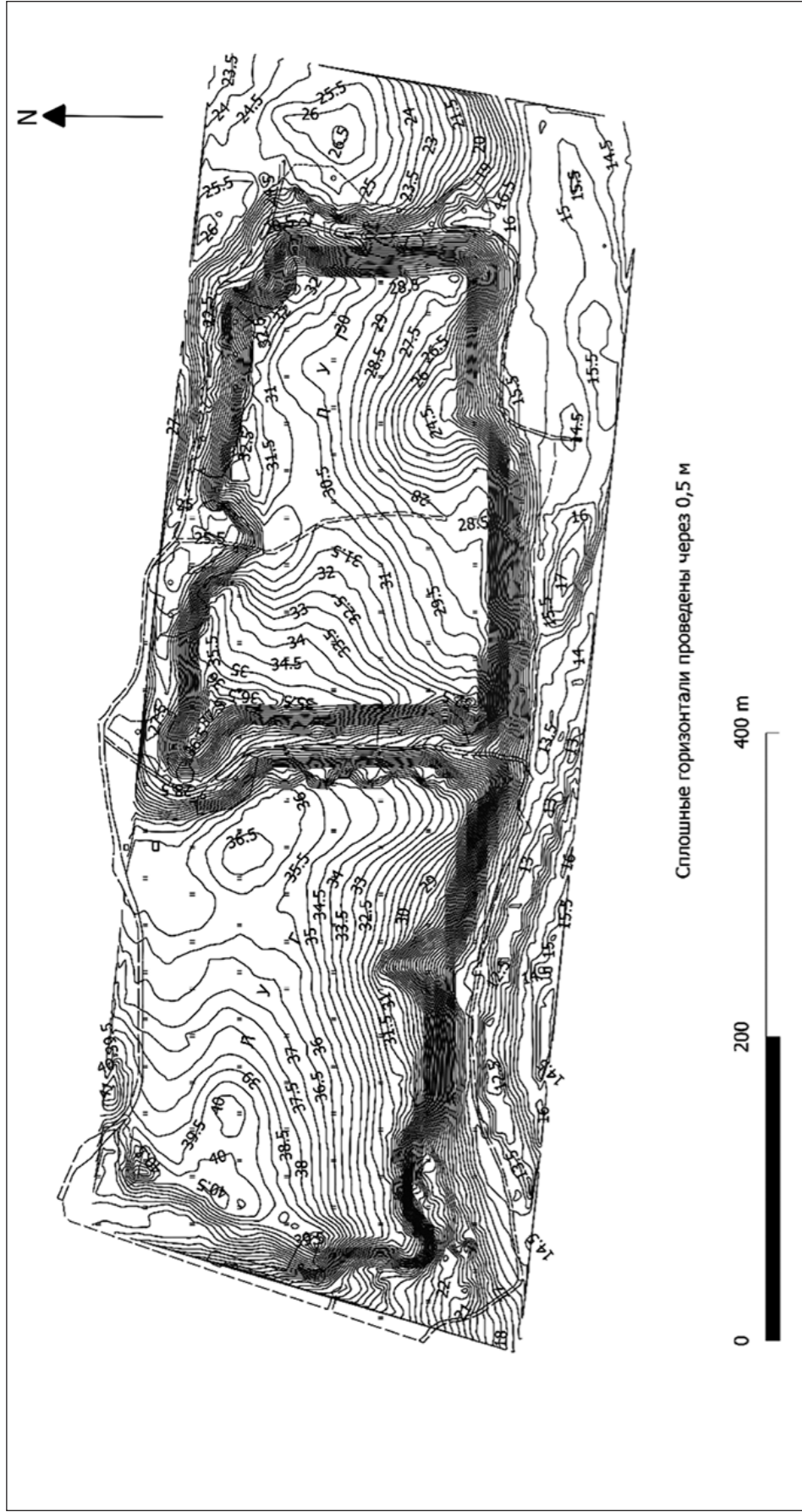

Рис. 3. Городище Красный Октябрь I. Топографический план

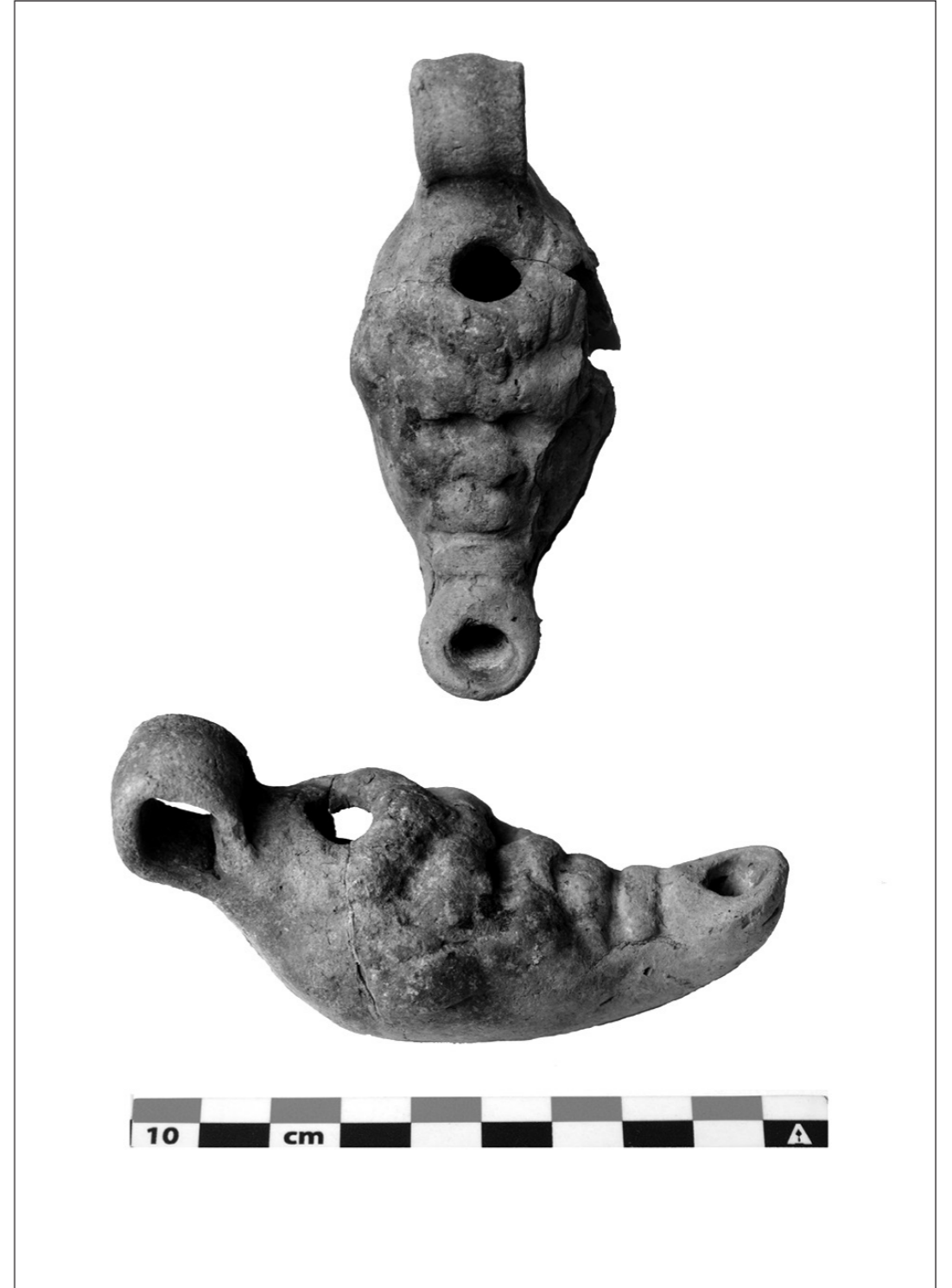

Рис. 4. Городище Красный Октябрь I. Светильник в форме головы Силена. I в. н. э.
Фото И. А. Седенькова

Александр Борисович Зайцев,

научный сотрудник отдела
«Территориальные основы градостроительства»
ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации»
(г. Москва)

Галина Леонидовна Мельникова,

доктор экономических наук,
кандидат географических наук,
главный научный сотрудник отдела
«Территориальные основы градостроительства»
ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации»
(г. Москва)

«АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРИАДА» В КОМПЛЕКСНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: статья посвящена методологии изучения пространственно-временных процессов на основе исторических и археологических данных. Обоснован подход к расселению и миграциям как системным процессам. Разработан авторский метод «Аналитическая Триада».

Ключевые слова: геоинформатика, расселение, миграция, археология, музей, градостроительство.

Alexander Borisovich Zaitsev,

A Researcher of the Department
«Territorial Foundations of the Urban Planning»
FSBI «Central Research and Design Institute
of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services
of the Russian Federation»
(Moscow)

Galina Leonidovna Melnikova,

Doctor of Economics, PhD on Geography,
Chief Researcher of the Department
«Territorial Foundations of the Urban Planning»
FSBI «Central Research and Design Institute
of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services
of the Russian Federation»
(Moscow)

«ANALYTICAL TRIAD» IN COMPLEX ARCHAEOLOGICAL RESEARCH: GEOINFORMATION ANALYSIS

Annotation: the article is devoted to the methodology of studying spatio-temporal processes based on historical and archaeological data. The approach to settlement and migration as systemic processes is substantiated. The author's method of «Analytical Triad» is developed.

Keywords: geoinformatics, settlement, migration, archeology, museum, urban planning.

Развитие информационных технологий XX века ощутимо повлияло на состояние общества. Информационно-пропагандистский прессинг был направлен не только на политические, экономические и социальные структуры, но и на отечественную историю, её культуру и духовное наследие.

В эту эпоху перемен и конфликтов семейные традиции воспитания, образования, научные и культурные школы становятся теми областями, которые продолжают сохранять общественные ценности и мировоззрение. Поэтому бережное внимание к изучению этих областей способствует непрерывной трансляции цивилизационных основ развития общества. Для русской цивилизации сегодня важным являются отношения современной Украины и России, сложившиеся на базе исторического единства русского и украинского народа.

Особого внимания требуют разработки методов и подходов цивилизационного анализа, трансляции исторического и культурного наследия, его сохранения не только в крупных городах, но и на сельских территориях. Ибо отечественная система расселения в её динамике есть памятник культурного наследия и достояния нации. В развитии общества и его культуры градостроительству принадлежит особая роль. Поскольку базисом развития любой цивилизации служит занимаемая ею территория и её свойства, постольку судьба народа тесно связана с природными условиями, территориальной структурой системы расселения и качеством градостроительной среды. С освоением новых территорий идёт процесс приобретения новых условий

жизни, элементов материальной и духовной культуры. Однако с потерей территории происходит процесс полной или частичной утраты этих элементов. Географический аспект механизма развития культуры и социального взаимодействия традиционно проявляется на основе градостроительной деятельности и в характере взаимосвязи между поселениями. В документе «Основы государственной культурной политики» упоминается важность архитектурного искусства, развития поселений и городов, сохранения архитектурного наследия. Поэтому на современном этапе необходимо применение цивилизационного анализа: географический подход, развитие теории и методов изучения архитектурного наследия на стыке с географией.

Авторами была поставлена цель: разработка метода анализа пространственно-временной динамики процесса расселения и истории миграций. Процесс расселения в своей причинно-следственной связи инертен во времени. Степень инертности зависит от большого количества, прежде всего, динамических факторов, что требует разработки особого подхода к анализу самого процесса расселения. Именно такой подход был разработан авторами — «Аналитическая триада». Использование «Аналитической триады» при изучении динамики ряда процессов освоения пространства даёт возможность исследовать причинно-следственные связи и закономерности развития системы расселения и процессов миграции.

История переселения людей свидетельствует о том, что причины и масшта-

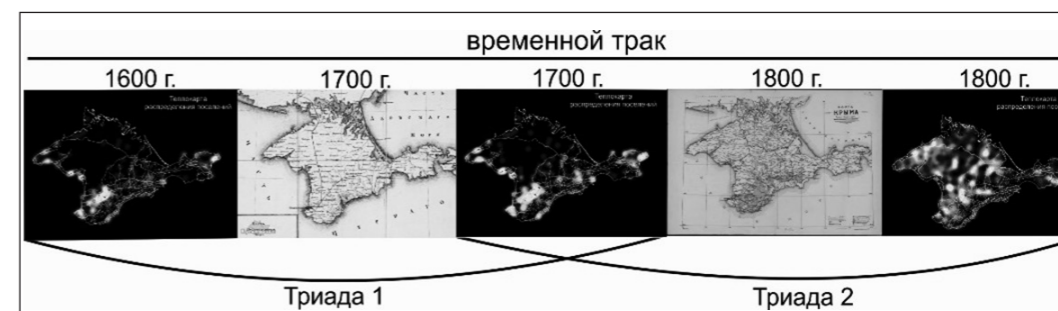

Рис. 1. Концептуальный подход «Аналитическая триада»

бы миграции были неоднозначными. При всём их разнообразии они объективно группировались согласно сферам деятельности общества и государства. Причины, т. е. факторы миграции, прежде всего, тяготели к экономическим политическим и социальным сферам деятельности. Однако динамика и масштабы природных и техногенных катастроф, трудности прогнозирования ситуаций риска и последствий их реабилитации, в сферу приоритетных причин миграции в настоящее время включают экологические факторы.

Миграция как системный процесс всегда структурируется согласно параметрам «Пространство» и «Время». Такая организация позволяет определять причины (факторы) миграции, а также пространственную (масштаб) и временную (продолжительность) размерность.

В иерархии структур самый высокий уровень занимают те процессы миграции, которые по своей организации относятся к наиболее крупному территориальному пространству.

В системе политико-административных координат к верхнему иерархическому уровню структур системного процесса относят территорию государств или (крупного) государства. Временные параметры таких процессов, имеющих, как правило, большую размерность, фиксируются как «эпохи», исторические периоды и др. (см.: Табл. 1). В иерархии структур системного процесса миграции к верхнему уровню относят уровень категории «Класс». Согласно параметрам «Пространство» и «Время» ему соответствуют: «Внешняя миграция», «Внутренняя миграция» и «Межгосударственная миграция».

«Внешняя миграция» в странах «исхода» порой может приводить не только к обострениям и рискам, но и диспропорциям в социально-экономической и этнокультурной сферах.

Для страны, принимающей мигрантов, — это уже «Международная» или «Межгосударственная» миграция, которая напрямую затрагивает широкий круг внутригосударственных проблем.

Как показывают события, эпохи пандемии, миграционные потоки, их рас-

пределённость в пространстве и динамика во времени становятся «Фактором № 1» не только на государственном или межгосударственном, но и на мировом глобальном уровне.

На уровне государства, региона структуры миграционного процесса неразрывно связаны с определёнными сферами деятельности — экономической, социальной, этнокультурной, экологической и так далее, которые всегда имеют привязку во времени и сопряжённость к определённым пространствам. В структурную группу категории «Вид» миграционные процессы объединены согласно параметру «Пространство» (см.: Табл. 1). Это наиболее детализированные миграционные потоки и перемещения населения между регионами. «Вид» охватывает широкий сектор характеристик — от количественных, сугубо региональных масштабов, до миграционных конфликтов межгосударственного уровня. Потому что объективная политика каждого государства — это во многом политика недопущения и сглаживания резких территориальных диспропорций [1, с. 31].

Для территориальных диспропорций, связанных с миграциями типа категории «Вид», на практике характерны значительные колебания численности и плотности населения, качественные отклонения в соотношениях полового, этнического состава, уровня образования и доходов населения.

Для урбанизированных территорий, особенно современных агломераций, типичны процессы дифференциации городского пространства на структуры типа «центр–периферия». При этом неизбежно возникают проблемы распределения транспортных и миграционных потоков.

Мобильный во времени процесс объективно «организуется» в структуры регулярной и нерегулярной миграции. Продолжительность (длительность) по времени самого миграционного процесса служит его системообразующей основой в иерархии структур системного процесса. Миграции по параметру «Время» представлены категорией «Тип» (см.: Табл. 1) [4].

К регулярным, чаще всего затратным

Таблица 1. Иерархия структур системного процесса миграции

№	Категории	Параметры организации	
		Пространство	Время
I	Класс	Внутренняя миграция	
		Внешняя миграция	
		Международная миграция	
II	Вид	Региональные (центр–периферия)	
		Межрегиональные	
III	Тип		Регулярные
			Маятниковые
			Вахтовые
			Сезонные
			Суточные
			Нерегулярные
			За(пере)селение
			Депортация
			Репатриация
			Реэмиграция
«Беженцы»			

по времени, относятся не только «Вахтовые» и «Сезонные» миграции, но и такие как «Суточные» и «Маятниковые», которые характерны для городов и агломерационных образований.

Нерегулярные миграции по затратам времени корректируются конкретными ситуациями. Расселение по территории региона, переселение из одних мест в «иные края» и т. д. — это процессы, продолжительность и ритмы которых во времени связаны с историческими реалиями. При этом особое место в структуре миграционного процесса принадлежит беженцам [2; 3].

Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории. Чтобы лучше понять историю, нужно рассмотреть её с разных сторон и проанализировать её данные разными методами. Процесс миграции и процессы расселения — это динамические процессы [5]. Они взаимосвязаны в параметрах «Пространство» и «Время».

Встаёт вопрос о методах изучения их взаимосвязанности, имеющей разную инерционность в каждом отдельном случае. Изучение этих процессов должно быть сопряжённым и может основываться на предлагаемом авторском подходе «Аналитической триады».

Обоснование подхода

На данном историческом этапе необходимо развитие методов изучения и картографирования динамики пространственно-временных процессов, в том числе таких, как расселение и миграция.

Ещё в XVI веке голландский картограф А. Ортелия сказал: «География является глазами истории». Однако накопленный опыт картографирования процессов и явлений нуждается в структуризации по параметрам «Время» и «Пространство».

Актуальные вопросы, требующие решения на сегодняшний день, — это хронологическая, тематическая и семантическая систематизация всего перечня

Рис. 2. Алгоритм создания и анализа МДР

картографических произведений. Их решения, по существу, становятся платформой для разработки *моделей динамических процессов расселения (МДР)*.

На основе этой платформы возможно также согласование метода геоинформационного моделирования и традиционного картографического подхода. Картографирование процессов пространственно-временной динамики а priori требует понимания неравновесности состояния системы во времени. Необходим особый нетрадиционный подход к картографической реализации последовательности явлений во времени. Одним из примеров такого согласования может стать «Аналитическая триада».

Концепция «Аналитической триады»

Характер динамики процессов в пространстве зависит и определяется периодами времени, по которым фиксируется состояние моделируемой системы — временным шагом. Определение или выбор «Временного шага» зависит от поставленной цели исследования.

Пошаговый алгоритм согласования традиционного «исторического» картографического подхода и метода геоинформационного моделирования динамики пространственного процесса расселения представлен на рис. 3.

Шаг I. Алгоритм создания «Триады»

Выбор картографируемого пространства — «А».

Определение выбора «Временного шага» — «n».

Создание ГИС-модели (МДР) и производных моделей («Теплокарты» «Б»).

Сопоставление исторической карты пространства «А» и «Теплокарты» «Б» по выбранному «Временному шагу» — «n».

Организация структуры «Триады»:

а) историческая карта пространства «А» выбирается согласно исследуемому периоду — «Временному шагу» — «n», то есть A_n ;

б) МДР и «Теплокарта Б» создаются согласно «Временному шагу» — «n», то есть « B_n »;

в) индекс «n» всегда указывает на принадлежность исторической карты (А) и «Теплокарты» «Б» к одному «Временному шагу» [A_n - B_n];

г) историческая карта « A_n » является определяющим элементом «Триады» — её «Центром»;

д) индекс «n-1» указывает на принадлежность МДР и «Теплокарты» «Б» к предыдущему периоду по «временному шагу» «n» [B_{n-1} - A_n - B_n]. Такая структура «Триады» указывает на поступательный процесс во времени: [B_{n-1}] всегда расположена слева от Центра «Триады»;

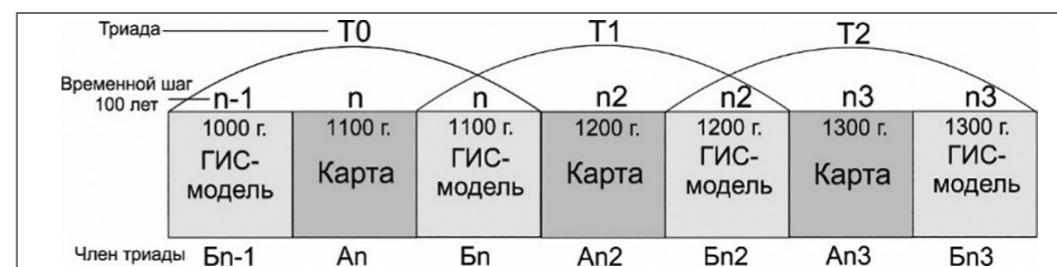

Рис. 3. Схема последовательности «Триад»

е) индекс «n» указывает на принадлежность МДР и «Теплокарты» «Б» к «настоящему» периоду, от которого начинается процесс «погружения в уже прошедшую» эпоху. Индекс «n+1» «Теплокарты» в «Триаде» всегда будет справа.

Правило «Триады»: созданная «Триада» является центрополагающей структурой подхода согласования традиционных позиций картографирования явлений и методов геоинформационного моделирования.

Шаг II. Последовательность

«Триада» как центрополагающая структура подхода согласования традиционного картографирования и геоинформационного моделирования всегда непосредственно следует за «Триадой» T_0 , которая предшествует по «Временному шагу» «n».

$$T_0 \rightarrow T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3 \rightarrow \dots (1)$$

Основное правило последовательности «Триад»: ГИС-модель « B_n », следующая ГИС-модель предыдущей «Триады» T_0 , становится членом новой «Триады» T_1 . Её положение в T_1 всегда слева от центра — исторической карты A_n . Ниже на схеме представлена пошаговая последовательность «Триад».

Такая последовательность «Триад» не должна нарушаться. Методом атласного картографирования последовательность по «Временному шагу» «n» даёт представление о динамике процесса расселения.

Шаг III. Согласованность

Согласованная последовательность «Триад» по «Временному шагу» картографически отражает динамическое состояние системы.

При соблюдении пошагового алгоритма «Аналитическая триада» можно картографическим методом отразить

динамику пространственно-временного процесса. Поэтому: главный принцип для картографирования такого процесса есть не нарушение правил «Аналитической триады».

Таким образом, формируется аналитический исторический тракт исследуемого явления.

«Аналитическая триада» справедлива как для прогнозных исследований B_{n-1} - A_n - B_n — шаг по времени вперёд, так и для архивных (археологических исследований) — шаг по времени вглубь, то есть для любого выбранного варианта цивилизационного анализа.

Выводы

1. Обострение информационно-культурного взаимодействия стран и процессы глобализации ставят новые задачи обеспечения государственной безопасности, в том числе и в сфере культуры и образования. Методы цивилизационного анализа являются важным инструментом в решении этих задач.

2. Сложившаяся в процессе многовекового развития структура расселения является нематериальным памятником историко-культурного наследия и отражает характер и принципы русской цивилизации.

3. В соответствии с целями и задачами исследования авторами разработан принципиально новый подход к анализу динамических процессов: «Аналитическая триада». Основа подхода — особая хронологическая последовательность сопряжённых картографических произведений и ГИС моделей расселения (МДР). Такой подход имеет широкий спектр возможностей и может использоваться для исследования разномасштабных, вплоть до цивилизационных процессов.

4. Процесс расселения и процесс ми-

грации взаимосвязаны. Их взаимосвязь имеет разную инерционность в каждом отдельном случае. Изучение этих процес-

сов должно быть сопряжённым и может быть основано на предлагаемом авторском подходе «Аналитической триады».

Источники и литература

1. Анатомия кризисов : [Монография] / [А. Д. Арманд, Д. И. Люри, В. В. Жерихин и др.] ; отв. ред. В. М. Котляков ; РАН. Ин-т географии. Москва : Наука, 1999. 237, [1] с. : ил.
2. Долгучиц Л. А., Мельников И. А. Планета иммигрантов / Л. А. Долгучиц, И. А. Мельников. Москва : Мол. гвардия, 1990. 206, [1] с.
3. Зайцев А. Б., Лазарева Н. В., Мельникова Г. Л. Миграция населения как системный процесс : анализ структурной организации во времени и пространстве (современные вызовы) // Градостроительство. 2019. № 4 (62). Москва, 2019. С. 2–6.
4. Корепина Т. А. Сравнительный анализ подходов к моделированию мигрантов // Вопросы территориального развития. 2017. Вып. 1 (36). С. 1–12.
5. Лексин В. Н. Государство и регионы : Теория и практика гос. регулирования территор. развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов ; Рос. фонд правовых реформ, Фонд правовых проблем федерализма и мест. самоуправления. Москва : УРСС, 1997. 372 с.

Sources and Literature

1. Anatomy of crises : [Monograph] / [A. D. Armand, D. I. Lurie, V. V. Zherikhin, etc.] ; Ed. by V. M. Kotlyakov ; RAS. Institute of Geography. Moscow : Nauka Publ., 1999. 237, [1] p. : ill.
2. Dolguchits L. A., Melnikov I. A. Planet of Immigrants / L. A. Dolguchits, I. A. Melnikov. Moscow : Molodaya Gvardiya Publ., 1990. 206, [1] p.
3. Zaitsev A. B., Lazareva N. V., Melnikova G. L. Migration of the Population as a Systemic Process : Analysis of the Structural Organization in Time and Space (Modern Challenges) // Urban Planning. 2019. № 4 (62). Moscow, 2019. P. 2–6.
4. Korepina T. A. Comparative Analysis of Approaches to the Modeling of Migrants // Issues of Territorial Development. 2017. Issue 1 (36). P. 1–12.
5. Leksin V. N. State and Regions : Theory and Practice of the State Regulation of Territorial Development / V. N. Leksin, A. N. Shvetsov ; Russian Foundation for Legal Reforms, Foundation for Legal Problems of Federalism and Local Self-Government. Moscow : URSS Publ., 1997. 372 p.

УДК 94(3)

Виктор Геннадьевич Зубарев,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(г. Тула)

Сергей Львович Смекалов,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Учебно-научной лаборатории «Палата древностей»
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(г. Тула)

Сергей Владимирович Ярцев,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(г. Тула)

Александр Юрьевич Бутовский,
кандидат педагогических наук, доцент,
младший научный сотрудник
кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого»
(г. Тула)

«АДЖИЭЛЬ I» — НОВЫЙ ВЫЯВЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА ТЕРРИТОРИИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Аннотация: в статье приводятся результаты археологических разведок с проведением локальных земляных работ на Керченском полуострове в урочище Аджизель в 2017–2018 гг. Авторы приводят данные о выявленном новом объекте археологического наследия I в. до н. э. – II в. н. э. Аджизель I.

Ключевые слова: Керченский полуостров, урочище Аджизель, Боспорское царство, античная археология.

Victor Gennadievich Zubarev,
Doctor of Historical Sciences, Head of the Chair of History
and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Sergey Lvovich Smekalov,
PhD in History, a Senior Researcher of the Educational and Scientific Laboratory
«Chamber of Antiquities»,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Sergey Vladimirovich Yartsev,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of History
and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Aleksandr Yur'evich Butovskiy,
PhD in Pedagogy, an Associate Professor,
A Junior Researcher of the Chair of Legal Disciplines,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

«AGIEL I» — IS A NEW DETECTED OBJECT OF ARCHEOLOGICAL HERITAGE LOCATED ON THE TERRITORY OF THE KERCH PENINSULA

Annotation: the article presents the results of the archaeological exploration with the local excavation work on the Kerch Peninsula in the Adjiel tract in 2017–2018. The authors provide data on the discovered new object of the archaeological heritage of the 1st century BC – II century AD Adjiel I.

Keywords: Kerch Peninsula, Adjiel tract, Bosphorus kingdom, ancient archeology.

Новый объект археологического наследия Аджиэль I был выявлен и обследован нами в ходе археологических разведок в Аджиэльской балке в 2017–2018 гг. Объект расположен на северо-восточном склоне урочища в 1,1 км на юго-запад (145°) от современного с. Белинского Ленинского района Республики Крым. Площадь поселения фиксируется по распространению археологического материала и, судя по предварительным данным, составляет 1,94 га.

Границы территории объекта были выявлены с учётом «Методики определения границ территорий объектов археологического наследия», утверждённой письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 г. № 12-01-39/05-АБ, на основании изучения рельефа местности и зоны распространения подъёмного археологического материала.

Было выяснено, что новый археологический памятник располагается на платообразной поверхности выступающего в сторону Аджиэльской балки мыса и на его резко обрывающихся в балку юго-западном, южном и юго-восточном склонах. Перепад высот в направлении северо-восток – юго-запад составляет порядка 20 м. Северная граница поселения ограничена собственно относительно ровной поверхностью выступающего мыса. Западный участок северной границы памятника проходит по западному склону данного мыса. Подобным образом обозначены и его северо-восточная, и

восточная границы. Здесь она также проходит по склону мыса, который круто обрывается в восточном, юго-восточном и южном направлениях. Западная и южная границы объекта, которые фактически проходят по склонам Аджиэльской балки с большим перепадом высот, были определены по зоне распространения на современной дневной поверхности подъёмного археологического материала.

Проведение в 2017 году визуального осмотра местности выявило, что на этих пограничных линиях заканчивается повсеместное распространение керамического материала (фрагментов амфор I в. до н. э. – II в. н. э.). При этом отдельные выходы скальной поверхности природного характера на указанном склоне сохранили слабо выраженные следы подтёса камней. Большая же часть поверхности Аджиэль I сильно задернована и покрыта травяной растительностью. Возможно, часть выявленной площади поселения занимал зольник, следы которого на площади около 0,44 га были зафиксированы ниже по склону. Здесь золистые слои местами практически выходят на дневную поверхность. На этом же участке культурный слой частично нарушен поздними траншеями под водовод, которые подходят к краю платообразной поверхности мыса, стыкуясь друг с другом почти под прямым углом. Одна из них засыпана, имеет направление юго-запад – северо-восток, другая, с заплывшими и обваленными краями, хотя, по-видимому,

специально не засыпалась, имеет направление северо-запад – юго-восток. Здесь же, на южном склоне мыса, к последней траншее подходит ещё одна Т-образная траншея с обваленными краями.

Судя по расположению объекта, он мог являться особым укрепленным пунктом — сторожевой башней, относящейся к оборонительной системе, существовавшей в период функционирования аналогичных сооружений на Узунларском валу в I в. до н. э., расположенных в 1,7 км в западном направлении.

Для выяснения стратиграфической ситуации, выявления культурного слоя и уточнения границ поселения было заложено 2 шурфа размером 2 x 2 м. Общая площадь шурфов на памятнике составила 8 кв. м.

Шурф № 1 расположен на относительно ровной площадке выступающего мыса на участке северной границы поселения в 0,15 км к юго-востоку (155,30°) от каменного здания ритуального назначения при входе на мусульманское кладбище на южной окраине села Белинского.

Площадка, на которой заложен шурф, относительно ровная с уклоном в северном направлении, следуя общему рельефу местности. В юго-восточном направлении на расстоянии 7,0–7,3 м начинается крутой скальный обрыв в Аджиэльскую балку. Современная дневная поверхность задернована. Шурф размером 2 x 2 м ориентирован бортами по сторонам света. Перепад высот в пределах шурфа в северном направлении составил 0,06 м. Глубина шурфа достигает 0,38–0,40 м. На данной глубине все работы были остановлены в связи с обнаружением по всей площади шурфа плотного каменного завала, вместе с остатками фундамента круглой стены в восточном борте раскопа.

Стратиграфия всех профилей бортов шурфа однородна.

Слой тёмно-серой супеси перекрывает слой жёлто-коричневого суглинка с каменным завалом. Слой рыхлый, местами с включениями золы, бутового камня и щебня, выявлен на всей площади раскопа. Верхняя граница слоя тёмно-серой супеси от дневной поверхности —

0,2 м, нижняя граница — 0,38–0,45 м. Мощность слоя — 0,18–0,25 м. Находки из слоя крайне малочисленны, и позволяют только предположительно датировать его I в. до н. э. – II в. н. э.

Слой дёрна, гумус, прослеживается по всей поверхности раскопа. Его мощность составляет 0,2 м.

Археологические объекты, выявленные в ходе раскопа шурфа № 1, представлены остатками стены № 1, фундамент которой соотносится со слоем жёлто-коричневого суглинка. Данный слой в 2018 году не выбирался. Верхняя же часть сохранившейся кладки была выявлена в слое тёмно-серой супеси, на глубине до 0,2 м от дневной поверхности в восточной части шурфа. Стена круглой формы, по всей вероятности, *ограничивала помещение* по всему периметру. Ввиду невозможности в 2018 году выборки помещения по всей его площади, работы были остановлены на уровне слоя жёлто-коричневого суглинка и каменного завала. Стена выявлена на участке длиной 2 м. В северном и южном направлениях камни фундамента уходят в соответствующие (северный и южный) борта шурфа. Максимальная высота кладки — 0,4 м. Сохранность — до 2 рядов. Ширина фундамента — осталась неизвестной, так как внешний восточный фас стены уходит в восточный борт шурфа. Кладка иррегулярная. Количество слоёв неизвестно. Внутренний западный фас кладки фундамента на всём своём протяжении сложен из среднего размера необработанных и частично обработанных камней жёлтого ракушечника и белого известняка (0,5 x 0,15 x 0,25; 0,3 x 0,15 x 0,25; 0,4 x 0,25 x 0,15). Кладочный раствор глинистый, с большим содержанием золы. Камни подножия стены остались неисследованными.

В 2018 г. слой тёмно-серой супеси был исследован по всей площади шурфа. Его мощность не одинакова в разных частях периметра (от 0,18 м в западной части до 0,25 м — в северо-восточной). Возможно, такое положение отражает уровень засыпи помещения в результате его разрушения. Археологические пред-

меты, найденные в слое тёмно-серой супеси, включают в себя керамические изделия, и прежде всего — фрагменты тарной и краснолаковой посуды, в основном I в. до н. э. — II в. н. э. Фрагменты профилированных частей амфор представлены типами С I в и типом Син III по С. Ю. Внукову. Стенки амфор и других керамических сосудов также были включены в полевую опись и учитывались при статистической обработке. Стенки сосудов и сильно фрагментированные профилированные части керамики учитывались без зарисовки.

После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Шурф № 2 расположен на крутом юго-западном склоне выступающего мыса Аджиэльской балки на участке северной границы поселения в 0,17 км к юго-востоку (170,10°) от каменного здания ритуального назначения при входе на мусульманское кладбище на южной окраине села Белинского.

Склон, на котором заложен шурф, имеет уклон в юго-западном направлении, следуя общему рельефу местности. Современная дневная поверхность данного участка задернована, частично имеет выход золистого слоя на поверхность. Шурф размером 2 x 2 м ориентирован бортами по сторонам света. Перепад высот в пределах шурфа в северном направлении составил 0,4 м. Глубина шурфа достигает 1,3–1,4 м. Работы были доведены до поверхности материковой скалы.

Стратиграфия всех профилей бортов шурфа однородна. Основу материковой скальной поверхности составляет белый известняк. Низменные участки, расщелины и впадины заполнены предматериковым суглинком и глиной. Древняя дневная поверхность здесь была довольно каменистой и имела уклон к югу и юго-западу, что соответствует общему понижению плато, на котором расположено поселение. Материк выявлен на глубине от 0,7 до 0,9 м. Минимальная глубина проходит в юго-западной части шурфа по склону плато. В 2018 году по всей площади шурфа предматериковый суглинок был прокопан до материковой скальной поверхности.

Слой золы выявлен по всей площади шурфа. Мощность — 0,5–0,8 м. Максимальная мощность наблюдается на северном участке шурфа. Верхняя граница зольника — 0,0–0,2 м от дневной поверхности, нижняя — 0,0–0,9 м от дневной поверхности. На северном участке зольник выходит на поверхность. Под слоем — предматериковый суглинок и материковая скальная поверхность. Слой рыхлый, с большим содержанием золы, раковин мидий, азовской ракушки и мелких обломков камней жёлтого ракушечника и белого известняка. В 2018 году слой выбирался по всей площади шурфа.

Слой дёрна, гумус, прослеживается почти по всей поверхности раскопа, кроме северного участка. Его мощность составляет до 0,2 м.

Археологических объектов при раскопке шурфа выявлено не было.

Археологические предметы, найденные при раскопках шурфа № 2, происходят из слоя золы, включают в себя керамические изделия, и прежде всего — фрагменты тарной, краснолаковой, красноглиняной, сероглиняной и лепной посуды, в основном I в. до н. э. — II в. н. э. Фрагменты профилированных частей амфор представлены типами С III и Син III по С. Ю. Внукову. Стенки амфор, краснолаковых, красноглиняных, сероглиняных с лощением и других сосудов, а также фрагменты лепной посуды (венчики, ручки, донца, стенки) были включены в полевую опись и учитывались при статистической обработке без зарисовки. Сильно фрагментированные профилированные части керамики учитывались также без зарисовки.

Индивидуальные находки из слоя золы представлены изделиями вторичного использования — грузилами из ручек сосудов, включая и произведённое из ручки амфоры типа С I по С. Ю. Внукову.

После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Обнаруженный и исследованный нами в 2017–2018 гг. археологический объект Аджиэль I ранее не упоминался в литературе и архивных материалах. В археологическом плане памятник не раскапывался.

Первые шурфы, которые были заложены нами в 2018 году, подтвердили наличие здесь культурного слоя. Однако на учёт данный памятник ещё не состоит, является выявленным объектом археологии.

Памятник имеет большое научное значение для изучения греческой истории, материальной и духовной культуры населения Керченского полуострова в древности. Во избежание негативного воздействия неблагоприятных факторов на сохранность объекта потребуется комплекс мероприятий, направленных на его сохранение. В первую очередь, это

возможное включение территории объекта в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника и постановка памятника на учёт в единый реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с целью появления у него государственного охранного статуса. В случае, если объект попадает в зону строительства или иного хозяйственного освоения, необходимо проведение полных археологических исследований (раскопок) объекта.

Рис. 1. Обрывистые склоны Аджиэльской балки, на которых был выявлен новый археологический объект — Аджиэль I

Рис. 2. Археологический объект Аджиэль I. Шурф 1 после окончания работ

Рис. 3. Археологический объект Аджизель I. Шурф 1. Стена № 1. Вид сверху

Рис. 4. Археологический объект Аджизель I. Шурф 2 после окончания работ

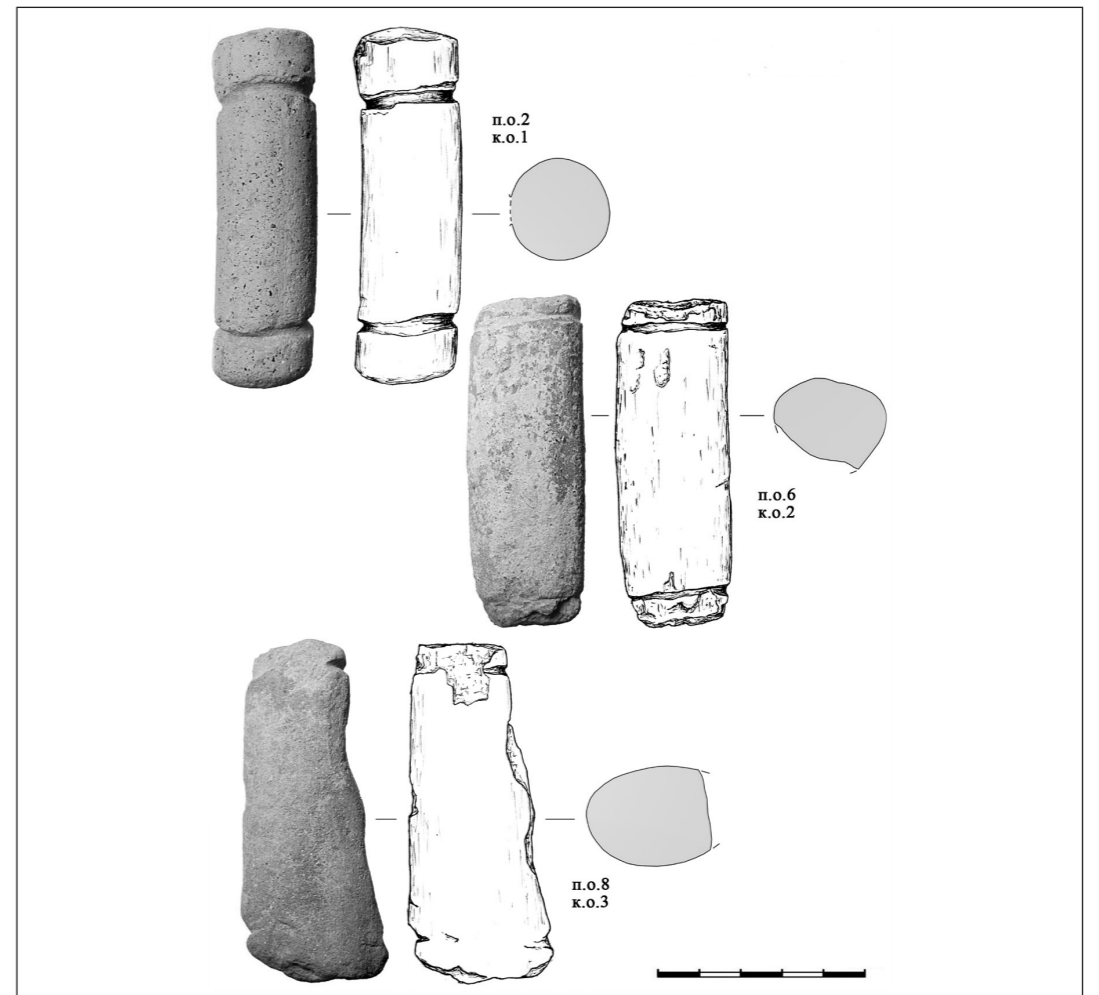

Рис. 5. Археологический объект Аджизель I. Шурф 2. Слой золы. Изделия вторичного использования — грузила из ручек амфор

Константин Дмитриевич Камышев,
преподаватель Колледжа профессионального образования
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
(г. Пермь)

«СКИФСКИЕ ВОЙНЫ» И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СЕРЕДИНЫ — ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III В. В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ И РИМСКО-ИРАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация: в данной статье предпринимается попытка рассмотреть связь геополитического развития Боспорского царства и территории римско-иранского пограничья в условиях кризиса III в. Рассматривается роль Боспора в безопасности малоазиатских провинций Римской империи в условиях морских походов племён Северного Причерноморья.

Ключевые слова: Скифские войны, кризис III в., Боспорское царство, римско-иранское пограничье.

Konstantin Dmitrievich Kamyshev,
A Lecturer at the College of Vocational Education
FSAEI HE «Perm State National Research University»
(Perm)

«SCYTHIAN WARS» AND THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE MIDDLE — THIRD QUARTER OF THE III CENTURY IN THE BOSPORIAN KINGDOM AND THE ROMAN-IRANIAN BORDERLAND

Annotation: this article attempts to consider the connection between the geopolitical development of the Bosporian Kingdom and the territory of the Roman-Iranian borderland in the context of the crisis of the 3rd century. The role of Bosporus in the security of the Asia Minor provinces of the Roman Empire in the conditions of naval campaigns of the tribes of the Northern Black Sea region is considered.

Keywords: Scythian wars, the crisis of the third century, Bosporian Kingdom, Roman-Iranian borderland.

Кризис III века охватил весь античный мир и многие другие культуры сложившейся к тому времени мир-системы. Восстание «жёлтых повязок» и падение династии Хань в Китае значительно ослабили торговые связи по Великому шёлковому пути. Это, в свою очередь, поспособствовало падению династии Аршакидов в Иране. Глубокий системный кризис охватил также Римскую империю. Неминуемо изменения должны были произойти и в античном Северном Причерноморье.

В римско-иранском пограничье, также охваченном кризисом, происходили

колоссальные преобразования. Коалиция из государств римско-иранского пограничья, придерживавшихся до того пропарфянской ориентации (прежде всего, Адиабена) поддержала персов во главе с Сасанидами. К середине III в. со стороны персов римлянам были нанесены достаточно чувствительные поражения: в 234 г. — Александру Северу, в 237 г. — захват Карр и Нисибиса, в 244 г. — Гордиану III (который погиб в бою).

Северное Причерноморье в середине III в. также переживало кризис, связанный с миграцией ряда сармато-аланских

и германских племён. Усугублялось это тем, что ещё в 244 г. по распоряжению Филиппа I Аравитянина римские войска из Таврики были выведены для усиления придунайских гарнизонов. Боспорское царство оставалось в одиночестве в окружении различных племён Северного Причерноморья.

Усиление позиций различных германских племён (прежде всего, готов) в Северном Причерноморье неминуемо сказалось на нижнедунайской границе империи, где, начиная с 246 г., возникают постоянные конфликты, переросшие в вошедшие в историю «Скифские» (или «Готские») войны, занявшие около 30 лет. Само название войн связано с тем, что римские источники (преимущественно, грекоязычные) не всегда отличают германские и сарматские племена, поэтому часто в них употребляется «обобщающее» понятие — скифы [11, с. 125].

На рубеже 240-х и 250-х гг. разрушению с Азиатской стороны Боспора подверглись города Горгиппия (после 239 г.), Фанагория, Танаис (после 251 г.). В самом Боспорском царстве происходят некоторые неустановленные события, в результате которых начинается одновременная чеканка различных монет с именами двух или более царей. Предположительно, с начала 240-х гг. институт соправительства использовался для обеспечения военной безопасности границ по обоим берегам Боспора Киммерийского. Согласно Зосиму, в это время: «царский род оборвался, престол заняли какие-то недостойные власти презренные люди» [Hist. 31, 3]. В 253 г. на Боспоре появляется правитель Фарсанз, связанный с пришедшими племенами, который контролирует, по всей видимости, европейскую часть царства. При этом сохраняется (возможно, только номинальная) власть Рескупорида V. После 255 г. исчезают источники, связанные с ним. Существует предположение, что Фарсанз мог погибнуть в ходе морского похода боранов в 256 г. [3, с. 26].

После преодоления римлянами последствий сирийского похода Шапура I (252–253 гг.) Валериан вынужден был

уделить своё внимание отражению нападений «скифов», которые на боспорских судах стали переправляться через Чёрное море и грабить богатые города Малой Азии [1, с. 76].

Около 256 г. бораны на боспорских кораблях переправились к Причерноморским берегам Закавказья. Данный рейд оказался неудачным. «Когда скифы стали опустошать всё, что было на пути, жители побережья Понта удалились вглубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окружённый огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Суксесиан, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав об этом и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих» [Zos. I, 32].

Питиунт находился на территории Эгриси (Лазики) — государства римско-иранского пограничья. С конца I в. до н. э. по III в. н. э. римские войска оставались в Кавказском Причерноморье. Суксесиан, предположительно, имел армянское происхождение [2]. После этих событий, в условиях римско-персидской войны, он был отозван императором Валерианом ко двору [4, с. 207]. Согласно Зосиму: «...Валериан отозвал Суксесиана, назначил его префектом претория и вместе с ним занялся восстановлением Антиохии, скифы снова взяли у боспорян суда и переправились в Азию» [Zos. I, 32, 1–2]. Это было не только признание заслуг, но и стратегической важности «Скифской опасности» для римской армии на Востоке. В условиях захвата персами ключевых точек римско-персидского пограничья (Нисибис, Дура-Европос — захваченный в 256 г.) военные способности Суксесиана явно были необходимы императору [12, с. 197]. С другой стороны, уровень компетенции талантливого командующего гарнизоном небольшого города, имевшего военный

опыт в борьбе с пиратскими набегами, мог не соответствовать уровню второго человека после императора — префекта претория.

Поражение римской армии под Эдессой от войск персидского шаха Шапура I в 260 г. привело к пленению императора Валериана. Согласно тексту на «Каабе Зороастра»: «Между Каррами и Эдессой произошла великая битва между нами (Сасанидами. — К. К.) и Цезарем Валерианом, и мы захватили его, взяв в плен своими собственными руками, а также других генералов римской армии, вместе с префектом претория, некоторых сенаторов и должностных лиц. Всё это мы взяли в плен и депортировали в Персию» [ŠKZ, 24–26]. Поскольку данную должность занимал Сукессиан, предполагается, что он закончил свою жизнь в персидском плену вместе с Валерианом.

В 257 г. бораны в союзе с готами и герулами вновь вторгаются на Кавказ и в Малую Азию. Столицу Эгриси — Фасис — «скифам» взять не удалось. Однако им удаётся захватить Питиунд, оставшийся без талантливого военачальника Сукессиана и жители которого утратили бдительность. Затем «скифы» взяли Трапезунд — важный стратегический и экономический пункт, соединяющий приевфратские территории с Чёрным морем. Сработал фактор обострения ситуации на римско-иранском пограничье, римляне считали персидский фронт более важным направлением, наиболее подготовленные военные силы и военачальники оказывались на восточной границе. Поэтому оборона Трапезунда находилась в руках второстепенных частей и городского ополчения [10, с. 95]. Набег 257 г. имел ключевое значение, открывая для римлян «новый фронт» в Малой Азии, помимо придунайского и персидского. Ф. Миллар утверждал, что прорыв северо-восточных рубежей был возможен благодаря постоянному отзыву пограничных войск империи на границу с Сасанидами [14, р. 319].

Весной 258 г. объединённые племена из районов Нижнего Дуная и Днестра предприняли морской поход (параллель-

но шло и сухопутное вторжение) в район Вифинии-Понта. Именно через эти территории осуществлялась основная стратегическая связь между западом Империи и римско-иранским пограничьем. «Скифами» были взяты и разграблены такие города как Халкидон, Никомедия, Никея, Киус, Апамея и Пруса [Zos., I, 34–35].

В этих условиях император Валериан в 258 г. сам возглавил войска для противодействия вторжению племен готов, боранов, герулов и др. (в Малую Азию). Действия императора ограничились демонстрацией силы, поскольку, дойдя до Каппадокии, он, боясь ослабления персидской границы, повернул назад. Одновременно в Боспорском царстве появляется Сингес, который с 248 г. находился в заложниках в Риме. Данные о его присутствии основываются на монетной легенде «ΒΑΣΙ(ΛΕΩΣ) ΣΥΓΓΗΣ». Некоторое время служил в Колонии Ульпия Траяна в Германии, предположение основывается на существовании крепости Сингеторн. Валериан стал императором благодаря рейнским легионам. Возможно, Сингес был связан с императором и возвратился на Боспор в ходе малоазийской кампании своего предполагаемого патрона и, как следствие, усилил римское влияние в царстве.

Поражение и пленение Валериана персами (260 г.) привело к выводу войск с части территорий провинции Дакия. Римлянами были оставлены районы Приднестровья (в том числе Ольвия и Тира). Эта территория, занятая готами, боранами и герулами использовалась для вторжения в Малую Азию. Предполагается, что в 261 г. Сингес передаёт (возвращает) царскую власть своему отцу Рескупориду V (формально при этом, возможно, оставаясь царём). Усиление антиримских позиций на Боспоре привело к возобновлению использования боспорского флота «скифами» для вторжений в Малую Азию.

В 262 и 263 гг. «скифы» (скорее всего, готское племя гейтунгов) вторглись на запад Малой Азии (Эфес). В 264 г. совершили вторжение в Вифинию, Каппадокию и Галатию. Одновременно с

этими событиями в Киликии появляется узурпатор Требеллиан. Параллельно со «скифским» морским вторжением в Эгриси и восточный Понт в 264 г. в соседней Иберии Кавказской происходит ожесточённая борьба между проримски ориентированным Митридатом II и проперсидски настроенным Амазаспом III (который, вероятно, сам был Сасанидом). Из-под римского контроля уходят не только буферные государства Закавказья и Северного Причерноморья, но и Малая Азия.

В 266 г. к Гераклею Понтийской (занятой «скифами») совершил поход правитель Пальмиры Оденат, пришедший из-под Ктесифона. Возникает вопрос, с какой целью пальмирский правитель Оденат, не доведя до конца персидский поход, перебрасывает свои войска в Малую Азию для борьбы со «скифским» вторжением? Ю. Б. Циркин, опираясь на анонимный греческий источник, предполагает, что убийство Руфином Одената было связано с тем, что тот пытался «произвести переворот» (проперсидский) и, как следствие, отказаться от проримской ориентации [12, с. 341]. Правда, эта версия не объясняет необходимость переброски римско-пальмирских войск в Причерноморье (ещё и в условиях незавершённого разгрома персов). С другой стороны, Оденат ещё в 262 г. смог остановить вторжение персов в восточные районы Малой Азии, взял под контроль Каппадокию. Возникла непосредственная опасность сфере его влияния. К тому же в этих условиях можно было не только обезопасить, но и расширить пальмирское влияние в Малой Азии, при этом не вступая в прямой конфликт с Галлиеном. И даже более того, пальмирский поход мог истолковываться Римом как акт лояльности со стороны Одената (ранее, ещё осенью 261 г., благодаря пальмирцам был уничтожен восточный узурпатор Баллиста, за что, предположительно, мог быть провозглашён Августом) [6, с. 66]. Согласно Синкеллу, убийство Одената произошло в Гераклею Понтийской [12, с. 351], предположительно, между апрелем 267 г. и маем 268 г. В период похода

Одената, в 266 г., на Боспоре впервые выпускается статеры царя Тейрана I, который, по-видимому, впервые стал соправителем Рескупорида V.

В 267 г. состоялся очередной морской набег «скифов», которые вторглись в Пропонтиду, западные районы Малой Азии и Балканскую Грецию, одновременно с сухопутным вторжением. Местные ополчения (один из лидеров которых был Дексипп, автор основных источников по «Скифским войнам») смогли с разной степенью успешности противостоять вторжению. Галлиену удаётся нанести ряд поражений этим племенам на Балканах. Разгром толкнул «скифов» (в основном, герулов) на вторжение в Крым, разрушение ряда укреплений, в том числе и на Боспоре. В частности, была уничтожена крепость Илурад [4, с. 197]. В этих условиях новым соправителем Рескупорида V стал Хедосбий. По мнению Н. Ф. Федосеева, его имя — «Хедос» [9, с. 269]. От него не сохранилось монетной чеканки. Предполагается, что он участвовал в организации морских походов против Рима, в частности похода 275–276 гг.

В 270-е гг. император Аврелиан восстанавливает контроль над территорией Малой Азии и в 273 г. окончательно подчиняет себе территорию, контролируемую до того пальмирцами. В дальнейшем планировалось вторжение в персидские владения. Для этого Аврелиан заручился поддержкой севернопричерноморских племён в качестве военных союзников [13]. Параллельно с укреплением влияния римлян в Малой Азии на Боспоре в 272 г. в качестве соправителей возвращаются Сингес и Тейран I, которые уже косвенно проявили себя как проримски ориентированные правители.

Последний из морских «скифских» набегов на Малую Азию состоялся в 275–276 гг. На этот раз им удалось прорваться через Понт в Галатию, Каппадокию и продвинуться вплоть до границ Киликии. Римские императоры Тацит и Флориан разгромили и окружили «скифов», но смерть Тацита и провозглашение императором командующего вос-

точными легионами Проба помешали окончательному разгрому севернопричерноморских племён. Остатки «скифов» были разгромлены соправителем Рескупорида V — Тиберием Юлием Тейраном (275/76–278/79 гг.) — уже на Боспоре. Вероятно, что речь идёт о морском сражении, состоявшемся у берегов Керченского пролива, предположительно, в районе Китея, а затем разгрома их остатков на берегу во главе с самим Тейраном I [3, с. 25, 27]. Именно данная победа могла быть отражена в надписи на постаменте памятника «богам небесным,

Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице» [КБН, № 36]. Боспорские правители возвращают в официальную титулатуру наименование «друг цезаря и друг римлян» [4, с. 209]. Данное событие хронологически совпадает с окончанием правления Рескупорида V (240/42–275/76 гг.). Свидетельство временной стабилизации на Боспоре — возобновление монетной чеканки (правда, с порчей материала). Разгром «скифов» способствовал созданию условий для относительно безопасного похода в империю Сасанидов уже при императоре Каре (282–283 гг.).

Источники и литература

1. Банников А. Персидские войны Рима. Санкт-Петербург : Евразия, 2020. 192 с.
2. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Москва, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apsuara.ru/lib_b/bgzb118.php (дата обращения: 06.09.2021).
3. Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Белгород : изд-во Белгородского государственного университета, 1996. 180 с.
4. Виноградов Ю., Горончаровский В. Военная история Боспорского царства. Москва : Ломоносовъ, 2017. 332 с.
5. Горончаровский В. А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. (Militaria Antiqua. II). Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение ; Москва : Филоматис, 2003. 224 с.
6. Дмитриев В. А. Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов. Санкт-Петербург : Наука, 2019. 186 с.
7. Зосим. Новая история / Пер., комм., указ. Н. Н. Болгова. Белгород : изд-во Белгородского государственного университета, 2010. 344 с.
8. Корпус боспорских надписей / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. Ин-т археологии. Ленингр. отд-ние ; [под ред. акад. В. В. Струве (отв. ред.) и др.]. Москва ; Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1965. 951 с.
9. Кучеревская Н. Л., Федосеев Н. Ф. Боспорский царь «Хедосбий» (КБН, № 846) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Сборник научных материалов XIV Боспорских чтений. Керчь, 2013. С. 269–278.
10. Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке. Москва : Академия Наук СССР, 1957. 149 с.
11. Федосов А. В. Готы и славяне. На пути к государственности. III–IV вв. Москва : Центрполиграф, 2020. 318 с.
12. Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. 472 с.
13. Canduci A. Triumph & Tragedy: the Rise and Fall of Rome's Immortal Emperors // Pier 9. 2010. 368 p.
14. Millar F. The Roman Empire and its Neighbours. N. Y., 1981 (2-nd ed.). 362 p.
15. Shahphur KZ // Sprengling M. Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953. P. 1–35.

Sources and Literature

1. Bannikov A. Persian Wars of Rome. Saint-Petersburg : Eurasia Publ., 2020. 192 p.
2. Bgazhba O. Kh., Lacoba S. Z. History of Abkhazia from Ancient Times to the Present Day. Moscow, 2007 [Electronic Resource]. Access Mode: http://www.apsuara.ru/lib_b/bgzb118.php (accessed date: 06.09.2021).
3. Bolgov N. N. Sunset of the Ancient Bosphorus. Belgorod : Belgorod State University Publ., 1996. 180 p.

4. Vinogradov Yu., Goroncharovsky V. Military History of the Bosphorus Kingdom. Moscow : Lomonosov, 2017. 332 p.
5. Goroncharovsky V. A. Between the Empire and the Barbarians: the Military Affairs of the Bosphorus during the Roman Period. (Militaria Antiqua. II). Saint-Peterburg : Petersburg Oriental Studies Publ. ; Moscow : Filomatis Publ., 2003. 224 p.
6. Dmitriev V. A. Political History of Iran in the Era of the Early Sassanids. Saint-Peterburg : Nauka Publ., 2019. 186 p.
7. Zosimus. New history / Trans., comm. by N. N. Bolgov. Belgorod : Belgorod State University Publ., 2010. 344 p.
8. The Corpus of Bosphoran Inscriptions / Academy of Sciences of the USSR. Institute of History. Leningrad Branch. Institute of Archaeology. Leningrad Branch; [Edited by Acad. V. V. Struve (Executive Editor), etc.]. Moscow ; Leningrad : Nauka [Leningrad Branch], 1965. 951 p.
9. Kucherevskaya N. L., Fedoseev N. F. Bosphorus King «Khedosby» (CBN, № 846) // Bosphorus Cimmerian, Pontus and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Archaeological Site in the Context of History. Collection of Scientific Materials of the XIV Bosphorus Readings. Kerch, 2013. P. 269–278.
10. Remennikov A. M. The Struggle of the Tribes of the Northern Black Sea Region with Rome in the III century. Moscow : Academy of Sciences of USSR Publ., 1957. 149 p.
11. Fedosov A. V. Goths and the Slavs. On the Way to Statehood. III–IV Centuries. Moscow : Centropoligraph Publ., 2020. 318 p.
12. Tsirkin Yu. B. «Military Anarchy» in the Roman Empire. Saint-Peterburg : Nestor-History Publ., 2015. 472 p.
13. Canduci A. Triumph & Tragedy: the Rise and Fall of Rome's Immortal Emperors // Pier 9. 2010. 368 p.
14. Millar F. The Roman Empire and its Neighbours. N. Y., 1981 (2-nd ed.). 362 p.
15. Shahphur KZ // Sprengling M. Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953. P. 1–35.

Александра Викторовна Катцова,
 младший научный сотрудник отдела античного мира
 ФГБУК «Государственный Эрмитаж»,
 начальник Китейской археологической экспедиции
 (г. Санкт-Петербург)

ЗАПАДНЫЙ СКЛОН КИТЕЙСКОГО ЗОЛЬНИКА: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАСЫПИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Аннотация: в статье представлена краткая характеристика строительных комплексов и объектов, выявленных на зольном холме городища Китей. На основании полученных данных определена смена в использовании различных его участков в позднеантичное время.

Ключевые слова: Боспорское царство, Китей, зольник, поздня античность.

Alexandra V. Kattsova,
 Junior Researcher of the Department
 of Greek and Roman Antiquities
 The State Hermitage Museum,
 Director of Kytaion Archaeological Expedition
 (Saint-Petersburg)

THE WEST SLOPE OF THE KYTAION ASH HILL: REMARKS ON ITS USAGE IN THE LATE ANTIQUITY

Annotation: the article presents analysis of the building complexes and objects found on the Kytaion ash hill. On the basis of the gathered information a change in the use of different slopes in Late Antiquity is noticed.

Keywords: Bosporean Kingdom, Kytaion, ash hill, Late Antiquity.

В истории изучения культовой практики населения Северного Причерноморья особое место занимают зольные холмы. На территории Боспорского царства подобные памятники включены в систему городской застройки крупных городов и нередко располагаются вблизи небольших сельских поселений. Несмотря на широкие хронологические рамки, особую популярность традиция создания насыпей, сформированных из слоёв, насыщенных золой, получила в эллинистическую и римскую эпоху.

Зольник античного Китея считается крупнейшим сооружением подобного рода памятников на Боспоре. Формирование насыпи происходило на протяжении почти

тысячи лет. Её площадь достигала не менее 5000 м², а высота превышала 12 м [8, с. 16]. Изучение этого масштабного объекта началось ещё в XIX в. Исследователь Поль Дюбрюкс, французский подданный, находившийся на русской службе в Керчи, снял план городища и дал его первое описание. Систематические раскопки насыпи следует связывать с работами Е. А. Молева и Н. В. Молевой. Внимание исследователей было сосредоточено на изучении восточной части зольника, находящейся в зоне береговой абразии. Раскопки, производившиеся на протяжении нескольких десятилетий, позволили очертить основные этапы формирования зольного хол-

ма, выделить характерные особенности для каждого хронологического периода. В 2016 году работу на Китее начала экспедиция Государственного Эрмитажа, которая также продолжила исследование этого эталонного для Боспора памятника.

Несмотря на многолетнее изучение объекта, многие вопросы остаются спорными и неясными. Одной из важных задач является проследить продолжительность и динамику формирования столь огромного холма, возможную смену в функциональном использовании различных его участков. И здесь важно обратить внимание на характер различных строительных сооружений и объектов, выявленных при исследовании зольной насыпи.

Первые сведения о них можно найти в описании памятника, выполненном Полем Дюбрюксом в 1821 году. Его работы позволили установить, что на вершине холма сохранились едва заметные остатки крепостных стен с двумя башнями по углам. Исследователь указывает: «Посередине имелся небольшой акрополь, на вершине которого заметны теряющиеся следы стены, чью ширину уже невозможно установить, с двумя башнями по углам и остатки жилищ, фундаменты которых были полностью скрыты, как и жилища поселения. Все они были каменными и прямоугольными или продолговатыми. Я полагаю, что площадка акрополя не естественного происхождения, а была возведена человеческими руками» [2, с. 315]. К сожалению, установить достоверный характер и хронологическую принадлежность указанных сооружений сложно. Однако эти скудные и фрагментарные данные позволяют утверждать, что на определённом этапе зольник Китея стал активно застраиваться.

Данные о различных строительных остатках и хозяйственных объектах упоминаются в работах Е. А. Молева и Н. В. Молевой, посвящённых истории Китея и зольной насыпи городища. Согласно полученным археологическим материалам, динамика застройки зольного холма следующая.

Первоначально формирование насыпи происходило на специально подтёсанной площадке материковой скалы. Выделен-

ный участок имел близкую к прямоугольной форму и впоследствии был обнесён оградой [8, с. 17]. Уже в первой половине – середине IV в. до н. э. на участке появляются различные архитектурные сооружения. К этому периоду относится помещение с алтарём, жертвенной ямой-ботросом, ритуальной площадкой, водостоком и водосборной цистерной. Авторы раскопок интерпретировали открытый комплекс как часть прямоугольного теменоса Китейского святилища, посвящённого хтоническим богам [6, с. 49; 8, с. 19]. Впоследствии это сооружение, аналогично расселинам в центре раскопа, перекрывается зольными напластованиям, которые к концу III в. до н. э. сливаются с общей насыпью. В северо-восточной части раскопа к IV в. до н. э. относятся остатки нескольких кладок и ям [7, с. 106, 110, 112]. В слое II–I вв. до н. э. значительные строительные комплексы не обнаружены. Н. В. Молева дала следующую характеристику открытым объектам — «сооружения, построенные на территории святилища в то время, невелики по размеру, просты по планировке и носят подсобный характер» [8, с. 20]. В юго-восточной части раскопа зафиксированы два мощных прямоугольных блока. Их размер и качество позволили выдвинуть предположение о возможном существовании здесь монументального общественного сооружения, построенного в период позднего эллинизма [6, с. 57]. Начиная со второй половины I в. до н. э., отмечается сокращения площади зольного холма. Во второй половине I в. н. э. в юго-восточной его части возводятся различные постройки, в том числе большое общественное сооружение, возможно, храм и теменос при нём. Открыты остатки водостока и ритуальная площадка из бутового камня [6, с. 62–64; 8, с. 21].

К концу III в. зольные напластования фиксируются лишь в центральной части холма. Здесь же зафиксированы скудные строительные остатки IV в., характер которых из-за сильных разрушений в период Великой Отечественной войны установить не удалось. В верхнем слое зольника выявлены три ямы и пифос [6, с. 70–71]. В северо-восточной части насыпи открыт комплекс зданий, время функционирова-

ния которого охватывает период с конца III в. до IV – начала V в. Авторы раскопок предполагают его сакральное назначение [7, с. 103–104, 109].

Итак, приведённые краткие характеристики строительных комплексов и ям показывают, что на протяжении всего периода формирования зольника различные его участки подвергались застройке и перестройке разной степени интенсивности. Открытые комплексы исследователи связывают с культовыми или общественными сооружениями, определяя этот участок как святилище.

Объекты различного назначения на зольном холме также зафиксированы в результате исследований последних лет. Изучение верхних слоёв сильно затруднено из-за многочисленных разрушений военного времени. Впрочем, во многом скудная информация всё же позволяет сделать ряд предположений и выводов.

Небольшой фрагмент двухфасной кладки открыт в центральной части насыпи. Сохранившаяся длина объекта составляет 3,0 м, ширина — 0,8. Функциональное назначение неясно. Из-за близости к обрушающейся береговой линии исследования на примыкающей территории проведены не были. Все строительные объекты, выявленные и зафиксированные ранее, находятся на значительном расстоянии от кладки.

В северной части холма был открыт ещё один объект — кладка высотой 0,6–0,8 м, длиной 4,3 м. Данная конструкция использовалась как ограда насыпи, предотвращая от осыпания зольных напластований прилегающую территорию в I в. до н. э. – I в. н. э.

К западу от вершины китейского зольника, на его склоне, были зафиксированы две ямы, конструктивные особенности которых вызывают особый интерес для понимания вопроса об использовании этой части насыпи. Ямы встречаются при раскопках всех античных городов и поселений. На основании их типа и состава находок строятся различные предположения относительно функционального назначения данных сооружений.

Объекты расположены на расстоянии 1,25 м друг от друга по линии север–юг. Яма № 1 частично повреждена военными

разрушениями. Впрочем, сохранившаяся часть позволяет полностью восстановить её облик. Яма грушевидной формы открыта на глубину 3,12 м. Её устье оформлено каменной кладкой на высоту 0,7 м, сложенной из вертикально поставленных на ребро крупных камней (Рис. 1, 2). В завершении верхней части помещены три ряда горизонтальных камней меньшего размера. Основание кладки стоит на горизонтально расположенных камнях небольшого размера, образующих полукруг с узким отверстием в центре. На уровне горизонтально лежащих плит обнаружена округлая каменная крышка, которая перекрывала узкое отверстие в центральной части. На стенах отмечены следы белой обмазки, на дне зафиксированы небольшие ямки. Яма впущена в слой светло-серого суглинка и прорезала подстилающие его зольные напластования.

В заполнении обнаружено 1473 обломка керамики. Амфоры представлены обломками красноглиняных, светлоглиняных стенок и ребристых ручек. Датировка комплекса определяется немногочисленными обломками краснолаковой посуды. Наиболее ранние фрагменты краёв канфаров с орнаментом жидкой глиной датируются I в. В остальном, обнаруженные обломки следует относить к середине IV – третьей четверти V в. В составе находок, помимо керамических обломков, обнаружены фрагмент пряслица, костяная игла, кости животных и рыб, а также фрагменты зёрен.

Подобные ямы грушевидной формы с каменной облицовкой ранее также встречались на Китее. В качестве примера можно указать несколько объектов.

В восточной части городища на участке, получившем название «Раскоп 4», на сравнительно небольшой территории, которая, скорее всего, представляет открытый двор помещения, зафиксированы две группы ям разного хронологического периода. К II–III вв. н. э. отнесены три ямы. Две из них имеют конструктивные особенности, схожие с выявленной ямой на участке зольной насыпи. Интересующие нас комплексы, по мнению Е. А. Молева, имели хозяйственное назначение: «использовались для свалки бытового мусора, хотя не исключено,

что первоначально они могли использоваться как зерновые» [9, с. 19].

Отдельные ямы или группы ям с узкой горловиной, обрамленной в верхней части каменной округлой кладкой, встречаются при раскопках многих городов и поселений. В качестве примера можно упомянуть городище Артезиан [1, с. 54], Киммерик [4, с. 231; 5, с. 249–250], поселение у Закисовой и Широкой балки в Нижнем Побужье [11, с. 267] и др. В Пантикапее, на северном склоне горы Митридат, было обнаружено 10 ям III–IV вв., которые ещё И. Б. Зеест уверенно интерпретировала как зернохранилища [3, с. 80]. Отличительной особенностью открытых комплексов является наличие каменной кладки в верхней части объекта, подобной тем, что открыты при исследовании Китея. В Нимфее подобные ямы впущены в слой насыпи, перекрывающей монументальный архитектурный комплекс эллинистического времени. Эта насыпь по своей структуре и характеру находок во многом схожа с зольниками Боспора. Время функционирования открытых объектов относят к I–II вв. [10, с. 211–213, 218]. Приведённые примеры позволяют с уверенностью утверждать, что открытая на западном склоне китейской насыпи яма имеет прямые аналогии с описанными комплексами и использовалась для хранения запасов зерна.

Вторая яма, как упоминалось ранее, расположена на 1,25 м к северу от ямы № 1. Она округлой формы размером 1,4 x 1,4 м, исследована на глубину 2,9 м. При выборке заполнения ямы обнаружено 1435 фрагментов керамики, обломки черепицы, кости животных и рыб. Среди керамических находок большую часть занимают фрагменты амфорной тары. Профильные фрагменты немногочисленны. Представление о датировке комплекса позволяет получить горло красноглиняной амфоры с граффито и насечками на венчике (Рис. 3). По своим морфологическим признакам оно может быть отнесено к типу «Делакеу». В заполнении также обнаружены венчики подобных сосудов. Не углубляясь в дискуссию о хронологии и типологии этих сосудов, отметим, что время бытования этих сосудов определяют периодом с IV до начала VI вв.

Пик импорта амфор «Делакеу» приходится на вторую половину IV – первую половину V вв. Состав находок краснолаковой керамики во многом схож с материалом из ямы № 1. Это обломки блюд «понтийской краснолаковой» группы и края мисок группы «Late Roman C/Фокейская краснолаковая». Начало производства последней из представленных категорий краснолаковой керамики относят к середине – третьей четверти V в.

Ямы, открытые на западном склоне насыпи, были перекрыты слоем светло-серого суглинка. Эти сильно фрагментированные напластования содержали различные обломки амфорной тары, толстостенной, краснолаковой, красноглиняной, кухонной и лепной посуды. Профильные фрагменты амфор единичны. Наиболее ранний из них — фрагмент венчика светлоглиняной амфоры II в. Поздние — фрагмент красноглиняного боспорского сосуда 96 типа по И. Б. Зеест конца III–IV вв., обломок позднесинопской плоскодонной амфоры со сложнопрофилированным венчиком второй половины II – первой четверти IV вв. и фрагменты венчиков амфор типа «Делакеу».

Находки краснолаковой керамики представлены обломками сосудов понтийской группы середины IV – середины V вв., фрагментами посуды фокейской группы (Late Roman C) середины – третьей четверти V в. – первой половины VI в.

Отличительной особенностью слоя является его насыщенность костяными стержнями (Рис. 4). На сравнительно небольшой исследованной площади зафиксировано 6 тонких остроконечных зашлифованных стержней с зарубкой на тупом конце. В целом формирование слоя следует относить к тому же периоду, что и создание на данном участке ям.

Таким образом, очевидно, что на протяжении всего периода формирования зольной насыпи его участки подвергались различной застройке. Большинство из возведённых архитектурных сооружений и объектов исследователи относят к культовым, общественным постройкам, связанным с центральным святилищем Китея. Однако открытые на западном склоне холма ямы и перекрывающий их слой светло-

серого суглинка свидетельствуют об активном хозяйственном освоении этого пространства. Если северо-восточный участок зольника вплоть до VI в. по-прежнему оставался сакральным пространством, то

западная его часть, очевидно, использовалась для хозяйственных целей, что свидетельствует о смене в функциональном назначении этой части насыпи в позднеантичное время.

Источники и литература

1. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. Москва : Агентство ВРК, 1998. 152 с.
2. Дюбрюкс Поль. Собрание сочинений. Том I. Тексты. Санкт-Петербург : Коло, 2010. 726 с.
3. Зеест И. Б. Земляные зернохранилища Пантикапея (по материалам раскопок 1945–1946 гг.) // КСИИМК. Вып. 23. Москва ; Ленинград : изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 80–83.
4. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. Москва : Наука, 1975. 299 с.
5. Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. № 85. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 219–253.
6. Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь ; Керчь : АДЕФ-Украина, 2010. 315 с.
7. Молев Е. А., Молева Н. В. Северо-восточный участок центрального святилища Китея по материалам раскопок 2008–2011 гг. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2014. № 4. Москва : изд.-полиграф. комплекс РУДН, 2014. С. 102–114.
8. Молева Н. В. Китейский зольник — городское святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета, 2002. С. 16–23.
9. Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 2. Ед. хр. 1216. Отчёт о раскопках Китея за 1991–1992 гг. (Е. А. Молев).
10. Соколова О. Ю. Нимфейская экспедиция в 2016 году // АСГЭ. Вып. 42. Санкт-Петербург : изд-во Государственного Эрмитажа, 2019. С. 208–228.
11. Штителман Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. № 50. Москва : изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 255–273.

Sources and Literature

1. Vinokurov N. I. Archaeological Sites of Artezian in the Crimean Azov Region. Moscow : Publishing House «Agency VRK», 1998. 152 p.
2. Du Brux Paul. The Complete Works. Vol. I. Texts. Saint-Petersburg : Publishing House «Kolo», 2010. 726 p.
3. Zeest I. B. The Earthen Grain Storage of Panticapaeum (Archaeological Materials 1945–1946) // Report of Institute of the History of Material Culture. Vol. 23. Moscow ; Leningrad : Publishing House of Academy of Science USSR, 1948. P. 80–83.
4. Kruglikova I. T. Agriculture of Bosphorus. Moscow : Nauka Publ., 1975. 299 p.
5. Kruglikova I. T. Cimmeric in the Light of Archaeological Research 1947–1951 // Material and Investigation of Archaeology. № 85, Moscow : Publishing House of Academy of Science USSR, 1958. P. 219–253.
6. Molev E. A. Bosphorus City of Kytaiion. Simferopol ; Kerch : Publishing House «ADEF-Ukraine», 2010. 315 p.
7. Molev E. A., Moleva N. V. North-East Part of the Central Shrine of Kytai by the Materials of Excavations 2008–2011 // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Universal History. 2014. No. 4. Moscow : Publishing and Printing Complex of Peoples' Friendship University of Russia, 2014. P. 102–114.
8. Molev N. V. The Kytaiion ash Hill — Sanctuary of Townsite // Remarks of Sacral History of Bosphorus. Nizhniy Novgorod : Publishing House of the Nizhniy Novgorod University, 2002. P. 16–23.
9. Scientific Archive of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Inv. 2. St. Unit 1216. Report on the Excavations of Kytaiion for 1991–1992 (E. A. Molev).
10. Sokolova O. Ju. The Nymphaion Expedition in 2016 // Archaeological Papers of the State Hermitage Museum. Issue 42. Saint-Petersburg : Publishing House of the State Hermitage Museum, 2019. P. 208–228.
11. Shtitel'man F. M. Ancient Settlements on the Coast of Bug Firth // Material and Investigation of Archaeology. No. 50. Moscow : Publishing House of Academy of Science USSR, 1956. С. 255–273.

Рис. 1. Яма № 1. Вид сверху. Архив автора

Рис. 2. Яма № 1. Вид с северо-запада. Архив автора

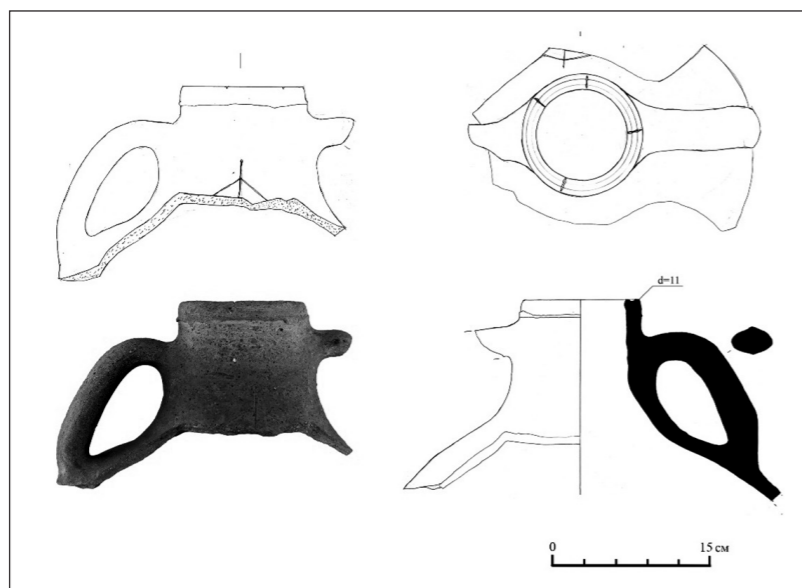

Рис. 3. Горло амфоры типа «Делакеу». Архив автора

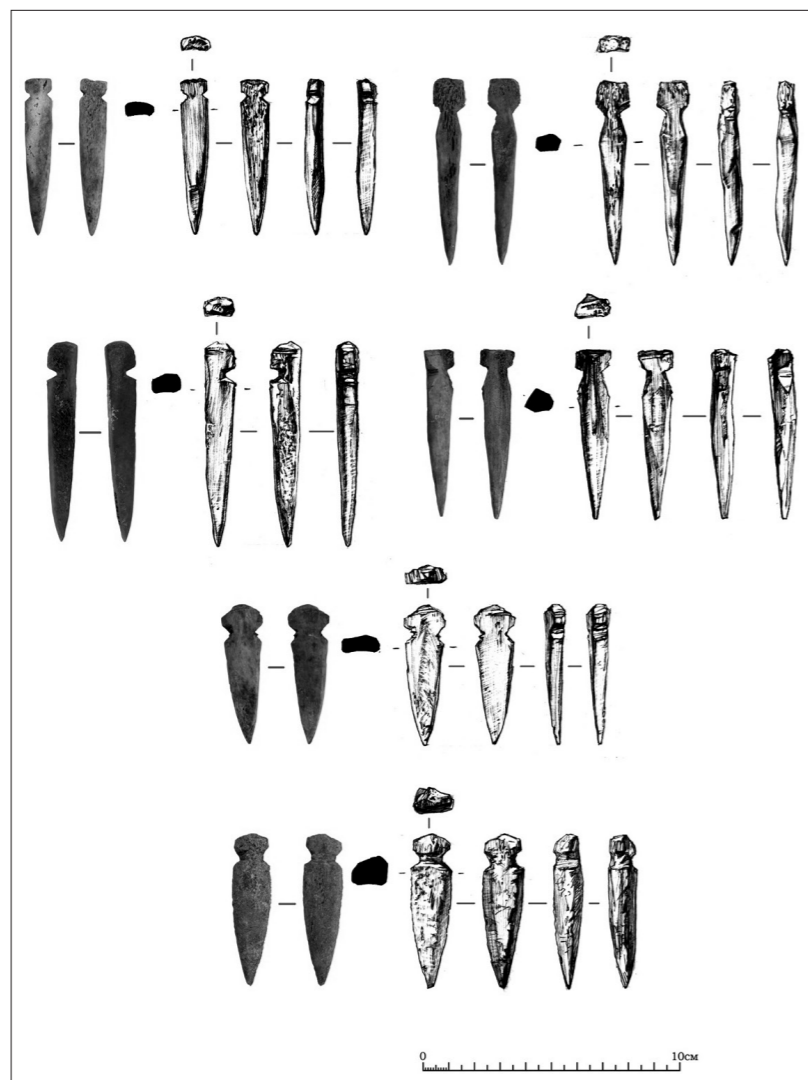

Рис. 4. Костяные изделия. Архив автора

УДК 9; 902; 908

Владислав Дмитриевич Качаловский,
 младший научный сотрудник отдела охраны
 памятников и археологических исследований
 ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
 (г. Керчь)

ТЕРРИТОРИЯ ГОРОДСКОГО САДА В ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

Аннотация: статья посвящена археологическим исследованиям на территории городского сада Керчи в XIX–XX вв.; ставится вопрос о его историко-культурном и археологическом значении.

Ключевые слова: Керчь, городской сад, археология, курган, некрополь Пантикапея, Ашик, Шкорпил.

Vladislav Dmitrievich Kachalovsky,
 Junior Researcher of the Department,
 of the Monuments Watch and Archaeological Research
 SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»
 (Kerch)

THE TERRITORY OF THE MUNICIPAL GARDEN IN THE BOUNDARIES OF THE PANTICAPAEUM NECROPOLIS SPREADING

Annotation: the article is devoted to the archaeological research on the territory of the Kerch municipal garden in the XIX–XX centuries; the question of its historical, cultural and archaeological significance is raised.

Keywords: Kerch, municipal garden, archeology, burial mound, necropolis of Panticapaeum, Ashik, Shkorpil.

Некрополь Пантикапея, столицы Боспорского царства, — один из самых больших и богатых в Северном Причерноморье, исследуется на протяжении почти двух столетий. Можно сказать, что ни один некрополь античного города не был исследован археологами так плотно, как этот, что позволило создать множество публикаций и монографий, посвящённых открытым памятникам.

Одними из важнейших составляющих Пантикапейского некрополя являются курганные захоронения, представленные здесь в количестве, не сопоставимом ни с одним курганным некрополем античных

известный советский и российский археолог, доктор исторических наук Ю. А. Виноградов, — никто из исследователей Боспора не сумел составить карту или даже просто перечислить все курганы, расположенные по берегам Керченского пролива, да и задача эта сейчас представляется почти непосильной. Ясно другое — курганов здесь было очень много, многие сотни, или даже тысячи. Сейчас уже трудно поверить, но в середине XIX в., по словам П. П. Сабатье, человек, вышедший из Керчи, оказывался «между архипелагом курганов» [2, с. 67].

Исследователь Г. А. Цветаева подчёркивала: «При отсутствии достаточного

количества письменных источников по истории Боспора особенное значение получают данные археологии, несмотря на то что этот памятник сильно повреждён застройками и грабителями. Изучение некрополя открывает материал для определения черт жизни и быта населения Пантикапея, подтверждает наличие сильной классовой дифференциации в боспорском обществе и частично восстанавливает ткань социальной и культурной истории [13, с. 63].

Судьба распорядилась так, что все эти замечательные памятники были раскопаны ещё в XIX в. Происходящие из них археологические материалы заслуженно стали частью мирового культурного наследия, и внимание к ним в среде научного сообщества не ослабевает. Несмотря на это, многие курганные комплексы до сих пор полностью не изучены, а имеющиеся очерки развития некрополя на протяжении нескольких веков (V в. до н. э. — III в. н. э.) не являются вполне удовлетворительными. Исследователи пытались либо попросту дать обзор известных погребальных памятников, либо предпочитали выделить их местную (варварскую) составляющую [4, с. 69].

Территория некрополя распространяется во все стороны от Пантикапея и выходит далеко за пределы нынешней городской черты. Большая часть курганов образует группы, тянущиеся цепочками по невысоким хребтам, но «ряд ярчайших памятников находится на равнине (к примеру, Царский и Мелек-Чесменский курганы), — отмечает Ю. А. Виноградов. — Таких цепочек можно выделить три. Первая из них, господствующая над окрестностями города, идёт от горы Митридат на запад; вторая находится к северу и тянется вдоль склона, ведущего к Новому карантину, т. е. древнему Мирмекию; третья цепочка (южная) начинается от мыса Ак-Бурун и заканчивается далеко в степи, составляя некрополь Юз-оба (“Сто холмов”))» [2, с. 67].

Границы Пантикапейского некрополя исследовались и устанавливались ещё в начале XX века, в ходе раскопок В. В. Шкорпила, и чётко описаны

М. И. Ростовцевым [8]. Позднее топография и планиметрия некрополя были уточнены и подробно проанализированы в исследованиях Г. А. Цветаевой [13, с. 63–86].

Интересующая же нас территория городского сада (ныне более известного под названием «Казённый») находится в черте города на равнине, в западной его части. Сад легко локализуется по старым картам и сейчас имеет почти те же границы, что и в момент его организации в 1829 г. Иваном Алексеевичем Степковским — Керчь-Еникальским градоначальником. Спустя двадцать два года после смерти Ивана Алексеевича его друг и директор Керченского музея древностей (с 1833 по 1852 гг.) Антон Бальтазарович Ашик в некрологе написал: «Неусыпно заботясь о пользе вверенного ему города, он видит, что в Керчи не было общественного сада — и поэтому поспешил положить основание керченскому городскому саду, насадив в нём первые деревья собственными руками» [5, с. 913].

На топографической карте окрестностей города Керчи 1835 г., составленной топографом 2-го класса Литвиненко «со значением на ней древних курганов, из коих разрытия для отыскивания древностей показаны краской красною, а не разрытые чёрною», к западу от города видна длинная полоса насаждений (садов), тянущаяся вдоль реки Мелек-Чесме [11]. В полосе насаждений с запада на восток — «Фонтанъ» (Скассиев Фонтан), овраг Ялгык-Кую и отдельная территория без наименования (ближайшая к городу), которую можно интерпретировать как сады — по аналогии с «садами Скассиевского Фонтана». В северо-западной части сада также имеются пять курганов, а в центральной — мост через реку [11].

Составленная в 1837 г. военно-топографическая карта полковника Бетева даёт возможность сравнения городских объектов [12]. На карте видно — сад занимает те же границы, что и на карте Литвиненко, на ней указано и место перехода через реку (мост), но в северо-западном углу обозначены только три возвышенности (кургана). На карте Бетева

явно прослеживается наличие густых насаждений, но территория по-прежнему не обозначена. Не удивительно, что два кургана исчезли, ведь со второй четверти XIX в. проводились активные археологические исследования обширного некрополя Пантикапея. Видимо, курганы были сnivelированы в ходе изысканий.

Именно в 1837 году А. Б. Ашик раскапывает один из курганов в городском саду. Его высота достигала 15 метров. В юго-западной части кургана был открыт каменный склеп, план которого напоминает план склепа в Царском кургане: очень длинный дромос с уступчатым сводом (около 15 м) и меньшая по длине (3,70 м) погребальная камера. В отличие от Царского кургана, здесь камера продолговатая, а не квадратная. Склеп имел уступчатый свод (четыре уступа), перекрытый одной плитой. Высота погребальной камеры — 5 м; склеп опущен в материк на 1,5 метра. Костяк лежал на каменном возвышении в гробу. Захоронение оказалось не разграбленным, но погребальный инвентарь, несмотря на размеры кургана, оказался скудным. Обнаружены краснофигурная пелика и золотая монета с изображением сатира и грифона. В курганной насыпи были найдены фрагменты лекифа работы Ксенофанта, датируемого началом IV века до н. э. [8, с. 227–250]. К сожалению, неизвестно, какой именно из курганов в саду раскапывал Ашик.

Пётр Петрович (Пьер Жюстен) Сабатье, французский нумизмат, посетивший Керчь в 1848 году и наблюдавший за раскопками в Керчи, писал в труде «Керчь и Боспор: замечания о керченских древностях и опыт хронологии Царства Боспорского» следующее: «Мне остаётся ещё говорить о курганах, рассеянных в таком обилии повсюду в окрестностях Керчи; но прежде, чем стану описывать те, за раскопкой которых я мог следить, скажу несколько слов о трёх главных могилах, которые можно назвать драгоценнейшими памятниками, завещанные этой стране древностью. Они все находятся у ворот Керчи, уже давно раскопаны и заслуживают особого упоминания, как по

постройке, так и по предметам в них найденным. Один, известный под именем “Царского кургана”, расположен напротив карантина, строящегося ныне; другой находится на краю публичного гуляния, вправо от дороги, ведущей из Керчи в Феодосию» (может, это и есть тот курган, который был раскопан в саду Ашиком. — В. К.). Далее Сабатье описывает плачевное состояние курганов, что после разрытия они оставлены в «первоначальном беспорядке». Третьим курганом в этот ряд прекрасных памятников Сабатье ставит «Золотой курган» [10, с. 11].

С мая 1855 по июнь 1856 года Керчь была оккупирована союзными войсками в ходе Крымской (Восточной) войны. Впервые боевые действия оказались запечатлёнными на фотоснимках. Английские фотокорреспонденты фиксировали самые разные моменты, в большинстве своём, на снимках фигурируют английские и французские солдаты, но имеются и фотографии мест сражений, и ландшафтные кадры. Одна из таких фотографий была обнаружена на официальном сайте Художественного музея Принстонского университета в США (Принстон, Нью-Джерси, James Robertson, active 19th century, Kertch, Military Camp). Фото сделано фотографом Джеймсом Робертсоном и датировано 1853–1855 гг. На фото запечатлён вид западной окраины города Керчи, с внутренней стороны линии укреплений, рядом с татарской мечетью, которая находится там и по сей день. На фотографии открывается вид на территории, простирающиеся в сторону северо-запада, поскольку мечеть стоит на склоне Митридатской гряды, понижающегося от юга к северу. Это, очевидно, и есть часть городского сада, судя по виднеющимся вдали курганам, находящимся как раз около пересечения дорог, ограничивающих сад с запада и севера, что зафиксировано на вышеупомянутых картах 1835–1837 гг. Сады и вообще растительность были полностью вырублены союзными войсками, испытывающими проблемы со снабжением, а древесина могла быть использована в зимний сезон для топлива и обогрева базирующихся в

городе войск. Сад восстанавливают только в 60-х годах XIX века.

В ходе исследований Боспора Киммерийского археологами в начале – середине XIX века раскопано множество погребений: грунтовых, каменных катакомб с росписью, и курганных насыпей, часто имеющих в себе, помимо основного, множество других погребений разных эпох, но раскопки эти были не систематические — резюмирует исследователь Боспора Киммерийского Ю. А. Виноградов. В продолжение этой мысли он приводит ряд архивных документов и переписок, проведя огромную работу в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

Сохранился рапорт 1860 года директора Керченского музея А. Е. Люценко «О причинах перевода раскопок, производимых около Керчи, с одной местности на другую», в котором, среди прочего, дана общая картина изученности боспорских курганных памятников, какой она представлялась на тот момент: «<...> курганы разной величины, рассеяны на поверхности означенной почвы по всевозможным направлениям, лежащие рядом на хребтах окрестных гор, группирующиеся в равнинах и стоящие, подобно Царскому, отдельно от прочих. К сожалению, ни один из них не уцелел совершенно. Но, не говоря о старинных раскопках, — когда, кем, в какой мере и с какими результатами произведена была большая часть относящихся к нашему времени — остаётся загадкой, потому что в отношениях многочисленных раскопок Ашика, Карейши и приемников их невозможно приурочить из всего числа курганов, раскопанных около Керчи, даже одной десятой доли. Кроме того, производя раскопки в курганах большей частью на перевал, без отвозки земли в сторону, они загромождали ею не только расследованные части их, но и те, которые остались нетронутыми» [1, с. 64–65].

В 1882 году директор Керченского музея С. И. Веребрюсов отправляет в адрес ИАК послание с названием — «Общий вывод относительно местностей в

пределах Керчь-Еникальского градоначальства, в котором производились археологические изыскания и программа дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии». Среди общей описанной ситуации в письме значилось следующее: «<...> значительное число земляных катакомб, устроенных в глинистом грунте под скалистыми пластами северных скалов горы Митридат от городского кладбища до Золотого кургана. Рассеяны они также в большом количестве по полям, прилегающим — на севере к Глинищу, на западе — к равнине вдоль ручья Мелек-Чесме. Курганные возвышения на горе Митридат, а также внутри города и на ближайших его окраинах по течению реки Мелек-Чесме, у здания арестантского отделения, вдоль шоссе к карантину и за обширным предместьем города — Глинищем — представляются ныне или совершенно разрушенными, или разрытыми до такой степени, что дальнейшее расследование их не обещает успеха, при том, большею частью эти курганы поступили в собственность городских обывателей, окружены постройками, садами и огородами, а потому недоступны для свободных раскопок» [1, с. 173–174].

В 1891 году назначенный директором Керченского музея К. Е. Думберг в одном из рапортов в адрес ИАК сообщал: «Город Керчь и его ближайшие окрестности представляют в настоящее время такой вид, что положительно невозможно хотя бы приблизительно ориентироваться в прежних казённых раскопках» [1, с. 211]. Сохранилось письмо 1893 года, написанное производителем дел Императорской Археологической комиссии В. Г. Тизенгаузен в адрес Думберга с просьбой расследовать под Керчью некоторые особенно перспективные, по его мнению, места: участок мещанки А. Волоченко, расположенный около Карантинного шоссе, и три некрополя за Казённым садом.

В 1894 году было сделано одно в высшей степени любопытное археологическое открытие — группа «счастливых» начала раскапывать курган

на землях подполковника Волошкевича и почти сразу нашла большую мраморную скульптуру, изображающую льва [1, с. 224–225]. Архивные исследования В. А. Горончаровского дали возможность уточнить место расположения кургана, в дальнейшем именованном Львиным. Он находился в непосредственной близости к Городскому саду, на окраине предместья Литвинки [3, с. 112].

Насаждения в городском саду обусловили ситуацию, при которой вести раскопки там стало почти невозможно, и раскопки велись на прилегающих к нему территориях, не занятых растительностью.

В 1894 году археолог и специалист по римской истории Ю. А. Кулаковский предпринял исследования около городского сада, где находился сплошной некрополь, о котором писали К. Е. Думберг и В. Г. Тизенгаузен. Большой раскоп выявил 25 гробниц, расположенных упорядоченно: двумя полосами с юга на север, каждая из которых состояла из рядов по 2–3 гробницы [1, с. 264]. В отчёте ИАК Кулаковский сообщал: «Местность близ городского сада за валом сада гражданина Егерского в Керчи представляет, по-видимому, сплошной некрополь» [7, с. 7].

К началу XX века внимание Императорской Археологической комиссии перемещается на Херсонес, объёмы археологических исследований и вообще исследований некрополя Пантикапея уменьшаются, но не останавливаются. В ноябре 1905 года В. В. Шкорпил писал в адрес ИАК, что, убедившись в плохом качестве раскопок керченских курганов, он решил «ради опыта» предпринять дополнительные исследования нескольких курганов. Центральные части насыпей этих памятников были разрыты в неизвестное время, поэтому археолог обращал внимание на их полы [1, с. 295].

Известно, что в 1912 году в городском саду проводились археологические изыскания В. В. Шкорпиллом, как и в последующие годы [6, с. 36–40]. К сожалению, исследователи XIX – начала XX вв. при составлении археологических отчётов главное внимание уделяли погребениям с росписями или с эпиграфическими над-

писями, а основной массив «рядовых» могил практически совсем не изучался, в лучшем случае их схематично наносили на план раскопок.

В 1913 году проводились наблюдения за земляными работами, предпринятыми Керченской городской управой в связи с планировкой некоторых улиц и устройством шоссе (нынешнее Вокзальное шоссе) к железнодорожному вокзалу. В городском саду, при снятии оставшихся от прежних раскопок (кто проводил изыскания, достоверно неизвестно, возможно, А. Б. Ашик) частей курганных насыпей, обнаружен жжёный грунт, в золе которого найдены обломки краснофигурной леканы. В общем количестве из осколков удалось восстановить 9 сосудов. Шкорпил определил данную находку как следы тризны [6, с. 84–104].

Осенью 1914 года В. В. Шкорпиллом в городском саду, в неисследованной части тела одного из курганов случайно открыты ещё несколько гробниц, их количество и конфигурации неизвестны [6, с. 84–104].

Современная территория сада локализуется в пределах ул. им. Годыны с запада и Вокзального шоссе с севера. С юга природной границей служит р. Мелек-Чесме, с востока — современная городская застройка пятиэтажными панельными домами по ул. Заречной, д. 36–24 и Вокзальном шоссе, д. 49.

Раскопки конца XIX – начала XX вв. продолжались на прилегающей к саду территории, где подтверждалось наличие некрополя и его продолжение дальше на запад и север, за садом. Территория сада становится как бы законсервирована растительностью, и археологических исследований в последующем там не проводилось, за исключением необходимых охранных мероприятий.

В наше время большинство курганов некрополя Пантикапея утратили свои грандиозные насыпи, и вместе с тем потеряна возможность их доследования. Лишь единицы сохранили приблизительные очертания былых размеров. Изрытые археологами, чёрнокопателями, расплывшиеся

во все стороны, курганы в городском саду даже в наши дни, при визуальной оценке, имеют высоту около 11 метров.

Изложенная информация является основанием для пристального внимания к территории городского сада как к необследованному участку курганного и, по всей видимости, грунтового некрополя Пантикапея.

Ныне этот зелёный массив находится в запущенном состоянии. Керчане помнят о нём, его истории и посещают уже

почти дикий, заброшенный сад. Его историко-культурное и археологическое значение в настоящее время недостаточно оценено.

Актуальной проблемой остаётся необходимость проведения археологических исследований сохранившихся остатков курганного и, возможно, грунтового некрополя, а также решение вопроса о реконструкции территории сада с дальнейшей его музеефикацией в рамках облика сада XIX века).

Источники и литература

1. Виноградов Ю. А. Страницы истории Боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии (1859–1917) / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь : Керчь, 2012. (Серия: Боспорские исследования. Вып. 27). 368 с., ил.
2. Виноградов Ю. А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма : от неандертальцев до генуэзцев : коллективная монография / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. С. 67–110.
3. Горончаровский В. А. Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма : от неандертальцев до генуэзцев : коллективная монография / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. С. 111–129.
4. Неизвестные страницы археологии Крыма : от неандертальцев до генуэзцев : коллективная монография / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 312 с.
5. Некролог И. А. Стемповского / Сост. А. Ашик // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. V. С. 907–914.
6. ОАК за 1913–1915 гг. Петроград, 1918 г. [3], 295, [3] с.
7. ОАК 1894 г. Петроград, 1896. [4], 171, [2] с.
- Пантикапей : [Сборник статей] / Отв. ред. И. Б. Зеест // МИА. № 56. Москва : изд-во АН СССР, 1957. 255 с.
8. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор : Критическое обозрение памятников литературных и археологических / М. И. Ростовцев. Предисл. : С. Жебелев. Рос. акад. истории материальной культуры. [Ленинград], 1925. 621, [2] с.
9. Сабатье П. П. Керчь и Боспор [Электронный ресурс] : замечания о керченских древностях и опыт хронологии Царства Боспорского / соч. П. П. Сабатье, чл.-основателя Археол. о-ва, действ. чл. о-в Рус. геогр. и Одес. истории и древностей и пр. Санкт-Петербург, 1851 (2015). [6], 128, [13] с.
10. Фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (далее — Фонды ВКИКМЗ). Топографическая карта окрестностей города Керчи, снятая в 1835 г. ТИ-2475.
11. Фонды ВКИКМЗ. Военно-топографическая карта полковника Бетева 1837 г. ТИ-2474.
12. Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I / Под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова // МИА. № 19. Москва : изд-во АН СССР, 1951. С. 63–86.
13. Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея // Материалы и исследования по археологии СССР / Книжная серия ИИМК / ИА АН СССР. № 56: Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест // МИА. № 56. Москва : изд-во АН СССР, 1957. С. 227–250.

Sources and Literature

1. Vinogradov Yu. A. Pages of the History of Bosporan Archeology. The Epoch of the Imperial Archaeological Commission (1859–1917) / Ed. by V. N. Zinko. Simferopol : Kerch, 2012. (Series: Bosporan Studies. Issue 27). 368 p., ill.
2. Vinogradov Yu. A. Burial Mound Necropolis of Panticapea // Unknown Pages of the Archeology of the Crimea : from Neanderthals to Genoese : a Collective Monograph / Ed. by L. B. Vishnyatsky. Saint-Petersburg : Nestor-Istoriya Publ., 2017. P. 67–110.

3. Goroncharovsky V. A. The Case of the Lion's Mound // Unknown Pages of the Archeology of the Crimea : from Neanderthals to Genoese : a Collective Monograph / Ed. by L. B. Vishnyatsky. Saint-Petersburg : Nestor-Istoriya Publ., 2017. P. 111–129.
4. Unknown Pages of the Archeology of the Crimea : from Neanderthals to Genoese : a Collective Monograph / ed. by L. B. Vishnyatsky. Saint-Petersburg : Nestor-History, 2017. 312 p.
5. Obituary of I. A. Stempkovsky / Comp. A. Ashik // Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities. Vol. V. P. 907–914.
6. Report of the Archaeological Commission for 1913–1915. Petrograd, 1918 [3], 295, [3] p.
7. Report of the Archaeological Commission of 1894. Petrograd, 1896. [4], 171, [2] p.
8. Panticapaeum : [Collection of Articles] / Ed. by I. B. Zeest // Materials and Research on the Archeology of the USSR. No. 56. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 255 p.
9. Rostovtsev M. I. Scythia and Bosphorus : a Critical Review of Literary and Archaeological Monuments / M. I. Rostovtsev. Preface : S. Zhebelev. Russian Academy of the History of Material Culture. [Leningrad], 1925. 621, [2] p.
10. Sabatier P. P. Kerch and Bosphorus [Electronic resource] : Remarks on the Kerch Antiquities and the Experience of the Chronology of the Kingdom of Bosphorus / the Work of P. P. Sabatier, a Founding Member of the Archaeological Society, a Full Member of the Societies of Russian Geographical and Odessa History and Antiquities, etc. Saint-Petersburg, 1851 (2015). [6], 128, [13] p.
11. Funds of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (hereinafter — Funds of the ECHCMR). Topographic Map of the Environs of the City of Kerch, Taken in 1835. TP-2475.
12. Funds of the ECHCMR. Military Topographic Map of Colonel Betev 1837. TP-2474.
13. Tsvetaeva G. A. The Unpaved Necropolis of Panticapea, its History, Ethnic and Social Composition // Materials on the Archeology of the Northern Black Sea Region in the Ancient Era. Vol. I / Edited by V. D. Blavatsky, B. N. Grakov // MRA. № 19. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951. P. 63–86.
13. Tsvetaeva G. A. Kurgan Necropolis of Panticapea // Materials and Research on the Archeology of the USSR / Book series of the Institute of the History of Material Culture / Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. No. 56 : Panticapaeum / Ed. by I. B. Zeest // MRA. No. 56. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. P. 227–250.

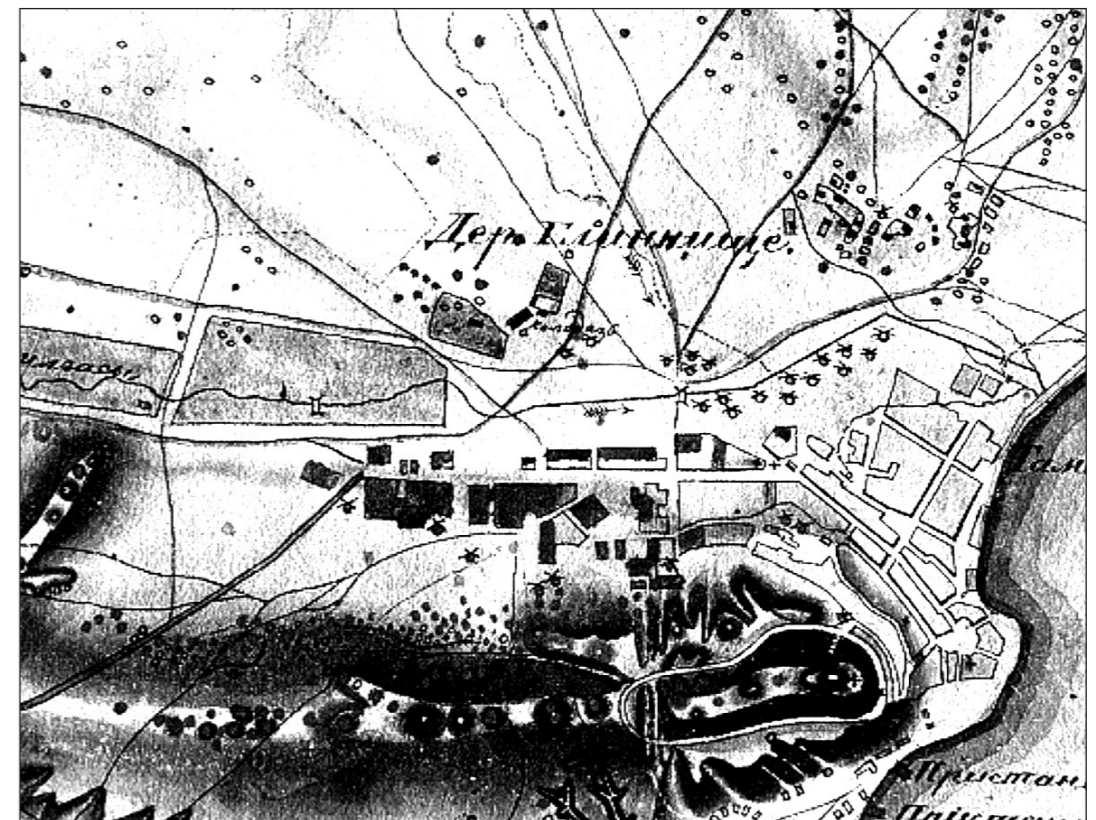

Рис. 1. Фрагмент топографической карты Керчь-Еникальского градоначальства 1835 г. Фонды ВКИКМЗ

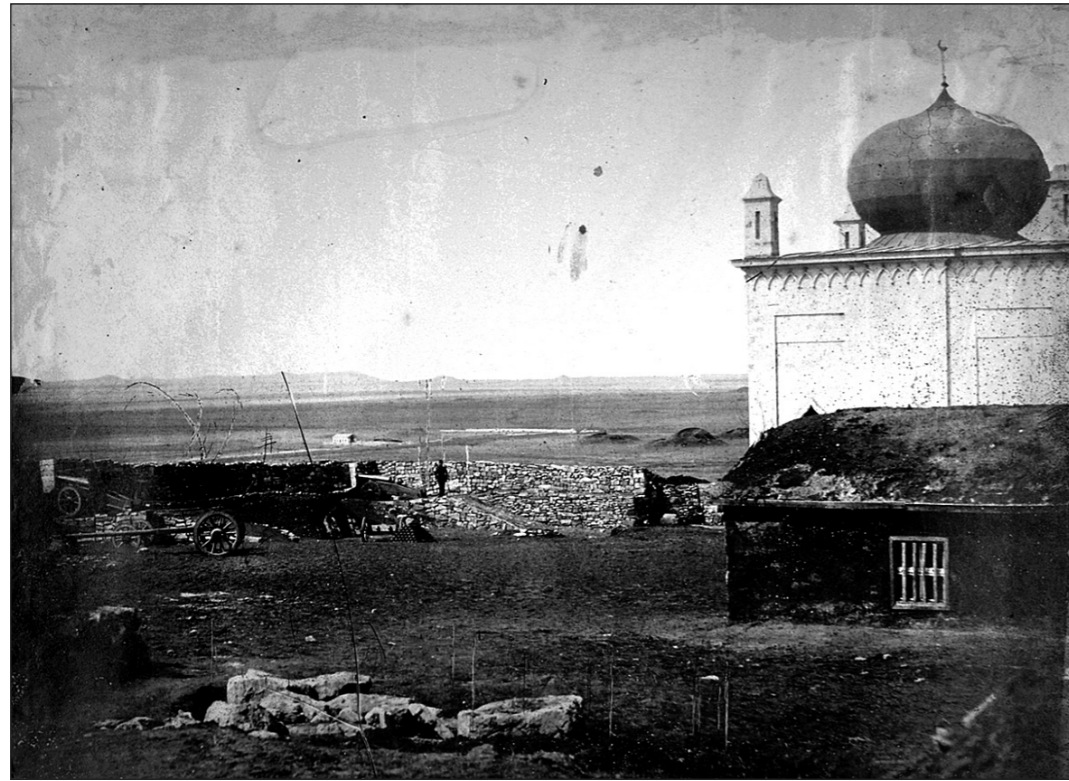

Рис. 2. Английская батарея у стен татарской мечети в предместье Керчи. 1855 г. Фото Д. Робертсона [Электронный ресурс]. URL: <https://artmuseum.princeton.edu>

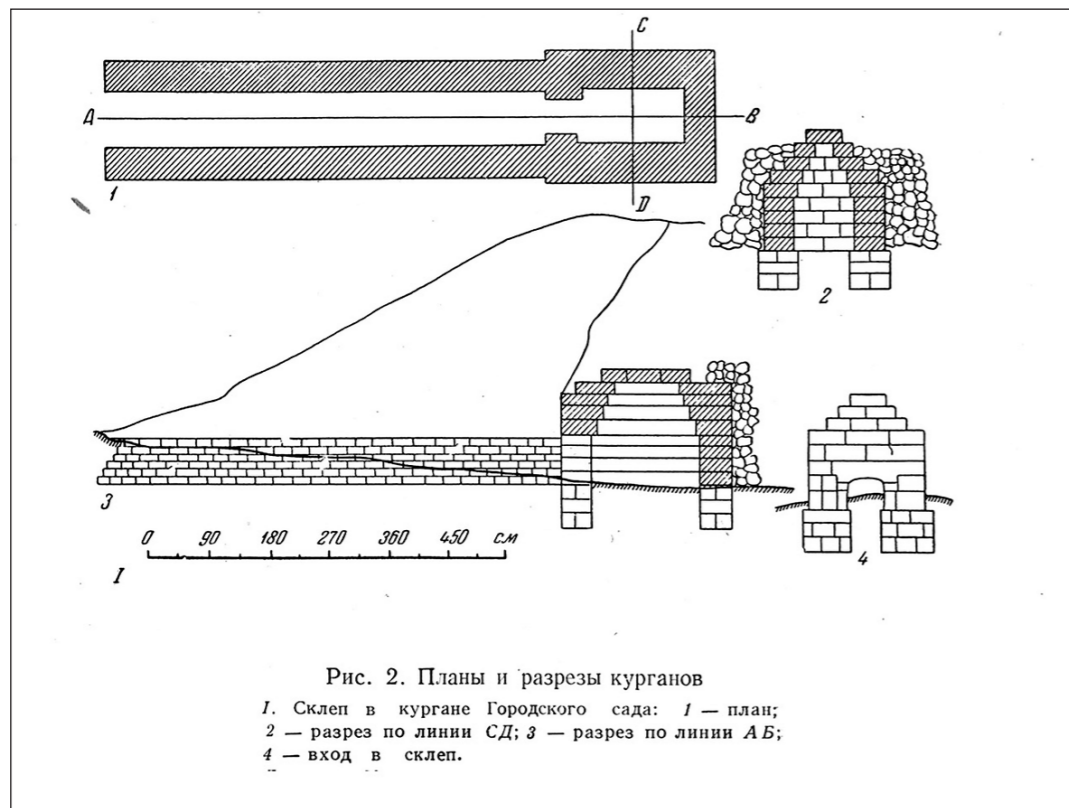

Рис. 2. Планы и разрезы курганов
1. Склеп в кургане Городского сада: 1 — план; 2 — разрез по линии СД; 3 — разрез по линии АБ; 4 — вход в склеп.

Рис. 3. Склеп в кургане Городского сада.

1 — план; 2 — разрез по линии СД; 3 — разрез по линии АБ; 4 — вход в склеп [см.: 14, с. 236]

УДК 9; 904

Нина Львовна Кучеревская,
кандидат культурологии,
заведующая отделом «Лapidарий»
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
(г. Керчь)

Владимир Васильевич Фролов,
заместитель заведующего отделом охраны памятников
и археологических исследований
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
(г. Керчь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В КОНТЕКСТЕ РЕСТАВРАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Г. КЕРЧИ

Аннотация: проекты развития инфраструктуры г. Керчи не могут рассматриваться в отрыве от проблем, связанных с сохранением его уникальных памятников. Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, располагающий квалифицированными специалистами в области сохранения культурного наследия, осуществляет деятельность по спасению и сохранению объектов культурного наследия.

Ключевые слова: Керчь, гора Митридат, Большая Митридатская лестница, изваяния грифонов, Пританей, сохранение, реставрация.

Nina L'vovna Kucherevskaya,
PhD, Head of the Department of «Lapidarium»
SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»
(Kerch)

Vladimir Vasilievich Frolov,
Deputy Head of the Department
of Monument Protection and Archaeological Research
SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»
(Kerch)

THE ACTIVITIES OF THE EASTERN-CRIMEAN HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-RESERVE IN THE CONTEXT OF THE KERCH CULTURAL HERITAGE OBJECTS RESTORATION

Annotation: projects for the development of the infrastructure of the city Kerch cannot be considered in isolation from the problems associated with the preservation of its unique monuments. The Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, which has some qualified specialists in the field of preservation of cultural heritage, carries out activities to save and preserve cultural heritage sites.

Keywords: Kerch, Mount Mithridates, Great Mithridates Staircase, statues of griffins, Prytaneum, conservation, restoration.

События 2014 года, связанные с проведением Всекрымского референдума и воссоединением Крыма с Россией, уже вошли в анналы отечественной истории. Возвращение Крыма в состав Российского государства стало катализатором глобальных изменений в жизни Керчи и всего Крымского полуострова в целом. Строительство Крымского моста, федеральной трассы «Таврида» дали старт реализации масштабных работ по реставрации уникальных объектов культурного наследия, которыми так богат город Керчь.

Один из первых проектов, в полном объёме воплощённых в жизнь, — реконструкция и реставрация объекта культурного наследия федерального значения «Лестницы Большие и Малые», по праву считающимся «визитной карточкой» города.

Большая Митридатская лестница была выстроена по проекту городского архитектора А. Дигби во второй четверти XIX века и представляла собой три больших лестничных марша, украшенных вазонами и изваяниями грифонов. К сожалению, события Крымской войны и оккупация Керчи интервентами привели к утрате первоначального облика этого объекта. После освобождения города на лестнице был выполнен лишь «косметический» ремонт. В таком виде она просуществовала, очевидно, вплоть до середины 1930-х гг., когда был полностью разобран правый марш третьего яруса лестницы для обустройства в толще горы бетонного подземного сооружения, известного в период обороны Керчи 1941 года как командный пункт Керченской военно-морской базы Черноморского флота или штаб Отдельной 51-й армии.

Первая реставрация Большой Митридатской лестницы проводилась, начиная с 1985 г. Однако она также носила «косметический» характер: серьёзные работы по укреплению и восстановлению утраченных элементов сооружения не выполнялись. Многолетнее запустение и отсутствие должного обслуживания объекта привели к обрушению в 2015 г. одного из лестничных пролётов второго яруса.

После визита в Керчь Президента России В. В. Путина в сентябре 2016 г. на

реставрацию лестницы были выделены 1,5 миллиарда рублей. В результате проведённого конкурса определился разработчик проекта. Им стала компания «Меандр» из Санкт-Петербурга. В феврале 2017 года начат демонтаж конструкций створа лестницы.

В рамках этих работ были демонтированы украшавшие Большую Митридатскую лестницу изваяния грифонов.

Рис. 1. Изваяние грифона на Большой Митридатской лестнице до реставрации. Февраль 2018 г.

Глиняную модель грифонов выполнили в конце 1986 года керченские скульпторы Р. В. Сердюк, А. И. Мельник и В. Ф. Будин. Тогда же мастером Крымского художественно-производственного комбината Худфонда УССР С. Г. Круговым с них были сняты гипсовые кусковые формы и, спустя полгода, совместными усилиями изготовлены бетонные отливки с применением белого цемента и мелкой мраморовидной крошки. После соответствующей обработки «под камень» скульптуры установили на площадках, венчающих верхний марш первого яруса Большой Митридатской лестницы в начале сентября 1987 года, где они прослужили декором архитектурного сооружения авторства А. Дигби более тридцати лет.

Реставрация изваяний оказалась не предусмотрена проектом. Тем не менее руководство и коллектив музея-заповедника настояли на том, чтобы демонтаж скульптур осуществлялся под контролем реставратора, а сами грифоны были перемещены в Лапидарий для проведения реставрационных работ.

23 февраля 2018 г. изваяния демонтированы сотрудниками ООО «Меандр» в процессе реконструкции Большой Митридатской лестницы, осуществляемой в рамках Государственного контракта № 6 от 25.12.2018 г. на выполнение первоочередных противоаварийных мер в части проведения работ по разборке облицовки стен, устройства временных защитных ограждений и демонтажа архитектурных элементов на объекте культурного наследия «Лестницы Большие и Малые». Грифоны переданы актом приёма-передачи в фонды ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник».

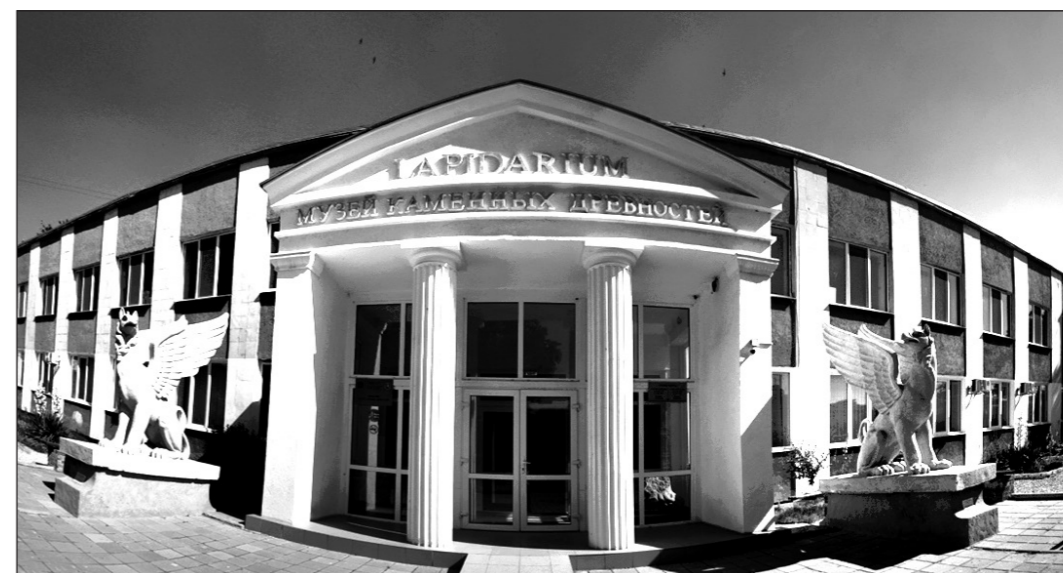
Поверхность изваяний за 30 лет их бытования на объекте покрылась обильными пылегрязевыми наслоениями, биообрастателями (мох, лишайник), сажевыми наслоениями. На верхних гранях крыльев грифонов появились многочисленные утраты и трещины. Утрачены были полностью или частично их хвосты, в одном случае, вместе с фрагментом металлической арматуры. Утраты

поверхностного слоя, корковые наслоения, корродирование арматуры в местах утрат бетона, следы вандализма в виде измазанных красками разных цветов туловищ — вот краткий перечень повреждений памятников.

В процессе реставрации были удалены рыхлые поверхностные наслоения и продукты жизнедеятельности биообрастателей. Выполнено локальное укрепление отслаивающихся участков и трещин методом пропитки акрилатом (10 %, 15 % растворы ПБМА в ксилоле). Поверхность обнажившихся сколов и арматуры законсервирована. Для восстановления формы хвостов была изготовлена арматура из нержавеющей стальной проволоки, которая послужила каркасом для восстановленных элементов. Восполнение утрат, составившие почти 10 % всего объёма изваяний, зачеканка трещин, отбортовки сколов — выполнены сложным минеральным составом.

В настоящее время фигуры грифонов приняты на хранение в фонды музея-заповедника, отреставрированы и занимают достойное место перед центральным входом в Лапидарий — Музей каменных древностей, а лестницу украсили новые скульптурные изображения грифонов.

Однако самым впечатляющим событием стало спасение Пританея. Он был обнаружен на северном склоне горы

Рис. 2. Изваяния грифонов после реставрации перед входом в Лапидарий. 2019 г.

Рис. 3. Фрагмент колоннады Пританея. 2018 г.

Митридат в результате раскопок Пантикапейской экспедиции под руководством И. Д. Марченко в 1963–1966 гг., давшей название открытому объекту [6, с. 79–87; 7, с. 88–99]. Строительный комплекс, расположенный на одной из террас, включал в себя здание с перистильным двориком, украшенное колоннадой дорического ордера. Площадь строительного комплекса составляла около 450 кв. м (длина — 30, ширина — 15 м). В 1976 г. фрагмент колоннады фасадной части Пританея был частично отреставрирован: работа осуществлена специалистами В/О «Союзреставрация» под руководством Б. Л. Алтшулера и А. А. Воронова. Реставрация выполнена из подлинных деталей — колонн и антаблемента — с использованием копий (новоделов) сим, сделанных с подлинных архитектурных деталей, хранящихся в ГМИИ имени А. С. Пушкина [3, л. 5, 6].

В 1979 г. решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 г. № 284 здание Пританея получило статус объекта культурного наследия регионального значения, при этом оно входило в состав объектов археологии и архитектуры городища Пантикапей. Специалисты Союзреставрации по приглашению музея

ежегодно проводили консервационные работы и наблюдения за отреставрированными объектами на территории Нового Эспланадного раскопа, вплоть до 1991 г., когда был выполнен комплекс консервационных мероприятий по биоцидной обработке и гидрофобизации фрагмента колоннады перистильного двора [2; 4; 5].

Стоит отметить, что ещё в 1989 г. авторами проектов отмечалось ухудшение состояния объекта, а также был выявлен крен колоннады. Тогда же был разработан проект противоаварийных работ для восстановления колонн в первоначальное положение. Однако он так и остался нереализованным.

После распада Советского Союза Украина — новое государство на геополитической карте мира — уже не располагала ни специалистами в области архитектурной реставрации, способными к исполнению данного уровня работ, ни финансами. Заповедник в то время не получал финансирование на музейные и реставрационные программы.

Оползни склонов горы Митридат привели к дестабилизации основания стилобата, на котором покоились перекрытые дорическим антаблементом колонны. В

январе 2019 г. обильные атмосферные осадки и резкие перепады температуры привели к изменению состояния сохранности памятника, что было зафиксировано в ходе планового обследования объектов культурного наследия. Резкая деформация колонн признана угрожающей как для самого памятника, так и для посетителей. Музей-заповедник публично заявил об аварийном состоянии Пританея и принял меры по спасению объекта культурного наследия.

1 февраля 2019 г. между ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» и ООО «ВЕК» был заключён контракт на выполнение научно-проектной документации на объект культурного наследия регионального значения «Пританей, II в. до н. э.», расположенный по адресу: Республика Крым, г. Керчь, гора Митридат: «Проект предмета охраны» № 82.

12 февраля 2019 г. инициировано выездное заседание Реставрационного совета для определения состояния сохранности памятника и разработки программы противоаварийных мероприятий, направленных на его сохранение.

В связи с угрозой обрушения ООО «ВЕК» была демонтирована часть восстановленных в 1976 г. конструктивных элементов колоннады перистильного двора. Демонтаж архитектурных деталей произведён с использованием большегрузной специализированной техники под наблюдением реставратора высшей категории. При подготовке мероприятия использованы документация (установочные чертежи и др.) и рекомендации научно-производственной лаборатории по консервации архитектурно-археологических памятников, данные в момент установки конструкции.

Архитектурные детали фрагмента колоннады Пританея были доставлены в Лапидарий для проведения консервационных и реставрационных работ.

Визуальное обследование и лабораторные исследования выявили поражение всей поверхности известняка, из которого изготовлены архитектурные детали, и реставрационных восполнений биообрастателями: чёрными накипными

лишайниками, многочисленными колониями мха. Поверхность была покрыта обильными почвенными, пылегрязевыми, сажевыми наслоениями. В результате создавшейся на поверхности корки из продуктов жизнедеятельности биообрастателей и поверхностных наслоений образовался гидрофобный эффект. С целью выбора методики расчистки были выполнены пробные расчистки. Экспресс-анализ на качественное содержание водорастворимых солей (хлоридов, сульфатов) показал критическое содержание сульфатов и следы хлоридов в толще каменной породы. Памятник нуждался в удалении поверхностных атмосферных и биологических наслоений, выведении солей, локальном укреплении, биоцидной обработке, гидрофобизации.

Анализ архивных материалов показал эффективность применения ПБ-МА-НВ, используемого для локального укрепления деструктурированных участков в 1970–1990 гг. Состав для восполнения утрат также заимствован из архивной документации, методика изготовления раствора предоставлена инженером-реставратором высшей категории

Рис. 4. Фрагмент колоннады Пританея в процессе восстановления. 2019 г.

О. Н. Постниковой, участником реставрационных работ на Пританее в 1976–1990 гг. [1, табл. 1].

Пройдя все стадии согласования проектного решения и экспертизы, аттестованным специалистом высшей категории выполнен комплекс реставрационных и консервационных работ, после чего осуществлена установка отреставрирован-

ных каменных деталей в проектное положение ООО «Еврогрупп СПб».

Мониторинг состояния сохранности отреставрированных памятников показывает их стабильность, что служит подтверждением правильности выбора методики реставрации, основанной на лучших традициях «московской школы» и проверенной временем.

Источники и литература

1. Архитектурно-археологические памятники Пантикапея. Отчёт о научно-исследовательских и натурно-экспериментальных работах. Москва, 1975 // Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (далее — НА ВКИКМЗ). Оп. 7. Ед. хр. 18.
2. Архитектурно-археологические памятники Пантикапея. Техническое заключение о состоянии памятников на северном склоне горы Митридат. Рекомендации по консервации и долговременному сохранению сооружений при музеефикации под открытым небом. Москва, 1987 // НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 54.
3. Архитектурно-археологические памятники Пантикапея. Технология консервации сооружений на северном склоне горы Митридат. Москва, 1988 // НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 21.
4. Воронов А. А., Михайлова М. Б. Особенности новооткрытого античного памятника в Керчи // Архитектурное наследие. 1975. № 23. Москва, 1975. С. 88–99.
5. Марченко И. Д. Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963–1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 79–87.
6. Методические рекомендации по консервации каменных архитектурно-археологических сооружений. Москва, 1984 // НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 22.
7. Разработка методов консервации археологической кладки античных памятников Северного Причерноморья. Отчёт ВПНРК. Москва, 1979 // НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 23.

Sources and Literature

1. An Architectural and Archaeological Monuments of Panticapaeum. Report on Research and Field Experimental Work. Moscow, 1975 // Scientific Archive of Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (hereinafter — SA of ECHCMR). Inv. 7. St. Unit 18.
2. The Architectural and Archaeological Monuments of Panticapaeum. Technical Conclusion about the State of the Monuments on the Northern Slope of Mount Mithridates. Recommendations for the Conservation and Long-term Preservation of Structures in Open-air Museification. Moscow, 1987 // SA of ECHCMR. Inv. 7. St. Unit 54.
3. The Architectural and Archaeological Monuments of Panticapaeum. Technology of Conservation of Structures on the Northern Slope of Mount Mithridates. Moscow, 1988 // SA of ECHCMR. Inv. 7. St. Unit 21.
4. Voronov A. A., Mikhailova M. B. Features of the Newly Discovered Antique Monument in Kerch // Architectural Heritage. 1975. No. 23. Moscow, 1975. P. 88–99.
5. Marchenko I. D. Excavation of a Building II BC in Panticapaeum at 1963–1965 // Brief Reports of History and Archeology. 1967. No. 109. P. 79–87.
6. The Guidelines for the Conservation of Stone Architectural and Archaeological Structures. Moscow, 1984 // SA of ECHCMR. Inv. 7. St. Unit 22.
7. A Development of Methods for the Conservation of Archaeological Masonry of Ancient Monuments of the Northern Black Sea Region. Moscow, 1979 // SA of ECHCMR. Inv. 7. St. Unit 23.

УДК 721

Игорь Захарович Лозинский,
профессор Отделения

Международной академии архитектуры в Москве,
профессор кафедры «Архитектура общественных зданий»
ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт
(государственная академия)»
руководитель ООО «Мастерская Лозинский и партнёры»
(г. Москва)

Ольга Александровна Сулова,

архитектор ООО «Мастерская Лозинский и партнёры»,
магистрант кафедры «Архитектура общественных зданий»
ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт
(государственная академия)»
(г. Москва)

ВЕРХНИЙ ГОРОД

Аннотация: статья посвящена подходам к регенерации утраченной рядовой исторической застройки на восточном склоне горы Митридат в городе Керчи как одной из важнейших составляющих градостроительного ансамбля Большой Митридатской лестницы в рамках развития музейно-археологического кластера.

Ключевые слова: исторический центр Керчи, рядовая историческая застройка, музейно-археологический кластер, регенерация среды, воссоздание застройки.

Igor Zakharovich Lozinskiy,

Professor of International Academy of Architecture,
Moscow branch (IAAM)

Professor of the Chair of Public Buildings
Moscow architectural Institute (state academy)
Head of the «Workshop Lozinskiy and Partners» Ltd
(Moscow)

Olga Aleksandrovna Suslova,

Architect in the «Workshop Lozinskiy and Partners» Ltd
Master's Degree Student of the Chair of Public Buildings
Moscow architectural Institute (state academy)
(Moscow)

THE UPPER TOWN

Annotation: the article is devoted to approaches to the regeneration of the lost ordinary historical buildings on the eastern slope of Mount Mithridates in the city of Kerch as part of the development of the museum-archaeological cluster as one of the most important components of the urban planning ensemble of the Great Mithridates Stairs.

Keywords: historical center of Kerch, ordinary historical buildings, a museum-archaeological cluster, environment regeneration, building reconstruction.

Керчь — древнейший город России, место с богатейшим историко-культурным, архитектурным и археологическим наследием. В связи с этим музейная функ-

ция является здесь одной из основных градообразующих составляющих. Выражением этой функции и важнейшим центром притяжения может стать раз-

витый музейный кластер, предлагаемый в рамках Концепции градостроительного развития Керчи мастерской «Лозинский и партнёры», базирующийся на памятниках архитектуры, археологии и существующей музейной инфраструктуре.

Проект охватывает ядро исторической территории города — гору Митридат с Большой Митридатской лестницей, площадь Ленина (бывшие Предтеченскую и Таманскую) и их окрестности. Этот ансамбль располагается в композиционно важном центре Керчи и является его визуальной кульминацией, соединяя направления городских улиц и открываясь к набережной. Музейный кластер условно делится на четыре зоны, в каждой из которых взаимодействие археологических памятников с пространством города проявляется различными способами. В их числе — зона музеефикации раскопок древнегреческого городища Пантикапей по проекту, разработанному В. П. Толстиковым и Е. А. Мочалиным [3]; музейный комплекс «двухъярусный город» на восточном и юго-восточном склоне горы Митридат с раскопами, накрытыми воссозданной исторической застройкой; объединённая сквозным маршрутом система склепов и катакомб на северном склоне, а также площадь Ленина, где предполагается раскрытие фундаментов города Корчева IX–XI веков.

В данной статье мы хотели бы подробнее остановиться на регенерации исторической застройки на восточном склоне горы Митридат по обе стороны от Большой Митридатской лестницы. В контексте современной тенденции к реконструкции и воссозданию единичных уникальных объектов городского ансамбля, сформировавшегося в первой половине XIX века, нельзя забывать, что этот ансамбль задумывался и реализовывался вместе с кварталами рядовой застройки. Несмотря на урон, нанесённый городским строениям в ходе Второй мировой войны, впоследствии он дополнился новыми сооружениями, в том числе важным градостроительным объектом — Обелиском Славы (построен в 1944 г. по проекту архитекторов М. Я. Гинзбурга и

А. Д. Киселёва), и дошёл до наших дней, утратив большое количество отдельных элементов, но сохранив основную структуру. Обелиск Славы стал кульминацией всего ансамбля горы Митридат — как ещё в античном Риме становились важными градостроительными акцентами египетские обелиски, привезённые из дальних походов. По крайней мере, известная фотография открытия монумента Славы, где он соседствует с изрядно пострадавшей часовней Стемповского, однозначно доказывает, — авторы монумента вписывали объект в существующий контекст, не предполагая сноса окружающих зданий, как это зачастую практиковалось в советский период. Можно утверждать, что и основная ткань рядовой застройки восточного склона горы Митридат, сильно пострадавшая от обстрелов, но частично восстановленная, также учитывалась в общей композиции. Таким образом, в ансамбле, который развивался на протяжении длительного периода, применение принципа выделения доминант за счёт нейтральной рядовой застройки сохранилось с времён классицизма [5].

К сожалению, современная практика определения ценности той или иной застройки сводится к формальному признаку принадлежности отдельных её составляющих к списку внесённых в реестр объектов культурного наследия. Это приводит к тому, что исторические здания становятся беззащитными перед варварской перестройкой не только частными владельцами, но и организациями. Поэтому на сегодняшний день мы почти утратили аутентичный облик рядовой застройки как в Керчи, так и во многих других городах.

После того как была отреставрирована (а по сути — воссоздана) Большая Митридатская лестница, во весь рост встаёт вопрос о необходимости восстановления таких ключевых объектов ансамбля как часовня Стемповского и музей древностей. Безусловно, такой подход к регенерации городской среды абсолютно оправдан, но нельзя забывать, что средовая архитектура квартальной застройки также была неотъемлемой частью всей ком-

Рис. 1. Вид на гору Митридат. 1944 г.

позиции. Именно рядовые здания, в большинстве случаев отрисованные лучшими архитекторами империи [4] и, возможно, откорректированные для условий Керчи городским — А. Дигби, автором реализованной версии генерального плана, стала той городской тканью, через призму которой воспринимались акценты и доминанты уникальных сооружений.

Единственным путём к сохранению целостности ансамбля является регенерация этой застройки. Примеры аутентичного и деликатного воссоздания кварталов утраченной городской среды мы знаем из недавней истории послевоенного восстановления в Европе: Старе место в Варшаве, исторический центр Дрездена и многие другие. Известно, что, несмотря на очевидно положительный эффект от таких исторических «инъекций» в ткань современных городов, мы нередко слышим споры о правомерности такого подхода. Его противники, как правило, применяют в таких случаях негативно окрашенное слово «новодел» и аргументируют свою точку зрения положениями

из Венецианской хартии [11], ставящей подлинность частей памятника выше композиционных характеристик ансамбля и принципиально настаивающей на визуальном обособлении воссозданных элементов. На это невозможно ответить однозначно. Каждый случай имеет свою специфику, и потому подход здесь должен быть дифференцированным. Говоря о Керчи, мы имеем полное право провести аналогию с послевоенным восстановлением городов, когда главенствовал подход стилистической реставрации. Этот процесс здесь так и не получил завершения — напротив, ситуация ухудшается, и городская среда деградирует на наших глазах. Повсюду возникают диссонирующие строения диких цветов, а редкие сохранившиеся дома до неузнаваемости изуродованы пристройками и современной отделкой либо находятся в аварийном состоянии. С другой стороны, удручающее состояние среды не оставляет сомнения в том, что косметическим ремонтом тут не обойтись. И, прежде чем что-то восстанавливать, не-

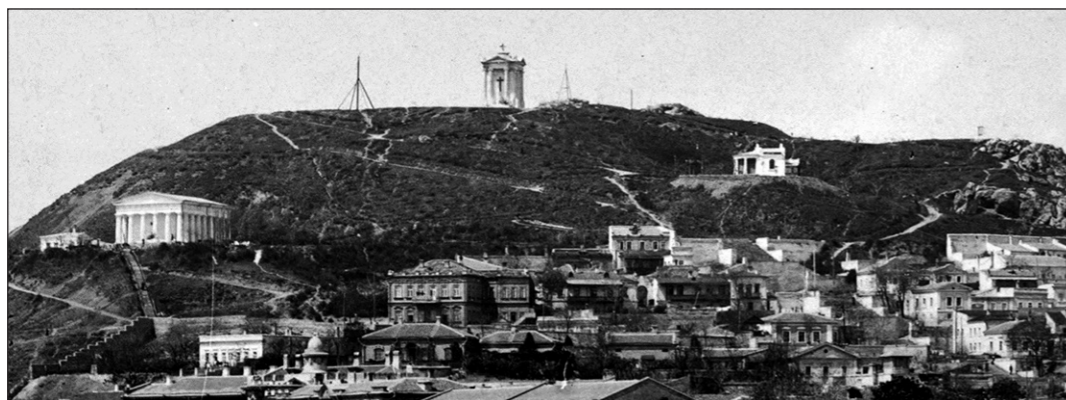

Рис. 2. Вид на гору Митридат. 1918 г.

обходима расчистка пустырей, точечный снос диссонирующих новостроек, а это, в свою очередь, даёт нам уникальную возможность масштабных археологических раскопок на восточном склоне. Результаты изысканий, выполненных в 2020 году при реставрации Большой Митридатской лестницы, свидетельствуют о наличии на территории остатков античных террас, которые впоследствии могут стать нижним ярусом «двухъярусного города». Тогда в роли верхнего яруса будет выступать воссозданная застройка.

Чтобы восстановить среду жилых кварталов в районе Большой Митридатской лестницы, необходимо провести комплексное исследование, которое можно принципиально разделить на две части. Первая часть — натурные изыскания на регенерируемой территории — выявление и оценка современного состояния сохранившихся фрагментов домов и подпорных стенок, определение подлежащих сносу строений и зон, где возможны раскопки. Вторая часть — наиболее важная — изучение принципов, по которым историческая застройка формировалась в период с момента своего создания — с первой половины XIX века по начало XX. К ним относятся система градостроительного регулирования, существовавшая в Российской империи, особенности применения местных материалов и строительные технологии, природно-климатические, социально-экономические и бытовые условия, культурно-исторические аспекты и многое другое. Так, например, принципиальным было соответствие кварталов

генеральному плану, утверждённому императором, и соблюдение правила строительства фасадов по красным линиям. Альбомы образцовых фасадов, применявшиеся до 1858 г. в обязательном порядке, позднее — по желанию, диктовали определённый облик застройки [5]. Дополнительный контроль исходил и со стороны городского архитектора, в обязанности которого входило утверждать чертежи даже для частного жилья [6]. Строительный устав ограничивал габариты зданий и пропорциональные соотношения окон, простенков и некоторых других элементов [7]. Особый колорит застройке придало применение типовых блоков из известняка как для простой кладки, так и для элементов декора [4].

Большую часть ансамбля можно восстановить на момент конца XIX века, поскольку в этом виде он не только наиболее соответствовал заданному генеральным планом вектору развития, но и не претерпел существенных изменений в рамках рядовой застройки. Тем не менее следует учесть расположение зданий послевоенного периода в стиле классицизма и включить их в новую композицию, поскольку они имеют полное право считаться памятниками архитектуры и не диссонируют со средой. Для этого придётся пожертвовать возможностью восстановления некоторых домов, но в контексте увеличения общего масштаба ансамбля сочетание застройки 1940-х годов с дореволюционной будет лучшим решением.

Перейдя непосредственно к проекту воссоздания, мы, в первую очередь,

Рис. 3. Опорный план для реконструкции фрагмента застройки в районе Большой Митридатской лестницы. Концепция градостроительного развития Керчи. Мастерская Лозинский и партнёры. Москва. 2021–2022 гг.
а — сохраняемая и реконструируемая застройка
б — сносимая застройка
в — зоны, доступные для проведения раскопок

должны выполнить привязку застройки на местности. Чёткие членения исторических кварталов застройки, данные архивных чертежей и аэрофотосъёмки, строительные остатки позволяют сделать это с относительно высокой точностью, учитывая, что сохранилось много мест, где под уродливой отделкой и большим количеством пристроек до сих пор достаточно безошибочно читаются первоначальные контуры зданий. Благодаря огромному количеству фотографий подлежат восстановлению не только основные объёмы, но и мелкие детали, недостающие же фрагменты можно достроить именно на основе изученных принципов.

Одна из самых важных частей этой работы — изучение архитектурного декора. Нам повезло: по сей день сохранилось много аналогов разрушенных зданий по всему городу. Что особенно интересно, в Керчи применялась типизация деталей [2]. Стандартные размеры камня для кладки стен определяли габариты построек и вносили коррективы в их облик, оставаясь в рамках саженно-аршинной системы. Впоследствии, при разрушении стен домов, их карнизы, наличники,

цоколи зачастую попросту пересобирались как конструктор, поэтому как поменять местами фрагменты, так и изготовить их вновь по обмерам из местного известняка — верный способ очень точно и аутентично воссоздать застройку.

По задумке проекта музейного кластера «двухъярусный город», Верхний город, о котором идёт речь в нашей статье, берёт на себя часть городских функций, интегрированных в музейную составляющую. В нём могут располагаться помещения базы археологической экспедиции, реставрационные мастерские, элементы музейной инфраструктуры, букинистические и сувенирные лавки, небольшие кафе, мини-отели и т. д. Являясь продолжением кластера, Верхний город станет комплексом, защищённым от перестроек, где гарантированно будет поддерживаться атмосфера аутентичной среды конца XIX — начала XX века. Большое значение имеют не только грамотно воссозданные объёмы и архитектурные детали, но и микродизайн — от дверных ручек до фонарей и рекламных вывесок.

В каком-то смысле сам Верхний город будет являться уникальным музейным

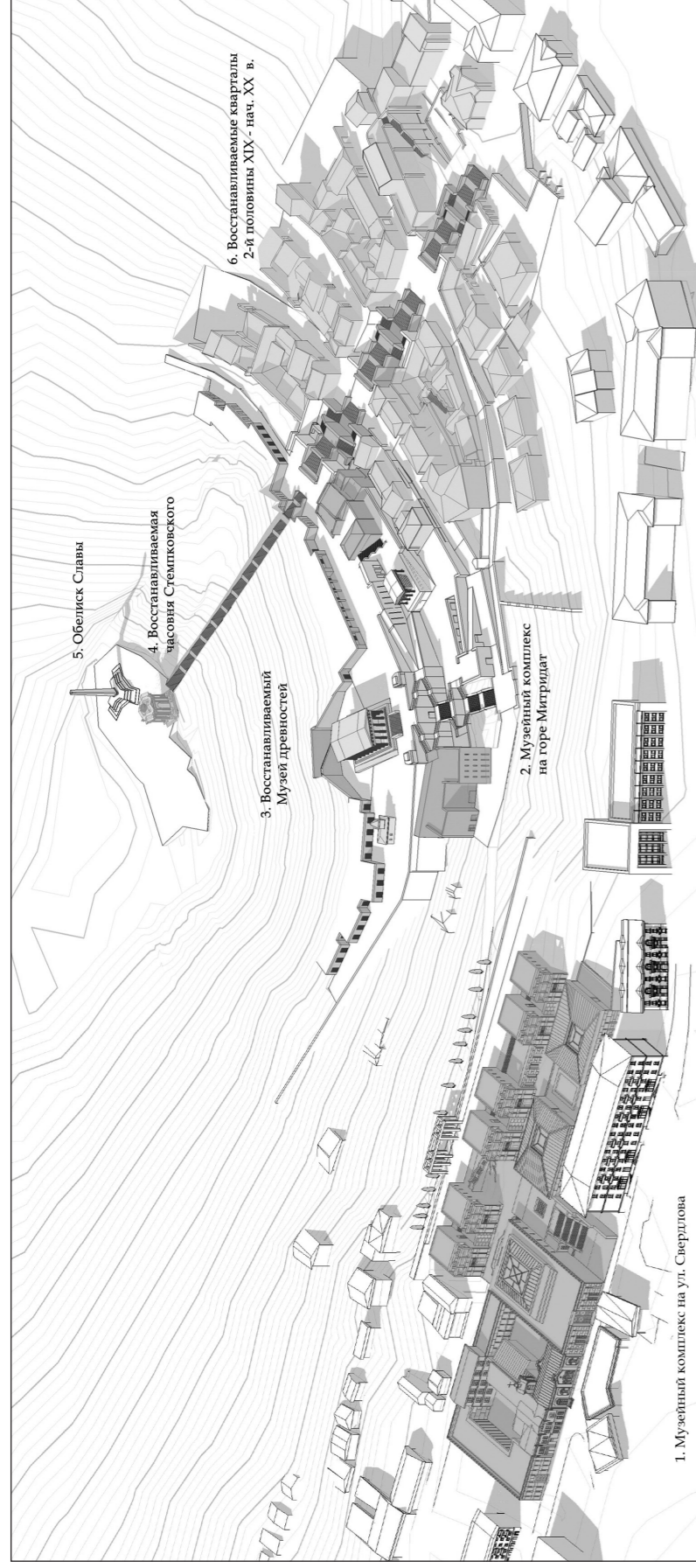

Рис. 5. Схема музейного комплекса «Духъярусный город» на горе Митридат. Концепция градостроительного развития Керчи. Мастерская Лозинский и партнёры. Москва, 2018–2020 гг.

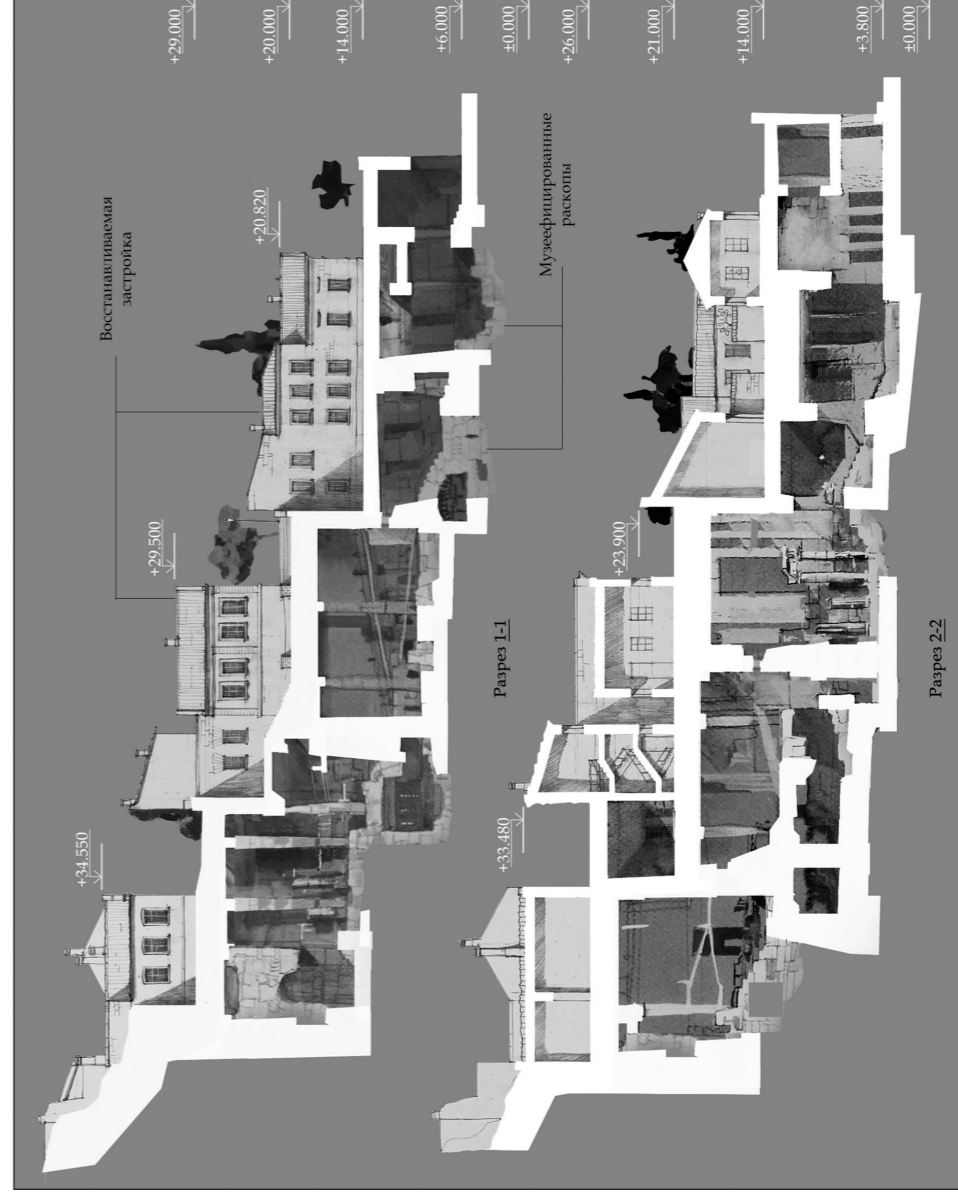

Рис. 6. Разрезы музейного комплекса «Духъярусный город» в зоне восстанавливаемой застройки второй половины XIX – начала XX века. Концепция градостроительного развития Керчи. Мастерская Лозинский и партнёры. Москва, 2018–2021 гг.

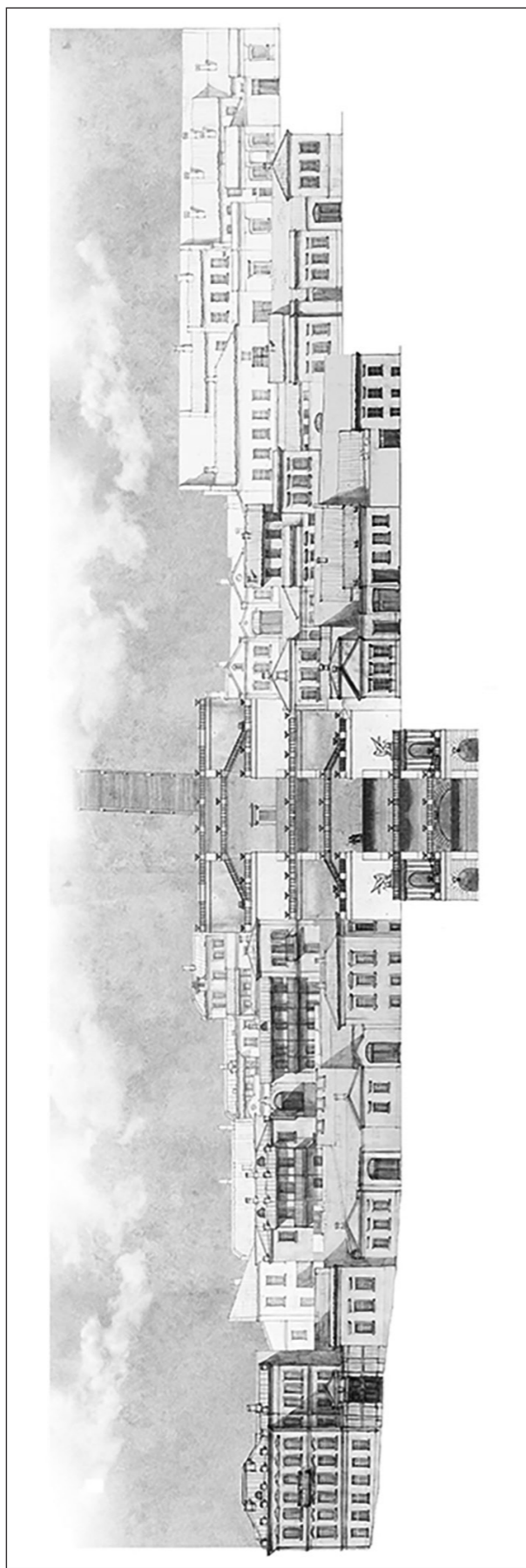

Рис. 7. Предложение по воссозданию кварталов исторической застройки второй половины XIX – начала XX века на горе Митридат. Концепция градостроительного развития Керчи. Фрагмент панорамы. Мастерская Лозинский и партнёры. Москва, 2021 г.

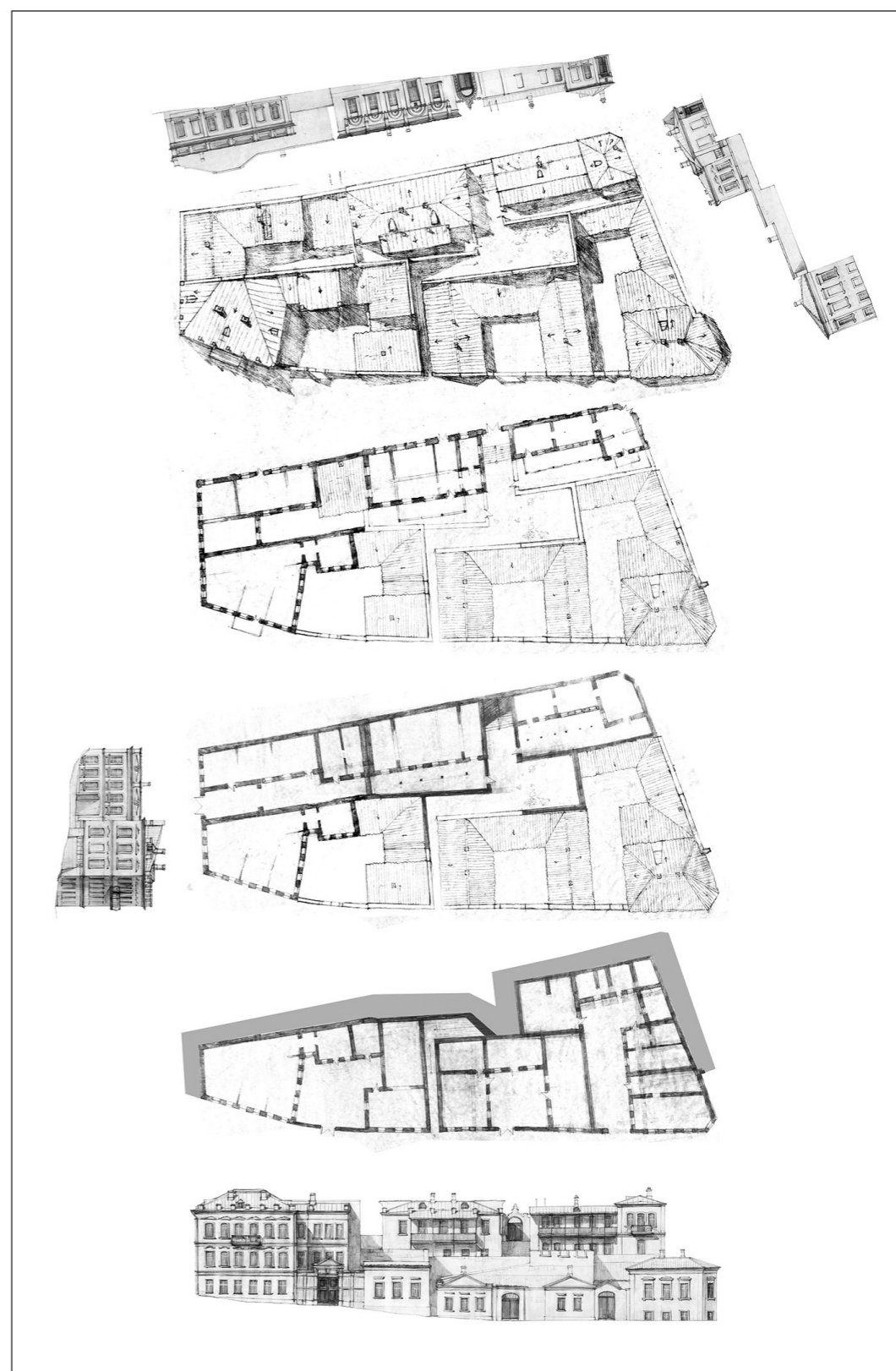

Рис. 8. Квартал к югу от Большой Митридатской лестницы между ул. им. 23 мая 1919 года и ул. им. Н. Рыбакова. Пример воссоздания застройки второй половины XIX – начала XX века с указанием сохранившихся строительных остатков. Концепция градостроительного развития Керчи. Мастерская Лозинский и партнёры. Москва, 2021 г.

Рис. 9. Типовые элементы застройки. Руины зданий между домами № 22 и № 24 по 2-й Митридатской улице. Керчь, 2020 г.

УДК 904 (470) "08/09"

Вадим Владиславович Майко,
доктор исторических наук, директор
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(г. Симферополь)

Александр Евгеньевич Кислый,
доктор исторических наук, заведующий отделом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(г. Симферополь)

Денис Владиславович Бейлин,
научный сотрудник
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(г. Симферополь)

Алексей Владиславович Куликов,
научный сотрудник
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(г. Симферополь)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ «АДЖИЭЛЬ ЮЖНОЕ I» НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2020 ГОДУ

Аннотация: в 2020 г. Южно-Боспорская экспедиция Института археологии Крыма РАН провела охранные раскопки на территории поселения Аджиэль Южное I, расположенного на территории Чистопольского сельского поселения Ленинского района Республики Крым. Поселение представляет собой однослойный памятник XIV–XVII вв. с отдельными находками эпохи средней бронзы, античности и салтово-маяцкой культуры. В процессе раскопок в восточной части раскопа были выявлены и исследованы 11 археологических комплексов, представленных хозяйственными ямами, датируемыми в пределах XIV–XVI вв. Несмотря на хорошую археологическую изученность Аджиэльской балки, данные раскопки дополнили историю этого микрорегиона Керченского полуострова.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Аджиэльская балка, поселение Аджиэль Южное I, эпоха бронзы, античность, средневековье, Крымское ханство.

Vadim Vladislavovich Maiko,
Doctor of Historical Sciences, Director
FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS»
(Simferopol)

Alexander Evgenievich Kisly,
Doctor of Historical Sciences, Head of Department
FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS»
(Simferopol)

Denis Vladislavovich Beilin,
A Research Associate
FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS»
(Simferopol)

Alexey Vladislavovich Kulikov,
A Research Associate
FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS»
(Simferopol)

AN EXPLORATION OF THE SETTLEMENT «ADJIEL YUZHNOYE I» ON THE KERCH PENINSULA IN 2020

Annotation: in 2020, the South Bosphorus expedition of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences conducted security excavations on the territory of the settlement Ajiel Yuzhnoye I, located on the territory of the Chistopolie rural settlement of Leninsky district, the Republic of Crimea. The settlement is a single-layer monument of the XIV–XVII centuries with separate finds of the era of medium bronze, antiquity and Saltovo-Mayaki culture. During the excavations in the eastern part of the excavation site, 11 archaeological complexes were identified and explored, represented by economic pits dating to the XIV–XVI centuries. Despite the well-studied state of the Ajiel beam, these excavations supplemented the history of this micro region of the Kerch Peninsula.

Keywords: Kerch Peninsula, Ajiel Beam, settlement Ajiel Yuzhnoye I, Bronze Age, antiquity, Middle Ages, Crimean Khanate.

В августе-сентябре 2020 г. Южно-Боспорской экспедицией Института археологии Крыма РАН проводились охранные археологические раскопки поселения Аджиэль Южное I, расположенного на территории Чистопольского сельского поселения Ленинского района Республики Крым.

Объект находится на береговом мысу северного русла Аджиэльского ручья у искусственной запруды (Рис. 1). Южная часть поселения примыкает к пойменным террасам и отделена от них невысоким крутым склоном. С восточной части мыс образован петлеобразным изгибом меандрирующего русла ручья, которое проточило в толще глины, слагающей мыс, высокий обрыв, до 6–8 м. С западной части поселение ограничено водосборной балкой, текущей с северо-востока и впадающей в ручей глубоким устьем в виде оврага. Верхняя часть балки в настоящее время распахана. С напольной части поселение открыто, следов земляных укреплений (рва, вала) на пашне не обнаружено.

Аджиэльская балка археологически изучена достаточно полно [3, с. 165–172; 4, с. 110–136; 17, с. 25–32], а материалы исследований опубликованы монографически [6]. Кроме результатов обследований, включающих таблицы с координатами обнаруженных объектов, и отдельных находок, подробно рассмотрены сведения о рельефе, климате, геолого-почвен-

ных условиях, сельскохозяйственном потенциале её местности. В частности, изучение карт XVIII–XIX вв. показало, что после присоединения Крыма к Российской империи в конце XVIII в. в этой местности существовало не менее четырёх значимых поселений. На приведённой авторами карте археологических памятников Аджиэльской балки [5, с. 176, рис. 1] в квадрате 2476, на месте расположения поселения Аджиэль Южное I, отмечено наличие подъёмного материала позднесредневекового времени.

Поселение Аджиэль Южное I, как и поселения Аджиэль II и Аджиэль III, было выявлено в ходе проведения экспедицией ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» археологических полевых работ в октябре 2017 года. Тогда же методом шурфов определены и его примерные границы (Рис. 2, 1).

В 2019–2020 гг. раскопки античных сельских поселений Аджиэль II и Аджиэль III, расположенных поблизости друг от друга на северном склоне Аджиэльской балки, были проведены Восточно-Крымской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством А. А. Супренкова. На исследованных 3200 кв. м стратиграфические напластования, как и в случае рассматриваемого поселения, не превышали 1 м. На поселении Аджиэль III были зафиксированы наиболее мощные напла-

стования эпохи бронзы, а на поселении Аджиэль II — представительная коллекция профильных фрагментов амфор IV–III вв. до н. э. разных центров производства. Синхронный амфорный материал присутствовал и на поселении Аджиэль III [14, с. 136–137].

На площади исследуемого участка поселения Аджиэль Южное I в его южной прибалочной части по линии направления водовода с северо-запада на юго-восток был заложен раскоп, разбитый в единой сетке квадратов со сторонами 5 x 5 м. Длина раскопа в направлении запад-восток составила 370 м, а его ширина в направлении северо-восток – юго-запад от 10 до 15 м. Общая площадь раскопа составила 4400 кв. м (Рис. 2, 2).

Буквами обозначались линии квадратов: 1А (кв. 40–68), А (кв. 1–74), Б (кв. 1–74). Линия 1А прирезана к основной линии раскопа в его северо-восточной и восточной части ввиду того, что в кв. 40 был обнаружен сохранившийся культурный слой поселения в виде развешанных зольных куч, содержащих археологический материал, а также комплекс хозяйственных ям, выявленных на участке квадратов 48–65.

Важнейшее значение для правильного понимания памятника имеют стратиграфические данные. Остановимся на их характеристике подробнее. Стратиграфическая картина на участках квадратов 1–46 до скопления хозяйственных ям была следующая. Под дерново-гумусным слоем тёмно-коричневого цвета залегал слой слабогумусированного суглинка коричневого оттенка, толщиной до 0,18 м, иногда приобретающего тёмный чёрно-коричневый цвет в квадратах 17–22. Периодически в нём фиксировались воронки от снарядов. На линии квадратов 36–40 под слоем гумуса прослежены линзы слоя золистого грунта серого цвета с рыхлой пепельной структурой, являющиеся для этого памятника культурным слоем. Здесь зафиксированы одновременные единичные археологические находки. Ниже по всей площади, прослежен слой суглинка светло-коричневого оттенка с редкими включениями

карбонатных частиц. Под ним в квадрате Б1 зафиксирована линза суглинка светлого серо-коричневого оттенка, связанная со степными пожарами и накоплением золы на склоне балки. Ниже прослежен слой предматерикового суглинка с включением карбонатных частиц. Археологическим материком в границах блока квадратов является плотный суглинок жёлтого цвета.

Стратиграфия на участке квадратов 47–70, т. е. на месте хозяйственных ям, принципиально не отличается от вышеописанной (Рис. 3). Под дерново-гумусным слоем на сей раз не в виде линз, а в виде рыхлой тонкой прослойки залегал слой золистого грунта серого цвета с рыхлой пепельной структурой со значительно большим количеством фрагментов разновременной, в основном позднесредневековой керамики. Толщина слоя варьировалась от 0,06 м до 0,2 м. Ниже располагался слой гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка с единичными разновременными фрагментами керамики, но преобладают находки античного времени и эпохи бронзы. Его подстилал слой предматерикового суглинка с включением карбонатных частиц. Следует отметить, что местами он вклинивается в слой гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка, что, возможно, связано со строительными работами средневекового времени. Археологическим материком квадратов также являлся плотный суглинок жёлтого цвета.

Стратиграфия на участке квадратов 71–74 отличается от той, которая отмечена для центральной части поселения. Под дерново-гумусным слоем толщиной от 0,08 м до 0,13 м были отмечены только локальные линзы слоя золистого грунта серого цвета с рыхлой пепельной структурой. Слой гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка в виде продолжающейся стабильной прослойки прослежен по всей площади квадратов, иногда прямо под слоем дёрна. Он относительно плавно переходит в слой гумусированного овражно-балочного суглинка. Подошвой слоя является

слабовыраженный горизонт предматерикового и материкового суглинка.

Археологические объекты, обнаруженные на раскопе, представлены 11 хозяйственными ямами, выявленными на уровне нижней части слоя гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка по пятну золистого грунта. Представим их короткую характеристику.

Хозяйственная яма № 1 зафиксирована в квадрате 48. Горловина ямы была заполнена золистым грунтом, а её нижняя часть — гумусированным суглинком. Яма в разрезе имеет цилиндрическую форму (Рис. 4, 1). Из заполнения происходит 12 мелких фрагментов сосудов XVI–XVII вв. и кости животных.

Хозяйственная яма № 2 зафиксирована в квадрате 53. Заполнена золистым грунтом. В разрезе имеет колбовидную форму (Рис. 4, 2). Из ямы происходит более 50 фрагментов костей мелких рогатых животных и собак.

Хозяйственная яма № 3 зафиксирована в квадрате 59. Сохранилась частично. Заполнена золистым грунтом. В разрезе имеет колбовидную форму. Из заполнения происходит 9 мелких фрагментов сосудов XVI–XVII вв. и 6 фрагментов костей мелких рогатых животных.

Хозяйственная яма № 4 зафиксирована в квадрате 60. Заполнена золистым грунтом и наброской необработанных известняковых камней. Яма в разрезе имеет колбовидную форму (Рис. 4, 4). Из ямы происходит 13 мелких фрагментов сосудов XVI–XVII вв., куски шлака металлообрабатывающего производства и около 40 фрагментов костей крупных и мелких рогатых животных.

Хозяйственная яма № 5 зафиксирована в квадрате 48. Верхняя часть ямы была заполнена золистым грунтом и наброской необработанных известняковых камней. Нижняя часть заполнена гумусированным суглинком. Яма в разрезе имеет колоколовидную форму (Рис. 4, 3). Из ямы происходит 5 фрагментов хиосских с прямым горлом и гераклейских амфор IV в. до н. э., 2 фрагмента столовых кувшинов XVI–XVII вв. и 4 фрагмента костей мелких рогатых животных.

Хозяйственная яма № 6 зафиксирована в квадрате 52. Заполнена золистым грунтом сверху и гумусированным суглинком снизу. Яма в разрезе имеет колоколовидную форму (Рис. 4, 5). Из ямы происходит 5 мелких фрагментов стенок сосудов XVI–XVII вв. и 10 фрагментов костей мелких рогатых животных.

Хозяйственная яма № 7 зафиксирована в том же квадрате к северо-востоку от предыдущей. Заполнена золистым грунтом и мелкими необработанными известняковыми камнями сверху и гумусированным суглинком внизу. Яма в разрезе имеет колоколовидную форму (Рис. 5, 5). Из ямы происходит 2 мелких фрагмента сосудов XVI–XVII вв., фрагмент края медного котла с двумя отверстиями для ручки и 5 фрагментов костей мелких рогатых животных.

Хозяйственная яма № 8 зафиксирована в квадрате 60 между ямами 3 и 4. Она оказалась заполненной золистым грунтом и необработанными известняковыми камнями средних размеров. Горловина ямы была забита необработанным камнем. В разрезе имеет колоколовидную форму (Рис. 5, 1). Археологический материал не обнаружен.

Хозяйственная яма № 9 зафиксирована в квадрате 63. Была заполнена подзолистым грунтом серо-коричневого оттенка. В разрезе имеет колоколовидную форму (Рис. 5, 2). Из ямы происходит 4 мелких фрагмента сосудов XVI–XVII вв. и 8 фрагментов костей крупных и мелких рогатых животных.

Хозяйственная яма № 10 зафиксирована в квадрате 65. Была заполнена слабо гумусированным грунтом тёмно-коричневого оттенка. В разрезе имеет цилиндрическую форму (Рис. 5, 3). Археологический материал не обнаружен.

Хозяйственная яма № 11 зафиксирована в квадрате 64. Была заполнена слабо гумусированным грунтом тёмно-коричневого оттенка. В разрезе имеет цилиндрическую форму (Рис. 5, 4). Археологический материал не обнаружен.

Исходя из археологического материала и данных стратиграфии, совершенно очевидно, что все ямы относятся к ос-

новному позднесредневековому периоду истории поселения Аджиэль Южное I.

Ввиду того, что археологический раскоп располагался на южной периферии поселения, археологический материал, полученный в ходе исследований, достаточно малочисленен и сильно фрагментирован. Тем не менее, он позволяет говорить о нескольких периодах в истории поселения Аджиэль Южное I. Рассмотрим находки во всех стратиграфических горизонтах, относимые к этим периодам, двигаясь от наиболее позднего, основного, к наиболее ранним этапам.

Так, в слое дёрна обнаружены мелкие фрагменты оранжевоглиняных хозяйственных и тарных кувшинов, определить типологическую принадлежность которых затруднительно. Исходя из отсутствия аналогий в керамическом комплексе восточного Крыма золотоордынского и генуэзского времени, их хронологические рамки бытования могут быть определены, как XVI–XVII вв. Упомянем находки мелких фрагментов медных и свинцовых пластин, свинцовой пломбы, а также обнаруженных в квадратах 47–49 двух кованных железных гвоздей и железного ножа (Рис. 6, 17, 19). Основная масса находок этого периода, как уже упоминалось, найдена в слое золистого грунта на участке квадратов 48–65. Это также подавляющее большинство мелких фрагментов коричнево- и красноглиняных кувшинов. Выделим фрагменты венчиков (Рис. 6, 3–7) от морфологически разных сосудов и фрагменты плоских (Рис. 6, 8, 9, 11–14) и плиточных донышек (Рис. 6, 10, 14, 15). Небольшой процент керамических находок составляют фрагменты столовых сосудов под тонким слоем поливы зелёного цвета. Из-за небольшого размера соотнести их с конкретным типом изделия затруднительно. Двумя фрагментами стенок со следами копти представлены красноглиняные кастрюли. К индивидуальным находкам можно отнести заготовку для ручки из кости животного (Рис. 6, 16), кремнёвое кресало из вторично использованного скребка на сработанном нуклеусе (Рис. 7, 3), мед-

ную плоскую заплатку с укрепленной заклёпкой и бронзовый перстень с небольшой конической литой жуковиной (Рис. 7, 13). Последний, также, к сожалению, имеет широкие хронологические рамки бытования. В подстилающем золистом слое горизонте гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка находок данного последнего периода в истории поселения обнаружено значительно меньше. Это только несколько фрагментов стенок красно- и оранжевоглиняных тарных кувшинов, единичные фрагменты красноглиняной поливной керамики, кольцевой поддон от крупного тарного кувшина (Рис. 6, 18) и бронзовая пластина со сквозным отверстием.

Несмотря на то, что подавляющее большинство находок датируется позднесредневековым и новым временем, есть основания утверждать, что поселение Аджиэль Южное I существует и в золотоордынское время. Помимо отдельных фрагментов стенок кухонных и столовых поливных сосудов, которые, возможно, относятся ко второй половине XIV – первой половине XV вв., это венчик кухонного горшка с воронковидным горлом и плоской ручкой, отходящей от его края (Рис. 6, 1). Такие горшки, относимые к типу 1.1 [15, с. 182, рис. 4, 1.1] керамики группы юго-западный Крым, — отличительная особенность керамического комплекса не только юго-западной, но и всей Таврики середины – второй половины XV в.

О долговременности существования жизни на месте поселения Аджиэль Южное I в средневековое время свидетельствует и найденный в слое золистого суглинка анэпиграфный пул с восьмилепестковой розеткой, лучи которой по центру подчёркнуты штрихами и шестилучевой звездой с розеткой в центре (Рис. 6, 2). Эти пулы достаточно хорошо известны на полуострове, выделены в отдельный тип [9, М.66] и продатированы 1330-ми гг., хотя встречаются вплоть до первой половины 1380-х гг. [11, с. 147, рис. 2, 4в]. Не исключена их чеканка и в Анатолии, о чём свидетельствуют типологически близкие анэпиграфные типы

пулов Анатолийского бейлика Ментеше [8, с. 84, табл. VI, 68].

Несомненный интерес представляет находка свинцовой пломбы, зафиксированная в слое дёрна в квадрате 61 (Рис. 7, 12). Изделие орнаментировано четырёхконечной звездой, сектора между лучами которой разделены на две части и заполнены, как и сами лучи, точками. Эта находка заслуживает особого внимания, поскольку позволяет предполагать наличие на поселении материалов средневизантийского времени. Исходя из современных типологий, эта находка относится к категории втульчатых свинцовых колец [1, с. 294–295, рис. 5, 6]. Основываясь на том, что наиболее массовые находки происходят из подводных исследований в бухтах средневековых городов Крыма, в частности Сугдеи [10, с. 411, рис. 144], использовались они, прежде всего, для пломбирования и опечатывания товарных грузов. На обширные регионы Восточной Европы они попадали в первую очередь вместе с товарами и печатями из портовых городов Таврики. Уже там, иногда, изделия использовались вторично, и в качестве пуговиц, и в качестве прясел [13, с. 158]. Орнаментированные втульчатые кольца, подобные публикуемому, несли и определённую семантическую нагрузку. Коническая форма колец не исключает их использования в вертикальном абаке или других наглядно-инструментальных счётных приспособлениях средневековья. В этом случае точки и штрихи, обнаруживаемые на отдельных кольцах, могли использоваться для подсчётов. Датировать эти предметы тяжело. Древнерусские северные [13, с. 157, рис. 62, 18–32; 2, с. 190, 192, рис. 98, 108, 138] и южные [12, с. 131, рис. 64] аналогии, так же, как и находки в женских печенежских погребениях [16, с. 87, рис. 1, 6] и материалах Поволжья [7, с. 90, рис. 10, 3, 4, 17], датируются в рамках X–XIII вв.

Нельзя не отметить и сделанную в слое дёрна находку свинцового грузила в виде астрагала с крупным сквозным отверстием по центру (Рис. 7, 11). Датировать эти изделия тяжело. Можно только отметить, что в наибольшем количестве

в Крыму свинцовые астрагалы, практически копирующие оригиналы, известны благодаря уже упоминавшимся подводным исследованиям в порту Сугдеи [1, с. 308, рис. 16, 20, 21]. Большая часть этих находок датируется периодом расцвета Сугдейского порта во второй половине X – первой половине XIII в. Аджиэльское изделие, более примитивное по способу изготовления, может датироваться и более поздним временем.

Отметим и наличие в слое золистого суглинка на площади квадратов 49–50 фрагмента ручки амфоры причерноморского типа второй половины IX в. (Рис. 7, 9). Учитывая единичные находки в этом и нижележащем слое фрагментов подобных амфор и амфор с МЗР, не исключено существование на месте поселения объекта хазарского времени.

Важно отметить, что к античному периоду относится большее количество археологического материала. Это два фрагмента стенок амфоры Северной Эгеиды (Фасос), а также фрагмент стенки хиосской амфоры IV в. до н. э., происходящие из слоя дёрна. Из слоя золистого грунта происходит 9 фрагментов стенок и ручек хиосских амфор с прямым горлом, а также 8 фрагментов стенок, ручек и ножек (Рис. 7, 10) гераклейских и фассосских амфор. В подстилающем золистом слое горизонта гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка найдены 6 фрагментов стенок и ручек хиосских, гераклейских и фассосских амфор.

Из археологического материала, зафиксированного в дерновом слое, к эпохе бронзы относятся три трудно атрибутируемых мелких фрагмента стенок лепных сосудов, а также скребок или вкладыш на пластине кремня (Рис. 7, 7). В слое золистого суглинка зафиксированы изделия из кремня, представленные резцом с прямой режущей кромкой на клиновидном в сечении отщепе (Рис. 7, 8) и микролитическим орудием на обломке ножевидной пластины (Рис. 7, 6). Здесь же зафиксированы и две стенки лепных сосудов. Основная масса находок, которые можно предварительно отнести к эпохе бронзы, найдена в нижележащем

слое гумусированного суглинка тёмного чёрно-коричневого оттенка. Это скребки на отщепе с треугольного в сечении нуклеуса (Рис. 7, 4) и на сработанном нуклеусе (Рис. 7, 2), орудие на ножевидной пластине, треугольной в сечении (Рис. 7, 1), и отщеп кремня с обработанным краем (Рис. 7, 5). Тем не менее, считать его культурным слоем первоначального поселения эпохи бронзы Аджиэль Южное I пока недостаточно оснований.

Подводя некоторые предварительные итоги, необходимо отметить, что небольшой исследованный периферийный участок поселения Аджиэль Южное I представляет собой однослойный памятник XVI–XVII вв. с отдельными находками от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Находки кремнёвых орудий на ножевидных пластинах и изготовленных из пластин микролитов, обломки кремнёвых нуклеусов и отщепы с них, а также единичные фрагменты лепной керамики говорят о том, что береговой мыс или территория, прилегающая к нему, были уже заселены в эпоху бронзы. Однако без дополнительных раскопок говорить о границах этого поселения, интенсивности жизни на нём и его хронологии преждевременно.

Единичные фрагменты средиземноморских и причерноморских греческих амфор V–IV вв. до н. э. однозначно свидетельствуют и о заселённости определённого участка поселения в античное время. Однако и о нём информации крайне мало.

Ещё меньше аргументов предполагать на месте поселения памятник салтово-маяцкой культуры, хотя сама эта территория посещалась и использовалась в хазарское время, вероятно, в качестве пастбища.

Полученные немногочисленные археологические материалы, позволяют, тем не менее, уверенно утверждать, что

поселение Аджиэль Южное I, как стационарный сельский памятник, возникает ещё в золотоордынское время. Располагался он первоначально на береговом мысе у современной запруды. Судя по всему, его непрерывное существование продолжалось и в период Крымского ханства. Культурный слой поселения зафиксирован на площади до 1,700 кв. м, его мощность составляет от 0,05–0,15 м на периферийных южном и восточном участках — до 0,22 м на северном участке, а в заполнении хозяйственных ям — до 1,5 м.

Состав костных остатков говорит о разведении и преобладании в пищевом рационе населения продуктов пастбищного животноводства (мясо, молочные продукты), получаемых от крупного и мелкого рогатого скота. Встречены кости собаки, кости пресноводных рыб, мелких млекопитающих и птиц, что может говорить об элементах охоты и рыбной ловли в хозяйстве обитателей посёлка. Вопрос о формах земледелия остаётся пока открытым, поскольку не были обнаружены ни сельскохозяйственные орудия, ни приспособления для обработки зерна. Косвенным признаком земледелия могут являться хозяйственные (зерновые) ямы, которые впоследствии были заполнены золой и бытовым мусором. Объём таких ям невелик, что позволяет говорить о том, что земледелие не являлось основным направлением хозяйственной деятельности, а носило вспомогательный характер.

В целом, по итогам спасательных археологических исследований на поселении Аджиэль Южное I, можно сделать ряд важных в научном плане выводов об истории освоения человеком центральных районов Керченского полуострова с древнейших времён, смене археологических культур, этносов, способов и форм хозяйственной деятельности.

Источники и литература

1. Булгаков В. В., Булгакова В. И. Портовый комплекс Сугдеи (по данным морских археологических исследований 2004–2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвящённый 1800-летию города Судака. Археологический альманах. № 28. Донецк, 2012. С. 285–310.
2. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. Москва : Индик, 2004, 592 с.
3. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджиэль в античный период // XVI Боспорские чтения : Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 165–172.
4. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль // БИ. 2016. Вып. 23. С. 110–136.
5. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Урочище Аджиэль в Восточном Крыму на картах XVIII–XX вв. и результаты археологических разведок 2014–2018 гг. // ПИФК. 2019. № 4. С. 173–179.
6. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Культурно-исторический ландшафт Аджиэльской балки в Восточном Крыму (науч. ред. А. А. Масленников). Тула : Аквариус, 2019. 220 с.
7. Иконников Д. С. Хозяйственная деятельность населения Никольского селища XIII–XIV вв. // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Археология евразийских степей. Вып. 11. Казань, 2011. С. 80–97.
8. Кривенко А. В., Гончаров Е. Ю. Восточные монеты XIII – первой четверти XV в. из находок в междуречье Прута и Днестра // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 5. Москва, 2015. С. 64–87.
9. Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. № 2. С. 1–46.
10. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев : Видавель Олег Філюк, 2014. 467 с.
11. Майко В. В., Гончаров Е. Ю. Нумизматический комплекс из раскопок бани средневекового Солхата // ПриПОНТийский меняла : деньги местного рынка. VIII Международный нумизматический симпозиум. Симферополь, 2021. С. 139–148.
12. Петрашенко В. А. Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. Киев : изд-во Института археологии НАНУ, 2005. 264 с.
13. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва : Наука, 1981. 196 с.
14. Столяренко П. Г., Супренков А. А., Топоривская М. А. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в первом полугодии 2020 года // Таврические студии. 2020. № 22. С. 133–140.
15. Тесленко И. Б. Керамика Крыма XV в. Киев : ИА НАН Украины, 2021. 308 с.
16. Шалобудов В. Н. Неопубликованные кочевнические погребения, открытые новостроечными экспедициями ДГУ в 1972–1999 гг. // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2012. С. 86–106.
17. Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Урочище Аджиэль в контексте локальной истории Крымского Приазовья : основные итоги и перспективы исследований // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 6/2. С. 25–32.

Sources and Literature

1. Bulgakov V. V., Bulgakova V. I. Port Complex of Sugdeja (According to Marine Archaeological Research 2004–2005) // Ancient and Medieval Taurika. A Collection of Articles Dedicated to the 1800th Anniversary of the City of Sudak. Archaeological Almanac. Vol. 28. Donetsk, 2012. P. 285–310.
2. Zakharov S. D. Old Russian City of Beloozero. Moscow : Indric Publ., 2004. 592 p.
3. Zubarev V. G., Smekalov S. L., Yartsev S. V. Natural-Geographical Conditions and Landscape Features of the Ajjel Tract in the Ancient Period // XVI Bosphoran Readings : the Cimmerician Bosphorus and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Geographical Environment and Society. Kerch, 2015. P. 165–172.
4. Zubarev V. G., Smekalov S. L., Yartsev S. V. Landscape Geography of Archaeological Sites in the Central Part of the Tract Adjiel // Bosphorus Research. 2016. Vol. 23. P. 110–136.
5. Zubarev V. G., Smekalov S. L., Yartsev S. V. The Tract Adjiel in the Eastern Crimea on Maps of the XVIII–XX Centuries and the Results of Archaeological Exploration 2014–2018 // Problems of the History Philology and Culture. 2019. № 4. P. 173–179.
6. Zubarev V. G., Smekalov S. L., Yartsev S. V. Cultural and Historical Landscape of the Ajjel Beam in the Eastern Crimea (ed. A. A. Maslennikov). Tula : Aquarius Publ., 2019. 220 p.

7. Ikonnikov D. S. Economic Activity of the Population of the Nikolsky Village of the XIII–XIV Centuries // Ural-Volga Region in Ancient Times and the Middle Ages. Archaeology of Eurasian Steppes. Vol. 11. Kazan, 2011. P. 80–97.
8. Krivenko A. V., Goncharov E. Yu. Eastern Coins of the XIII – First Quarter of the XV Century from Finds in the Interfluvium of the Prut and Dniester // Medieval Numismatics of Eastern Europe. Vol. 5. Moscow, 2015. P. 64–87.
9. Lebedev V. P. The Corps of Coins of the Crimea as Part of the Golden Horde (Middle of XIII – Beginning of XV Century) // Bulletin of the Odessa Museum of Numismatics. 2000. Vol. 2. P. 1–46.
10. Maiko V. V. Eastern Crimea in the Second Half of the X–XII Century. Kiev : Oleg Filiuk Publ., 2014. 467 p.
11. Maiko V. V., Goncharov E. Yu. Numismatic Complex from Excavations of the Bath of Medieval Solkhat // PriPONTic Changed : Local Market Money. VIII International Numismatic Symposium. Simferopol : Arial Publ., 2021. P. 139–148.
12. Petrashenko V. A. Old Russian Village Based on the Materials of Settlements near the Village Grigorovka. Kiev : Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2005. 264 p.
13. Sedova M. V. Jewelry of Ancient Novgorod (X–XV Centuries). Moscow : Nauka Publ., 1981. 196 p.
14. Stolyarenko P. G., Suprenkov A. A., Toporivskaya M. A. Work of the Eastern-Crimean Archaeological Expedition in the First Half of 2020 // Tauride Studios. 2020. Vol. 22. P. 133–140.
15. Teslenko I. B. Ceramics of Crimea of the 15th Century. Kiev : IA NAS of Ukraine Publ., 2021. 308 p.
16. Shalobudov V. N. The Unpublished Nomad Burials Opened by Security Expeditions of Donetsk State University in 1972–1999 // Problems of Archeology of the Dnieper Region. Dnipropetrovsk, 2012. P. 86–106.
17. Yartsev S. V., Zubarev V. G., Smekalov S. L., Tract Adjiel in the Context of the Local History of the Crimean Azov Region : the Main Results and Research Prospects // Historical and Socio-educational Thought. 2018. Vol. 10. № 6/2. P. 25–32.

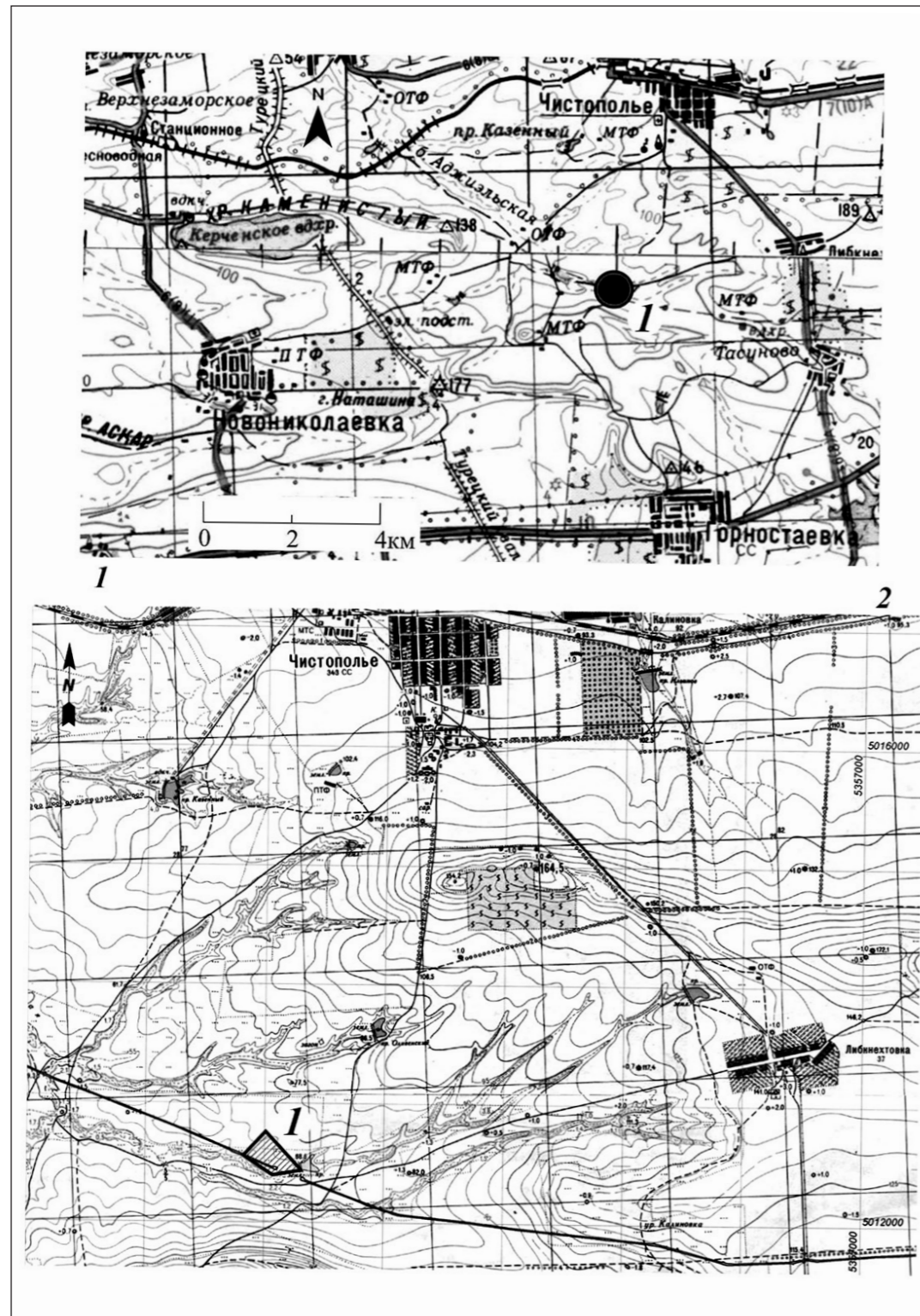

Рис. 1. Месторасположение поселения Аджиэль Южное I.
1 – поселение Аджиэль Южное I

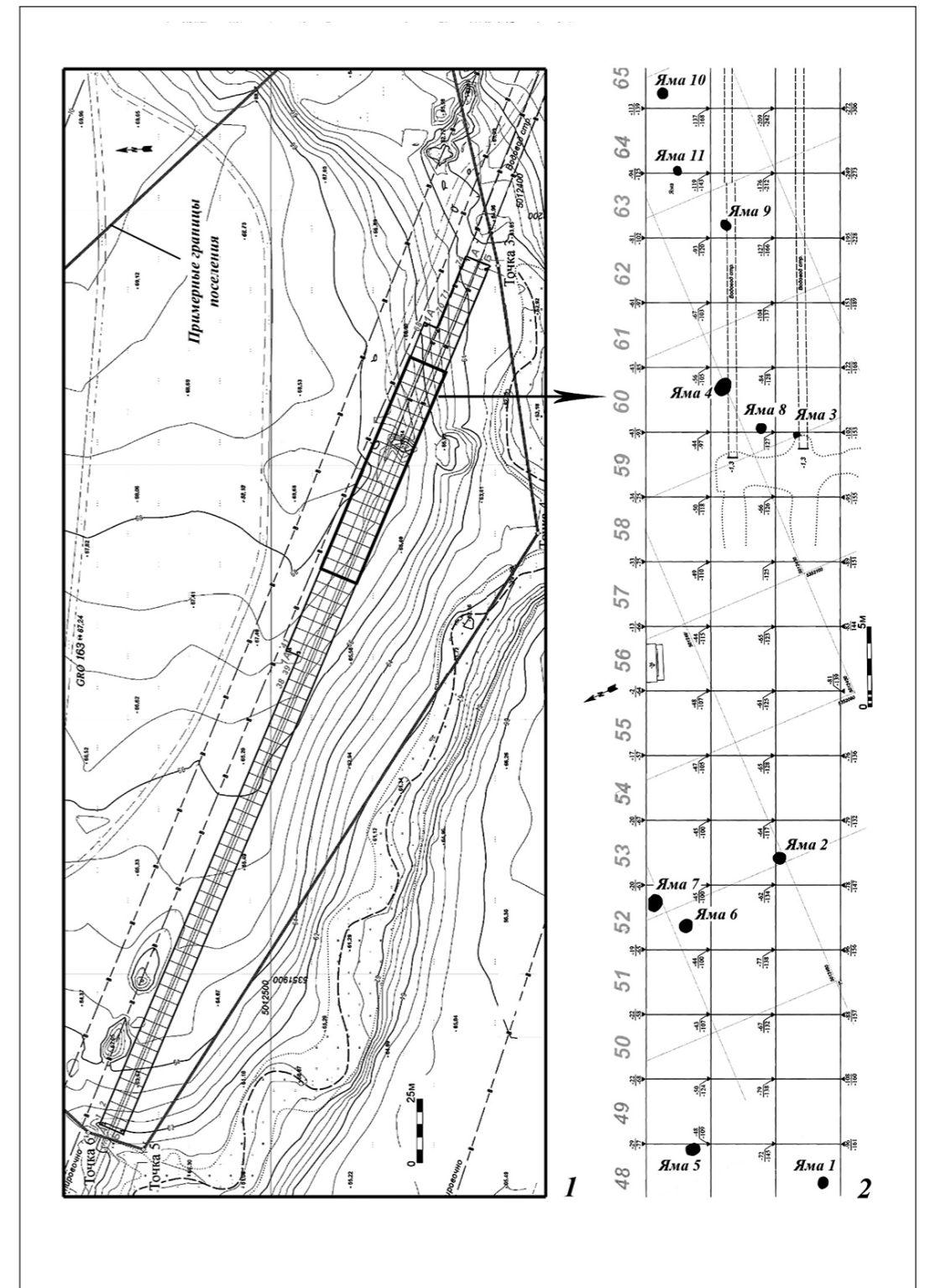

Рис. 2. Границы поселения Аджиэль Южное I и план раскопа на участке квадратов 48–65.
1 – границы поселения; 2 – план раскопа

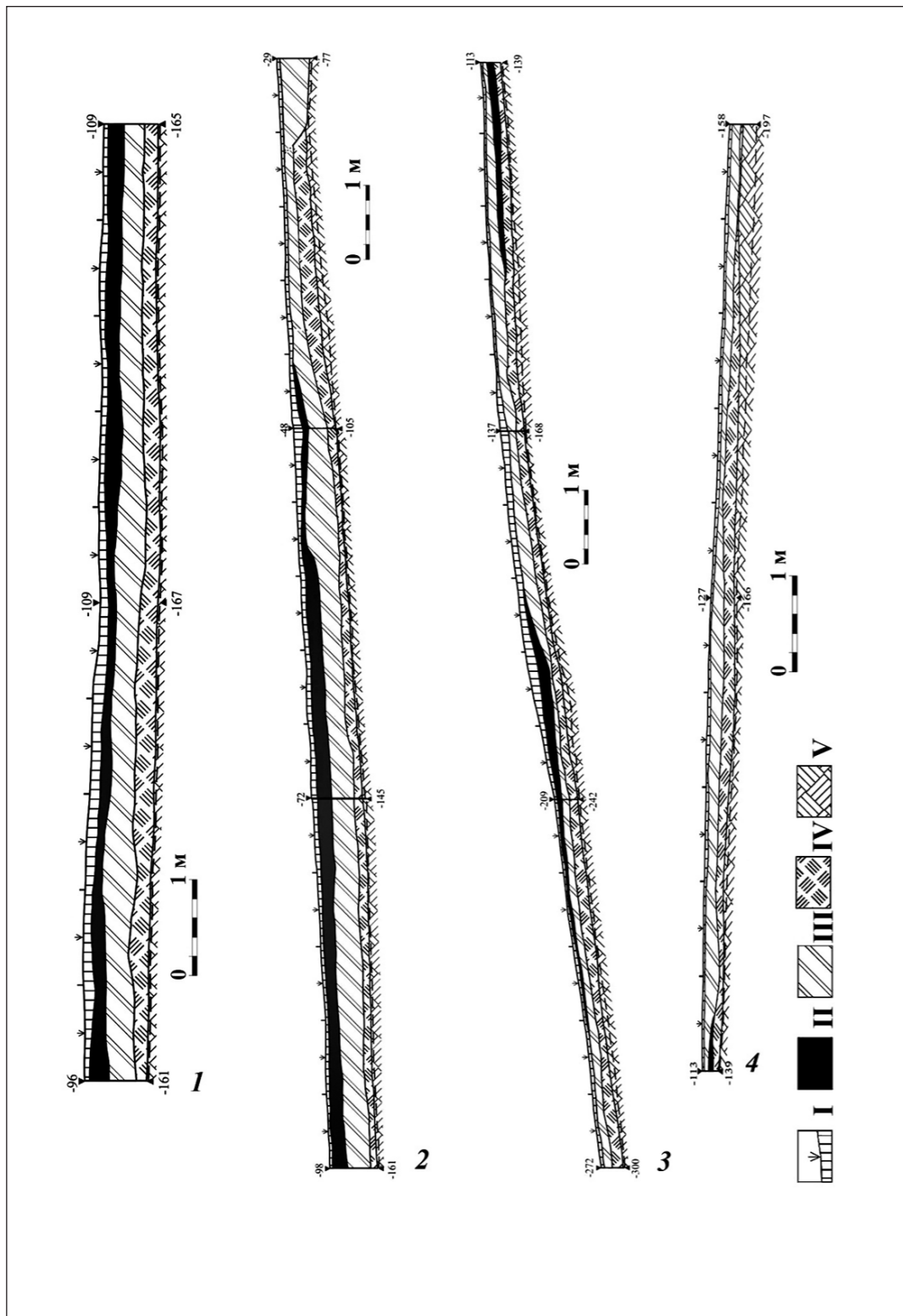

Рис. 3. Стратиграфии раскопа поселения Аджизель Южное I.
 1 – юго-западный борт на участке квадратов Б47–48;
 2, 3 – северо-западный борт на участке квадратов 49 и 65;
 4 – северо-восточный борт на участке квадратов 1А65–66.
 I – дерн; II – золистый суглинок; III – гумусированный суглинок;
 IV – предматериковый суглинок; V – материк

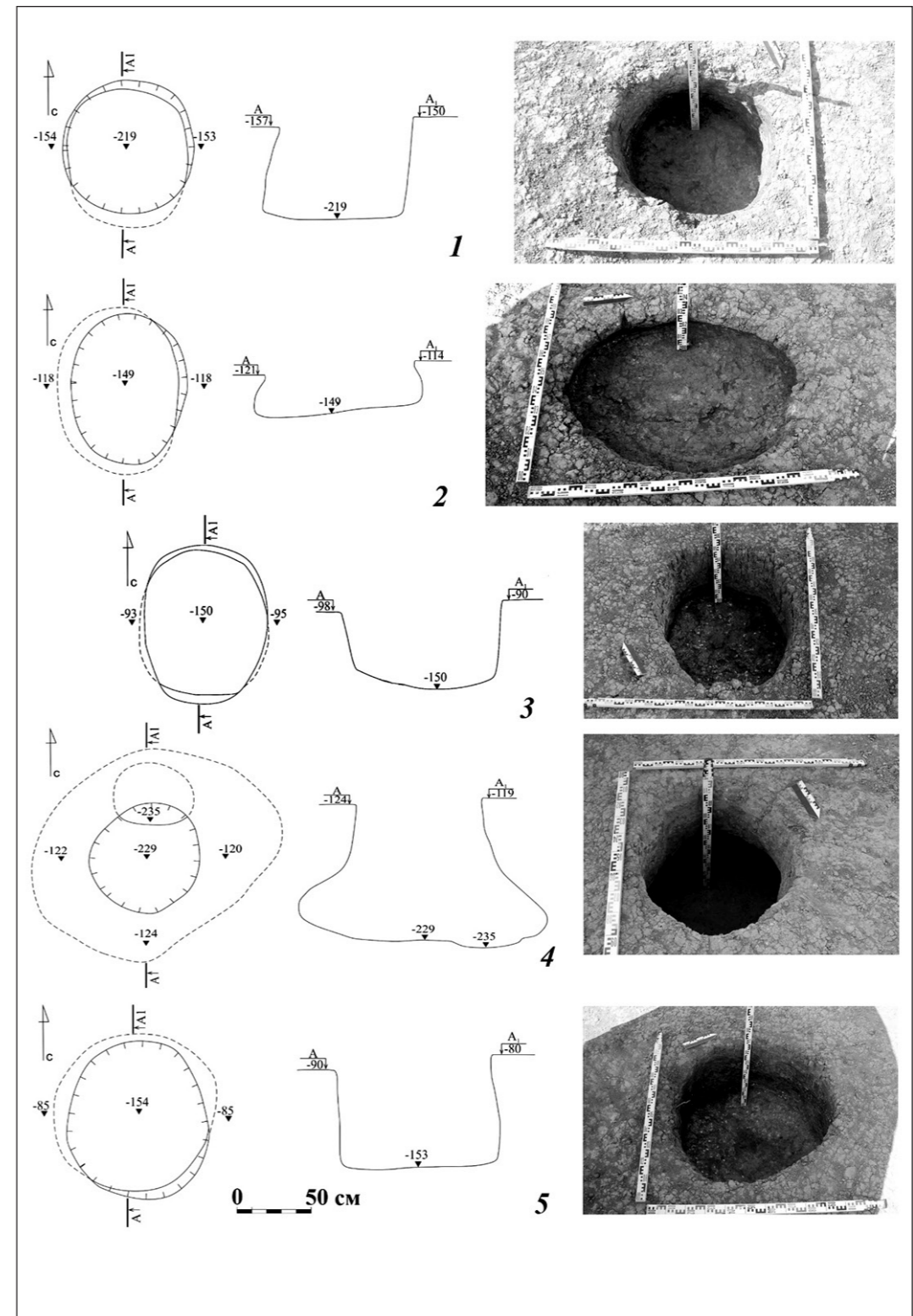

Рис. 4. Хозяйственные ямы поселения Аджизель Южное I.
 1 – яма 1; 2 – яма 2; 3 – яма 5; 4 – яма 4; 5 – яма 6

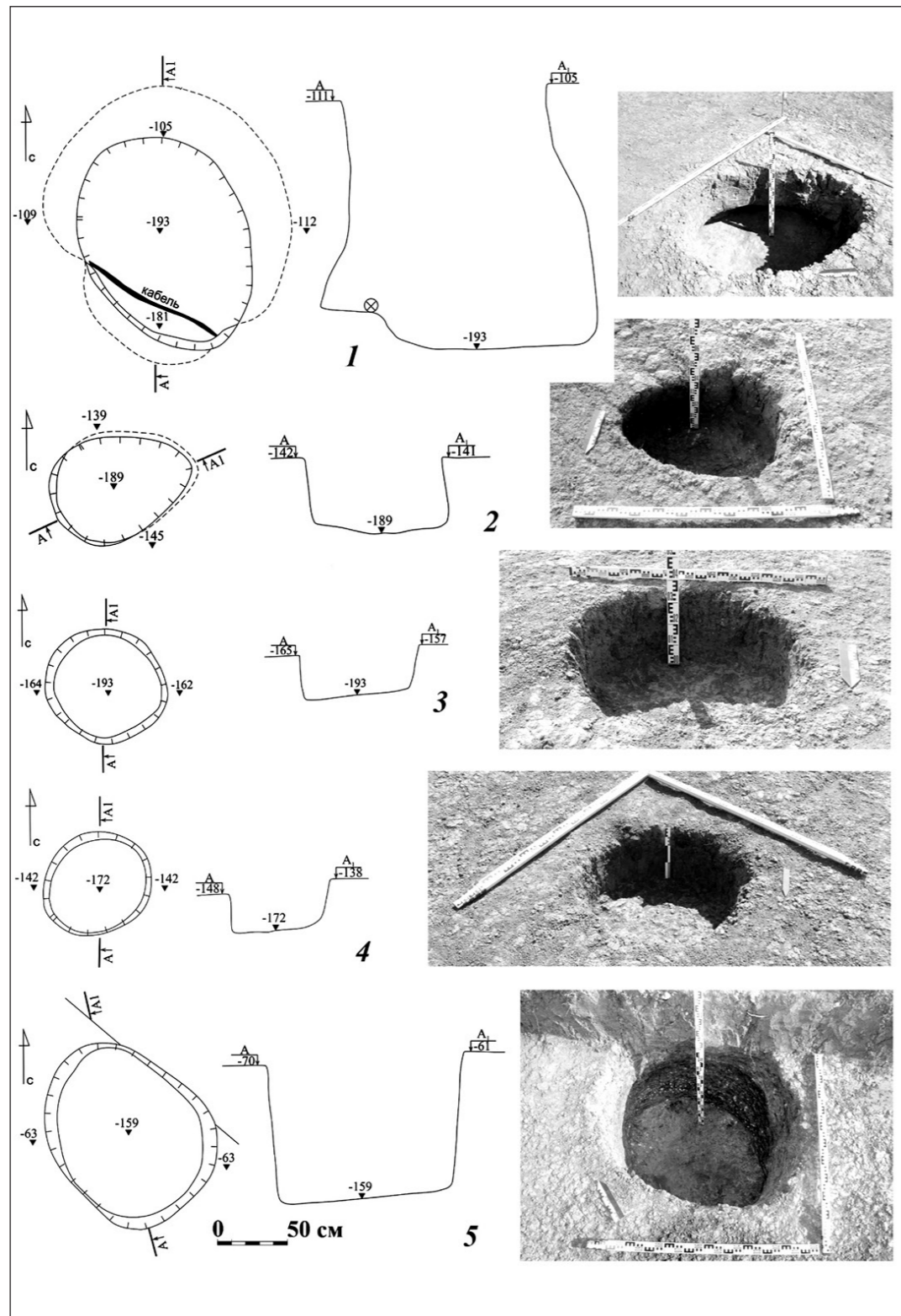

Рис. 5. Хозяйственные ямы поселения Аджиэль Южное I.
1 – яма 8; 2 – яма 9; 3 – яма 10; 4 – яма 11; 5 – яма 7

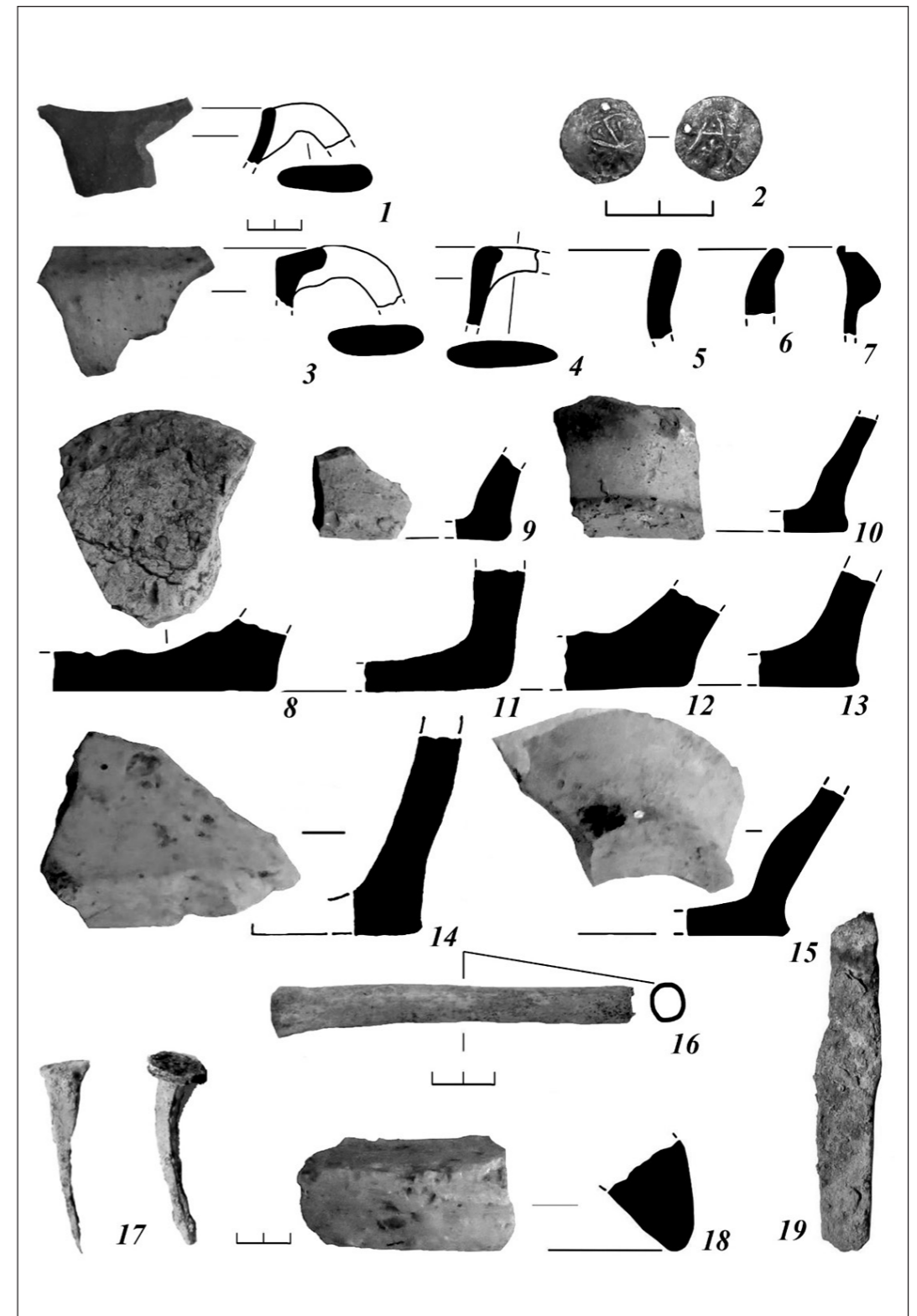

Рис. 6. Археологический материал золотоордынского и позднесредневекового времени поселения Аджиэль Южное I.
1–16 – золистый суглинок; 17, 19 – дёрн, квадраты 47–49; 18 – гумусированный суглинок, квадраты 65–66

Ирина Викторовна Рукавишникова,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
ФГБУН «Институт археологии РАН»
(г. Москва)

Денис Владиславович Бейлин,
научный сотрудник
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(г. Симферополь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРВОЙ НАСЫПИ КУРГАНА «ГОСПИТАЛЬНЫЙ»

Аннотация: статья посвящена выявленному под насыпью элитного кургана «Госпитальный» первоначальному кургану и археологическим объектам, которые относятся к нему. Полное исследование всей насыпи кургана «Госпитальный» позволило выявить этапы формирования. Время возведения насыпи — третья четверть IV в. до н. э.

Ключевые слова: Древний Боспор, курган, погребение, тризна, чернолаковые сосуды.

Irina Viktorovna Rukavishnikova,
Candidate of Historical Sciences, A Researcher
FSBIS «Institute of Archeology of the RAS»
(Moscow)

Denis Vladislavovich Beylin,
A Researcher
FSBIS «Institute of Archeology of the Crimea of the RAS»

ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF THE FIRST BILL OF THE BURIAL MOUND «HOSPITAL'NY»

Annotation: the article is devoted to the original burial mound discovered under the embankment of the elite mound «Hospital'ny» and the archaeological objects that relate to it. A complete study of the entire embankment of the mound «Hospital'ny» made it possible to identify the stages of the formation. The embankment was erected in the third quarter of the 4th century BC.

Keywords: Ancient Bosphorus, burial mound, burial, funeral feast, black-glazed vessels.

Большие насыпи древних курганов не всегда являются единым архитектурным комплексом над погребением. Исследуя всю насыпь последовательно, можно выявить основные этапы и проследить историю её сооружения. Земляные насыпи как каменные, так и каменно-земляные, сооружались строителями поэтапно, по определённому алгоритму и замыслу. Многие насыпи возводились одновременно, перекрывая погребения родственников и формируя, таким образом, единый комплекс кургана. Зача-

стую насыпи древних курганов использовались для погребений в последующие периоды. Часть курганных насыпей возводилась по единому замыслу и плану от начала до конца строительных работ, связанных с сооружением и перекрытием одного погребального сооружения.

Так, в результате археологических раскопок и стратиграфических исследований насыпи элитного Боспорского кургана «Госпитальный» [1, с. 151], удалось выявить два этапа в формировании этого комплекса, относящегося к

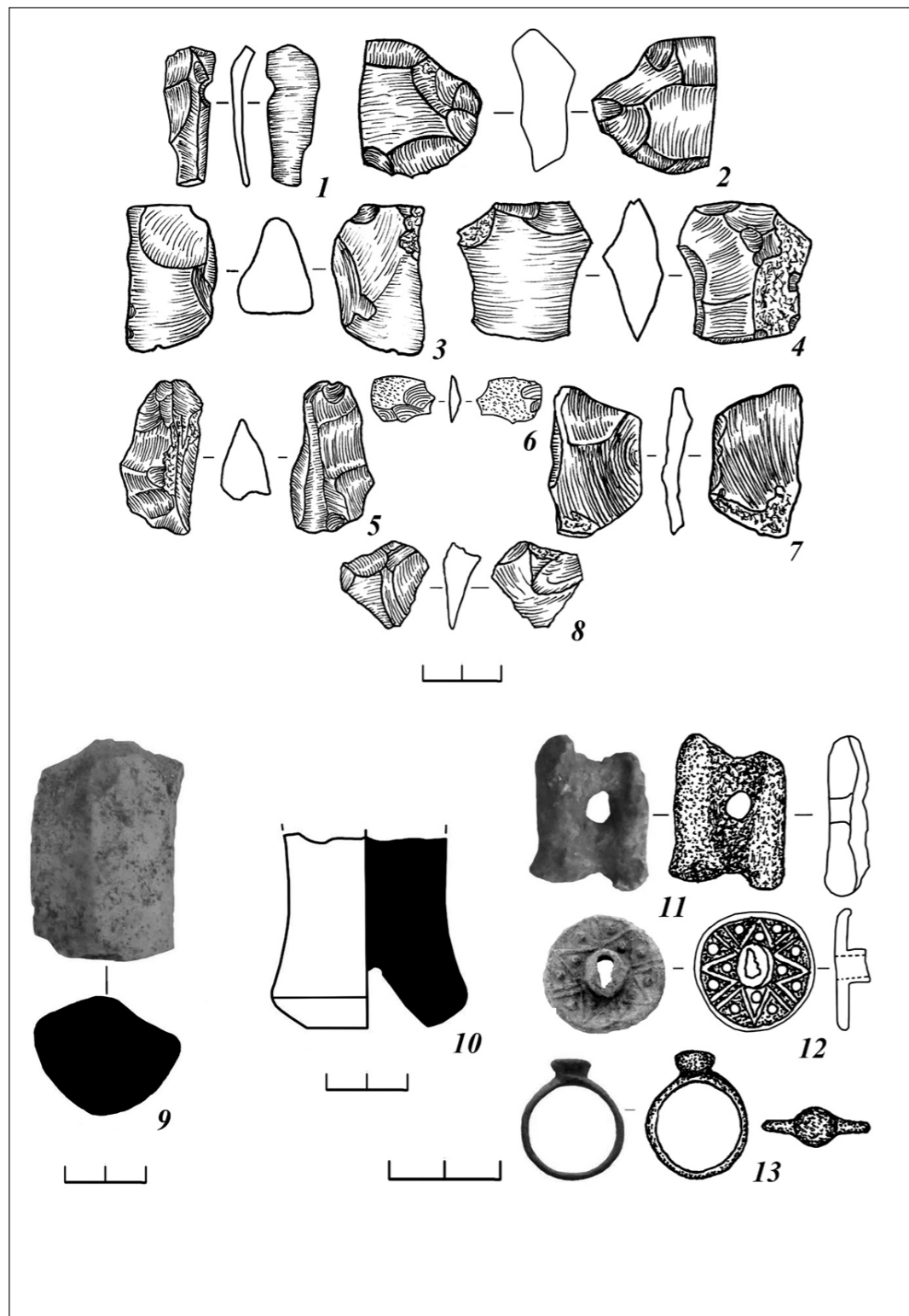

Рис. 7. Археологический материал эпохи бронзы, античного и хазарского времени поселения Аджиэль Южное I.

1, 2, 4, 5 – гумусированный суглинок; 3, 6, 8 – золистый суглинок;
9, 10, 13 – золистый суглинок; 7, 11, 12 – дёрн

расцвету Боспорского царства. В основе своей курган с грандиозным наземным склепом был возведён над небольшой насыпью другого кургана, сооружённого на несколько десятилетий ранее.

Первая насыпь перекрывала два погребения в каменных ящиках первой трети IV в. до н. э. С этими погребениями были связаны многочисленные тризны и каменные эсхары. Одна из них была с двумя отверстиями, что свидетельствует о предназначении её для двух захоронений. Через десятилетия был построен монументальный уступчатый склеп, дата сооружения которого — конец IV в. до н. э.

Реконструируя этапность сооружения насыпей и погребальных комплексов, удалось установить следующее:

- На выровненном участке природного холма была возведена первичная насыпь, курган № 1, над погребениями в каменных ящиках, перекрытых плитами. Обе гробницы располагались рядом друг с другом на одном уровне, ориентированы продольными сторонами по линии запад – восток. С основными погребениями связаны несколько кострищ и костровых ям — тризны с многочисленными фрагментами чернолаковых сосудов, амфор, игральных костей, а также частей терракот и костями животных. Первая насыпь имела однородный характер и состояла из коричневого суглинка с небольшими прослойками гумусированного тёмно-коричневого суглинка. Её сохранившаяся высота, прослеженная по стратиграфическому профилю, составляла порядка двух метров, а диаметр — около 19 м.

- Через непродолжительное время к насыпи первоначального кургана, основательно подрезанной с юго-востока, был пристроен ещё один комплекс сооружений — это каменный склеп с уступчатым сводом и длинным дромосом. Он возводился одновременно с новой насыпью кургана № 2, которая была сформирована над всей постройкой.

В сохранившемся погребении первого кургана в каменном ящике на раздавленном, фрагментированном от времени и разрушения деревянном саркофаге был

найден сильно повреждённый, фрагментированный и деформированный скелет ребёнка-подростка. Предметы погребального обряда и фрагменты костей человека были найдены среди деревянных деталей разрушенного саркофага. При анализе различных деревянных фрагментов удалось выяснить, что он был сделан из таких пород, как ясень, тис и вяз. Саркофаг представлял собой прямоугольный ящик с плоской крышкой на ножках, тип 1 по Н. И. Сокольскому [3, с. 18], и аналогичен по конструкции саркофагу, найденному в 1954 г. в кургане по ул. Широкой в г. Керчи. Снаружи он был украшен гипсовыми розетками, точёными деталями и покрыт деревянным шпоном. В отличие от саркофага с ул. Широкой, здесь были использованы металлические скрепляющие детали. Из сопровождающих погребение предметов выделяется краснофигурная пелика «керченского стиля» [4, с. 153]. Также среди предметов погребального обряда найдены многочисленные алабастры, в том числе и керамический, а также набор игральных костей и железный стригиль.

Погребение, расположенное рядом, совершенно в аналогичном каменном ящике, сложенном из хорошо обработанных известняковых плит и впущенном в материковый суглинок. В нём был погребён мужчина 35 лет в деревянном саркофаге с алабастрами. О погребённом человеке и погребальном инвентаре свидетельствуют, помимо костных останков, найденные деревянные детали саркофага и фрагменты его гипсовых украшений, окрашенных в розовый цвет, а также фрагменты алабастра. Погребение было частично разрушено и полностью ограблено в новое время. Оба погребения могут датироваться серединой – третьей четвертью IV в. до н. э.

Как упоминалось выше, при исследовании насыпи кургана № 2 в центральных секторах были выявлены археологические комплексы, относящиеся к этим двум погребениям и насыпи кургана № 1.

Так, вокруг кургана № 1 с севера, юга и запада *in situ* на уровне древней дневной поверхности были открыты камен-

ные жертвенники-алтари (эсхары). Две эсхары квадратные в плане, одна же — прямоугольная двухчастная плита. Ориентированные они по сторонам света, с квадратными отверстиями в центре для возлияний. В южном и северном алтарях эти отверстия были закрыты известняковыми каменными «крышками». У северной эсхары найден разбитый кратер с краснофигурной росписью — сценой танцующих менад и сатиров (по сюжету и стилю изображение близко мастеру «*Retorted Painter*» первой трети IV в. до н. э.) [6, p. 169, fig. 343]. В разломах двухчастной эсхары расчищены фрагментированные сетчатые лекифы, а возле неё находились развалы двух фассосских амфор и трёх красноглиняных ойнохой. Алтарь был расколот и сдвинут. Он установлен на небольшой подсыпке над древним почвенным слоем в 22 м к западу от центра кургана.

На уровне древней дневной поверхности вокруг насыпи № 1 были зафиксированы различные комплексы. В южной, западной и северо-западной её полах обнаружены пятна и ямы восьми поминальных комплексов. Кострища были устроены в неглубоких продолговатых ямах разного размера и конфигурации. В их заполнении и вокруг них, помимо золы и спёкшегося грунта, найдены многочисленные обломки красноглиняных ойнохой, кувшинов, чернолаковых открытых сосудов (миски, солонки, килики, канфары), краснофигурных расписных сосудов (ойнохой, аски, лекифы), алабастров, терракот, астрагалов и амфор. В одном из таких комплексов были обнаружены фрагменты дисковидных гипсовых фишек. На донцах некоторых изделий встречаются графито. Повсеместно фиксировались многочисленные кальцинированные кости животных и птиц. Следов разделки животных перед сожжением не фиксируется — нет разубов позвонков или костей конечностей. Специфичная неполная сохранность различных частей скелетов животных связана, по нашей реконструкции, с воздействием высокой температуры. Важно зафиксировать, что огненный ри-

туал в очагах первоначальной насыпи не был единоактным действием, но эпизодически возобновлялся.

Основную массу керамики, представленной в поминальных и погребальных комплексах, составляли чернолаковые и краснофигурные сосуды [5, с. 445]. Весь объём включал в себя более чем 130 краснофигурных и чернолаковых сосудов и их фрагментов. Это были традиционно встречающиеся в погребальных комплексах столовая посуда и миниатюрные сосуды для масла [2, с. 5]. Среди столовой посуды выделяются сосуды для питья: вина и воды. Хронологический разброс этих сосудов — конец V – середина/третья четверть IV вв. до н. э.

Тризовые комплексы.

Один из комплексов, иллюстрация которого приведена после текста, был расположен к югу в 8 м от центра кургана рядом с южным алтарём-эсхарой и представлял собой углублённое на 0,13 м с уровня погребённой почвы зольное пятно очага с выявленным ниже прокалом. Здесь обнаружены мелкие кальцинированные кости животных, а также разбитые — непосредственно на этом месте — сосуды и фрагменты терракотовых статуэток. Сосуды представлены красноглиняным миниатюрным кувшином, фрагментом красноглиняной ойнохой, краснофигурной ойнохоей, двумя лекифами, одноручной чашей, чернолаковым рыбным блюдом, двумя чернолаковыми мисками, шестью солонками, канфаром, краснофигурным аском (14 целых сосудов). Одна из солонок значительно отличается от остальных, в первую очередь, низким поддоном с желобком на подошве и краем венчика, украшенным штампованными пальметтами. На дне графито в виде: NAM<O> [7, № 934]. Фрагменты терракотовых статуэток представляют собой протому Деметры и обломок в виде стержня. Материал датируется в совокупности первой третью – серединой IV в. до н. э.

Следующий комплекс представляет собой обширное подовальное в плане пятно золистого суглинка, зачищенное на уровне погребённой почвы в 7 м к

северо-востоку от северного каменного ящика погребения под насыпью первоначального кургана № 1. В его заполнении найдены многочисленные мелкие фрагменты чернолаковых миниатюрных сосудов, раздавленных алабастров, кальцинированные кости животных, в том числе и астрагалы.

Все предметы, найденные в этом комплексе, были разбиты на мелкие фрагменты. Среди фрагментов керамики найдены: два бронзовых предмета в виде скрученных из прямоугольной в сечении проволоки, фрагменты железных гвоздя и ножа. Большинство фрагментов керамики принадлежало развалам как минимум 17 чернолаковых сосудов и многочисленным миниатюрным красноглиняным сосудам (миски, кастрюли с крышками), которые широко использовались в погребально-поминальных обрядах. Чернолаковые сосуды представлены солонками на низком кольцевом поддоне, мисками на кольцевом поддоне с отогнутым венчиком и штампованным орнаментом на внутренней поверхности, мисками на кольцевом поддоне, на одной из которых прочерчено граффито в виде буквы «А», одноручными чашами на кольцевом поддоне, мисками с плоским дном, канфаром на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом, краснофигурным аском уплощённого типа группы Бизли с изображением Ари-маспа, грифона/Аримаспа и пантеры, краснофигурным арибалическим лекифом с орнаментом в виде пальмет и лекифом с сетчатым орнаментом. В целом комплекс предметов можно датировать серединой IV в. до н. э.

Ещё три ритуальных комплекса располагались рядом с погребениями. Их пятна пересекали друг друга в плане и, возможно, были взаимосвязаны. В этих комплексах зафиксированы развалы около 30 столовых сосудов и двух фасосских амфор. Вытянутая по окружности неглубокая яма фиксировалась на уровне погребённой почвы и была заполнена суглинком с примесью золы и угля. Помимо сосудов, в комплексе найдено два фрагмента терракото-

вых статуэток. Один — в виде головы Силена, с составными частями (части ног и рук), детально проработанными чертами, был раскрашен красным и белым пигментом. Также в комплексе расчищены фрагменты чернолаковых ойнохой, лекифов, солонки, одноручных чаш, болсала со штампованным орнаментом в виде пальметт, мисок на кольцевом поддоне (на внешней стороне дна чернолаковой миски вырезано граффито — буква «Т»), мисок на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом, рыбного блюда, краснофигурного аска, мисок. В целые формы были собраны: два керамических алабастра, один из которых с сетчатым орнаментом, со следами термического воздействия, и развал красноглиняного кувшина. В этом комплексе найдены многочисленные астрагалы, в том числе с отверстиями и насечками, а также фишки из гипса. Комплекс можно датировать серединой — третьей четвертью IV в. до н. э.

Под пятном вышеописанного комплекса был изучен другой, помещённый в неглубокую подовальную яму, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Заполнение ямы состояло из золы и фрагментов керамики. Здесь найдены фрагменты чернолаковых сосудов из верхнего комплекса, а также чернолаковый аск, солонка с вогнутыми стенками, миска на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом, одноручная чаша, кубковидный канфар со штампованным орнаментом. Часть фрагментов сосудов была найдена в соседнем тризновом комплексе, расположенном южнее, — сероглиняное рыбное блюдо на кольцевом поддоне. Кроме того, в самой яме описываемого объекта находились фрагменты амфоры, железные стержни и гвозди, 7 кальцинированных обработанных астрагалов. Помимо прочего, здесь найдено 17 обломков стенок транспортных и столовых сосудов, чернолаковая одноручная чаша на кольцевом поддоне, на внешнюю сторону дна которой нанесено граффито — «Т», фрагмент чернолаковой солонки

и фрагменты миски. Археологический материал датируется второй — третьей четвертью IV в. до н. э.

Следующий тризновый комплекс, связанный с вышеописанными, расположен южнее и представлял собой подовальную в плане и вытянутую по сторонам света неглубокую яму, выбранную в погребённой почве. Борты и дно ямы были прокалены, а её заполнение состояло из золы и суглинка.

В яме, помимо чернолаковых сосудов (солонки, солонки со скошенными краями, миски, фрагмента чернолакового килика), были зафиксированы остатки алабастров, часть проволочного бронзового украшения, а также железный гвоздь и четыре кальцинированных астрагала. Датировка — IV в. до н. э.

Одним из тризновых объектов является кострище, находящееся к западу от каменного ящика ограбленного погребения. В кострище были найдены фрагменты красноглиняного кувшина, фрагмент дна алабастра с отверстием и фрагменты краснофигурной ойнохой на кольцевом поддоне с танцующими персонажами. Датировка комплекса по найденным материалам относится к середине — третьей четверти IV в. до н. э.

Самый дальний к западу тризновый объект был зафиксирован как скопление керамики и найден на западе от обширного вышеописанного пятна тризны вблизи двойной эсхары. Комплекс представлял собой компактное скопление фрагментированных чернолаковых сосудов, таких как: краснофигурный лекиф, миска на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом (на внешней части донца было вырезано граффито «NY»), чернолаковые и краснофигурные аски, сероглиняный кувшин, красноглиняная круглодонная кастрюлька и фрагменты рыбного блюда. Датировка комплекса — середина — вторая половина IV в. до н. э.

В северо-западной части реконструируемого периметра первой насыпи расположен ряд каменных рваных плит

небольшого размера. Камни выложены по линии окружности кургана на погребённую почву.

Двухчастный алтарь был зафиксирован со смещением к западу от тырсового укрепленного вала, простирающегося строго с юга на север в западном секторе кургана. Помимо тырсового панциря, на валу были найдены многочисленные фрагменты керамики, развал фасосской амфоры (на тулове поперечная полоса, нанесённая чёрной краской) и зольное пятно. Длина вала составляла 8 м по линии север-юг, а его ширина — 1,1 м по линии запад-восток. С внешней стороны, у южной и северной оконечности вала, зафиксированы комплексы, состоящие из красноглиняных столовых ойнохой с пробитыми доньями. Их развалы зафиксированы в отдельных углублениях по три сосуда в каждом, кроме того, среди них присутствовали и обломки других подобных сосудов.

Возможно, вал был связан уже со строительством большой насыпи и должен служить своеобразной крепидой. На поверхности вала зафиксирована каменная обработанная плита (возможно, ещё одна эсхара, относящаяся к насыпи № 1). Двухчастный алтарь найден в разбитом и перемещённом состоянии. Скопление чернолаковых сосудов, описанное самым последним, также было частично потревожено.

Курган № 1 был возведён над двумя погребениями в каменных ящиках. К этому кургану относились шесть тризновых комплексов в северо-западной, западной и южной части насыпи. Вокруг кургана были установлены эсхары. Время возведения насыпи относится к середине — третьей четверти IV в. до н. э. Археологические изыскания и анализ почв дали основания полагать, что между периодом сооружения первого кургана и возведением второго кургана над грандиозным каменным склепом прошло около трёх десятилетий.

Источники и литература

1. Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба: курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. Т. 2. Симферополь ; Керчь, 2012. 2017. 184 с. 288 с.
2. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. Москва, 2009. 253 с.
3. Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. Г1–17. Москва, 1969. 192 с.
4. Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. Вып. 23. Москва, 2018. С. 151–171.
5. Рукавишников И. В., Егорова Т. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Чернолаковые сосуды из тризновых комплексов кургана «Госпитальный» // Древности Боспора. Вып. 24. Москва, 2019. С. 445–473.
6. Boardman J. Athenian Red Figure Vases : the Classical period. London : Thames & Hudson, 1989. 252 p.
7. Sparks B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries BC // The Athenian Agora. XII. Princeton, New Jersey : the American School of Classical Studies, 1970.

Sources and Literature

1. Vinogradov Yu. A., Zinko V. N., Smekalova T. N. Yuz-Oba is a Mound Necropolis of the Bosphorus Aristocracy. Vol. 1. Vol. 2. Simferopol ; Kerch. 2012. 2017. 184 p. 288 p.
2. Egorova T. V. Black-glazed Ceramics of the 4th – 2nd Centuries BC from the Monuments of the Northwestern Crimea. Moscow, 2009. 253 p.
3. Sokolsky N. I. Antique Wooden Sarcophagi of the Northern Black Sea Region // SAS. G1–17. Moscow, 1969. 192 c.
4. Rukavishnikova I. V., Beilin D. V., Fedoseyev N. F., Voronkov I. A. Mound «Hospital'ny» in Kerch (Preliminary Report) // Antiquities of the Bosphorus. Issue 23. Moscow, 2018. P. 151–171.
5. Rukavishnikova I. V., Egorova T. V., Beilin D. V., Fedoseev N. F. Black-Glazed Vessels from the Funeral Complexes of the Hospital'ny Mound // Antiquities of the Bosphorus. Issue 24. Moscow, 2019. P. 445–473.
6. Boardman J. Athenian Red Figure Vases : the Classical Period. London : Thames & Hudson, 1989. 252 p.
7. Sparks B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries BC // The Athenian Agora. XII. Princeton, New Jersey : the American School of Classical Studies, 1970. 472 p.

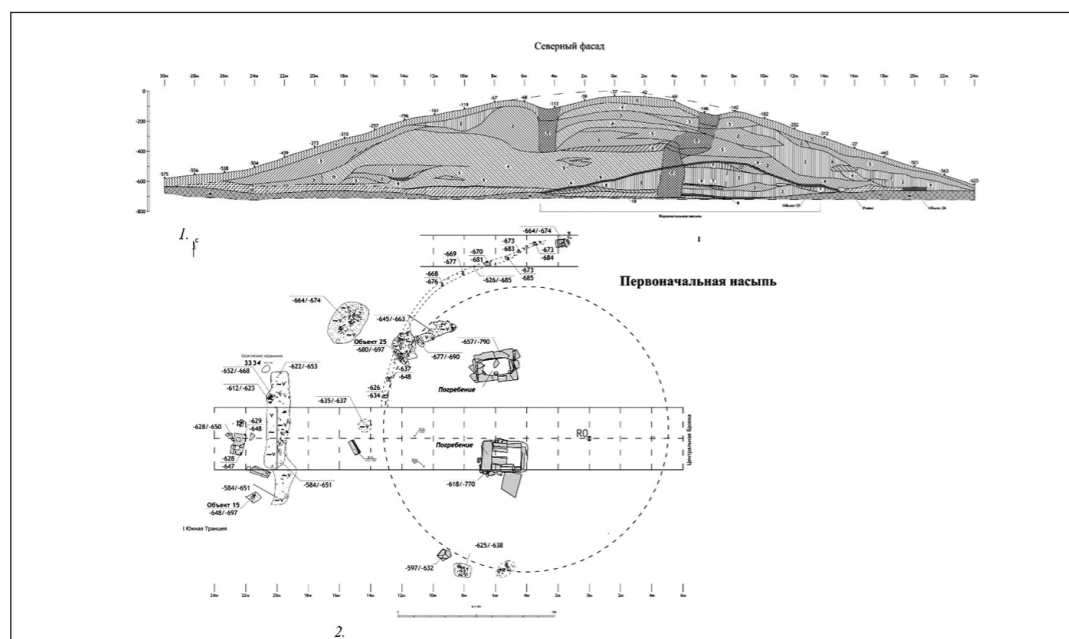

Рис. 1. Таблица 1. Курган «Госпитальный». 1. – разрез центральной бровки, северный фасад; 2. – план первого кургана. Материалы авторов

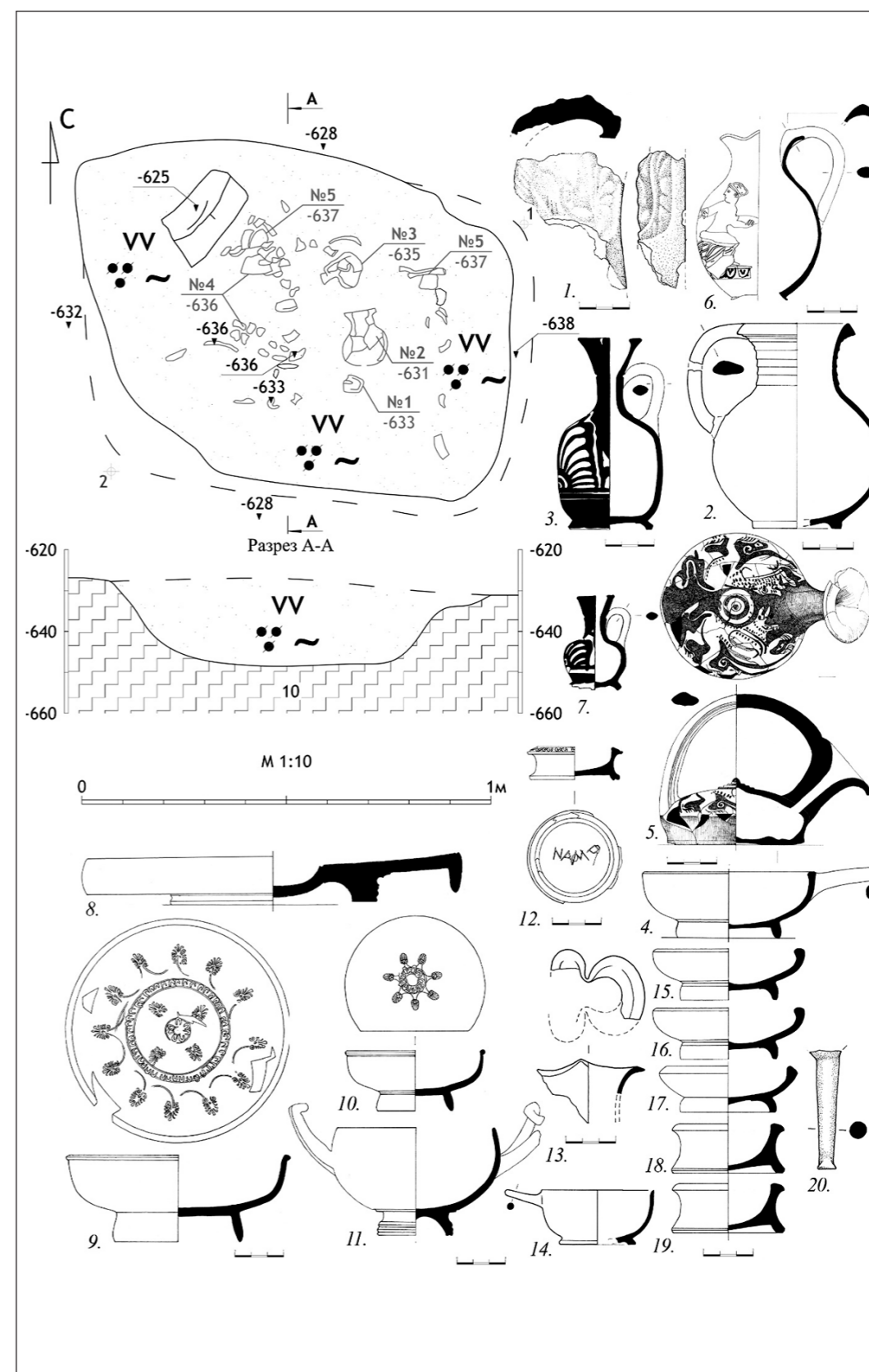

Рис. 2. Таблица 2. Курган «Госпитальный». Тризновый комплекс у южного алтаря: план и разрез комплекса и находки из него. 1.–20. – сосуды и фрагменты терракот. Материалы авторов

Марина Анатольевна Топоривская,

старший лаборант отдела сохранения археологического наследия
ФГБУН «Институт археологии РАН»;
старший лаборант Восточно-Крымской археологической экспедиции
(г. Москва)

Александр Анатольевич Супренков,

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
отдела сохранения археологического наследия
ФГБУН «Институт археологии РАН»;
заместитель начальника Восточно-Крымской археологической экспедиции
(г. Москва)

Павел Геннадьевич Столяренко,

старший лаборант
отдела сохранения археологического наследия
ФГБУН «Институт археологии РАН»;
старший лаборант Восточно-Крымской археологической экспедиции
(г. Москва)

НЕКРОПОЛЬ КАПКАНЫ СЕВЕРНЫЙ 1: КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ В 2020 ГОДУ

Аннотация: в статье представлены результаты работ Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН на территории города Керчи Республики Крым. В результате проведённых охранно-спасательных работ был изучен участок античного некрополя с рядом захоронений, а также обнаружен и исследован курган с архитектурными конструкциями.

Ключевые слова: охранные раскопки, Европейский Боспор, некрополь, курганный могильник, эпоха эллинизма, эпоха бронзы.

Marina Toporivskaya,

Senior Assistant
of the Archaeological Heritage Conservation Department,
Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences;
Senior Assistant of the Eastern-Crimean Archaeological Expedition
(Moscow)

Alexander Suprenkov,

Doctor of Historical Sciences, a Researcher
of the Archaeological Heritage Conservation Department,
Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences;
Deputy Head of the Eastern-Crimean Archaeological Expedition
(Moscow)

Pavel Stolyarenko,

Senior Assistant
of the Archaeological Heritage Conservation Department,
Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences;
Senior Assistant of the Eastern-Crimean Archaeological Expedition
(Moscow)

THE KAPKANY SEVERNY 1 NECROPOLIS: A BRIEF REVIEW OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH 2020

Annotation: this article represents the archaeological fieldwork results of the Eastern-Crimean Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences (IA RAS) in Kerch, Republic of Crimea. In the issue of the salvage excavations, the researchers had explored the antique necropolis site with ancient tombs, discovered and explored the burial mound.

Keywords: salvage excavations, European part of the Bosphorus, necropolis, burial mound, Hellenistic era, Bronze era.

Посвящается памяти Арсения Михайлова...

В течение весенне-зимнего периода 2020 г. сотрудниками Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН проводились спасательные археологические работы на участках трёх объектов археологического наследия, одним из которых является грунтовый могильник Капканы Северный 1. Этот памятник, обнаруженный А. М. Михайловым в 2018 г., расположен на территории г. Керчи Республики Крым, к северу от микрорайона Капканы.

В ходе проведённых в 2020 г. работ исследован участок античного некрополя площадью 2275 м².

Всего было обнаружено 12 погребений, совершённых по обряду ингумации. Из них 10 определённо датируются античным периодом, ещё два не имели погребального инвентаря. Античные захоронения располагались на исследованном участке неравномерно, в один уровень залегания, но неупорядоченно. Участок с наибольшей их концентрацией занимал около 200 м². Ещё два захоронения античного времени — погребение № 2 и погребение № 11 — находились на некотором удалении от основной группы.

Все захоронения имеют различные варианты ориентации — 6 погребений ориентированы головой на восток, 3 погребения расположены головой на юг, одно — на север и одно — на северо-восток. Наиболее часто встреченное труположение — вытянуто на спине.

На исследованном участке погребальные комплексы можно разделить на следующие типы: погребения в простых грунтовых ямах; погребения в грунтовых

ямах с каменным закладом; погребения в грунтовых ямах с каменной обкладкой; погребения в каменных склепах. Датировка античных погребений — вторая половина IV–II вв. до н. э.

Первый тип захоронений — в простых грунтовых ямах — наиболее многочисленный, представлен погребениями №№ 6–8, 10–11. Ориентация их различная: одно погребение — № 6 — ориентировано головой на север, два погребения — №№ 7–8 — с южной ориентацией, ещё два — №№ 10–11 — ориентированы на восток. Во всех случаях погребённые лежат вытянуто на спине, за исключением погребения № 10, где, по всей видимости, в изначальном положении ноги у погребённого согнуты в коленях в вертикальном положении. Все захоронения были совершены в узких неглубоких ямах подпрямоугольной в плане формы.

Антропологический анализ костных останков показал, что в эллинистическом погребении № 6 захоронена женщина в возрасте 40–50 лет. В качестве погребального инвентаря в изголовье слева установлена придонная часть амфоры с остатками ритуальной мясной пищи в виде животной кости. У её левого плеча лежало бронзовое изделие, предположительно, булавка, в районе грудной клетки найдена бронзовая игла. В заполнении была обнаружена стеклянная глазчатая бусина тёмно-синего стекла типа 54в [1, табл. 19] IV в. до н. э.

Погребение № 7 IV в. до н. э. также содержало женский скелет в возрасте 30–40 лет. В изголовье слева был установлен красноглиняный кувшин с ручкой, у правого локтя лежал опрокинутый балъза-

марий IV в. до н. э. У левого предплечья были найдены 6 крупных бусин с фестонобразным орнаментом округлой и кубической форм типа 276б и типа 259б IV–III вв. до н. э. [2, табл. 20–34] — очевидно, остатки браслета.

В парном погребении № 8 скелет индивида 1 принадлежал юноше возраста 18–20 лет, пол второго взрослого индивида неизвестен. Расположение и позы обоих позволяют предположить, что оба индивида были захоронены одновременно — руки погребённых соединены и, вероятно, намеренно. В качестве погребального инвентаря фигурирует фрагментированный железный нож плохой сохранности, лежавший у правого бедра индивида 2. Погребение с большей долей вероятности отнесено к эпохе эллинизма.

В погребении № 10 был захоронен мужчина в возрасте 30–40 лет с богатым сопроводительным инвентарём в виде керамических сосудов различного типа: у правого плеча лежали чернолаковый канфар с отбитыми ручками и красноглиняный кувшин, на левой половине грудной клетки лежала простая красноглиняная миска, а, очевидно, на животе в процессе совершения погребения был установлен небольшой сероглиняный горшочек. Погребение отнесено к IV в. до н. э.

Скелет в погребении № 11 принадлежал взрослому индивиду, в изголовье которого слева был установлен красноглиняный кувшин с ручкой, а в заполнении найдено простое бронзовое кольцо. Погребение № 11 относится к эпохе эллинизма.

Ко второму типу захоронений — в грунтовых ямах с каменным закладом — относятся погребения с номерами 4 и 9. Погребение № 4 ориентировано головой на восток, погребение № 9 — на юг. В обоих случаях погребённые лежали вытянуто на спине, у индивида в могиле № 9 ноги согнуты в коленях и, предположительно, находились на момент совершения обряда в поднятом положении. Могильные ямы в обоих случаях были неширокие, подпрямоугольной в плане формы. Заклад погребения № 4 представлял собой два очень

крупных уплощённых обломка скальной материковой плиты, которые по общему периметру были обложены в 1–2 ряда в 1 слой камнями рваного известняка среднего размера. В случае с погребением № 9 — это обломки рваного известняка среднего и крупного размера, сохранившиеся *in situ* только в южной части захоронения.

Согласно антропологическим данным, в погребении № 4 захоронен подросток в возрасте 12–14 лет, во рту которого обнаружен дихалк 314–310 гг. до н. э. [4, № 112]. Справа в изголовье находился красноглиняный кувшин с ручкой. Погребение № 9 содержало скелет взрослого индивида, инвентарь отсутствовал. С большей долей вероятности оно также относится к эпохе эллинизма.

Третий встреченный тип захоронений — погребения с каменной обкладкой — характеризуется единственным погребением № 2. Захоронение совершено в достаточно широкой, 3,7 x 1,6 м, неглубокой, до 0,5 м, могильной яме, периметр которой был оформлен невысокой обкладкой, состоящей из мелкого бутового камня, уложенного в 2–3 слоя иррегулярно. Ширина сформированных таким образом «стен» составила 0,2–0,4 м, общая ориентация ямы — северо-восточная. Комплекс, по всей видимости, был частично повреждён, что связано с неглубоким его залеганием относительно уровня современной дневной поверхности.

В северо-восточной части ямы вперемешку с камнями были найдены три скопления человеческих костей вне анатомического порядка, за исключением длинных костей ноги одного из индивидов. Кости принадлежали трём взрослым — двум мужчинам и одной женщине, в возрасте 20–30 лет. В качестве погребального инвентаря между костей было обнаружено 8 разнотипных бусин, среди них типа 197 I в. до н. э. – I в. н. э., типа 158 III–II вв. до н. э., типа 27а [2, табл. 20–34], а также типа 2а [3, табл. 35–54]. Данные находки позволили датировать погребение № 2 эпохой эллинизма.

Четвёртый представленный на некрополе тип захоронений — могилы в камен-

ных склепах многократного использования — представлен погребениями №№ 1, 3. Конструкция обоих склепов схожая: они устроены в материковых грунтовых ямах прямоугольной в плане формы, стены которых с трёх сторон — северной, восточной и южной — облицованы необработанными поставленными «на ребро» очень крупными каменными плитами или грубо подтёсанными камнями. Щели и углы между ними забутованы средним и мелким камнем. Обе ямы имеют восточную ориентацию. Размеры наиболее крупных каменных плит достигали в длину 1–1,25 м, их высота составила 0,6–0,8 м. В обоих случаях западный фас как таковой отсутствовал. Это был небольшой по высоте вертикальный земляной порожек с далее пологим подъёмом — вероятно, оформленное место входа в склеп — дромос. Отметим, что в погребении № 3 сохранился каменный заклад в виде четырёх крупных известняковых камней — трёх продолговатых в восточной части и плитового камня, уложенного плашмя, — в западной. Заклад в погребении № 1 обнаружен не был. Вероятно, в первоначальном виде комплекс имел черепичное перекрытие, несколько крупных обломков черепицы было найдено в самом погребении при его расчистке. В случае погребения № 1 следует отметить небольшую каменную площадку, сформированную из уложенных необработанных камней различного размера с трёх сторон от склепа.

Последующие исследования этих комплексов показали, что оба склепа после совершения первых захоронений использовались повторно, в течение какого-то времени, спустя не менее 3–5 лет после каждого последнего. При этом кости более ранних захоронений сдвигались к дальним торцевым стенам. Рассмотрим эти погребения более подробно в отдельности.

Каменный «ящик» погребения № 1, образованный плитами, имел размеры внутреннего пространства 1,3 x 0,75 м и глубину около 1 м. Здесь были выявлены три скелета взрослых индивидов, сохранившихся полностью или частично в анатомическом порядке. В юго-восточ-

ном углу ямы найдены разрозненные и сильно перемешанные скелетные останки ещё трёх индивидов, в виде различных костей скелета, в том числе костей конечностей. Здесь же, у восточной стенки ямы, уровнем ниже, были расчищены установленные на своих основаниях в один ряд три черепа.

Скелеты индивидов 1–3 в анатомическом порядке лежали вытянуто на спине, практически на одном уровне, но внахлёт по отношению друг к другу. Все три имели восточную ориентацию. Скелет индивида 1 принадлежал мужчине 40–49 лет, скелет 2 принадлежал женщине в возрасте 40–50 лет, скелет индивида 3 — мужчине в возрасте 30–40 лет. Кости нижней части скелета индивида 3 при совершении подзахоронений индивидов 1 и 2, очевидно, были сдвинуты к восточной стенке, аналогично костям более ранних захоронений. Таким образом, индивиды 1–3 были захоронены в хронологическом порядке, обратном данной им нумерации — 3, 2, 1. Что касается индивидов 4–6, то исследования показали, что кости принадлежали двум мужчинам в возрасте 20–30 лет, 30–40 лет и ребёнку возрастом 9–12 лет. Хронологию этих захоронений, ввиду перемешанного характера костных останков, определить не удалось.

В погребении содержался инвентарь, предположительно, соотнесённый с погребёнными следующим образом. У левого локтя индивида 1 лежал фрагментированный каменный оселок и часть железного кольца — у правой кисти. Погребальный инвентарь индивида 2 представлен парой кольцевидных бронзовых серёг с петлевидным ушком, найденных у черепа и под ним, а также скоплением многочисленных бусин и бисера из цветного стекла и стеклянной пасты, обнаруженных в районе грудной клетки и черепа, в том числе бусин типа 27г [1, табл. 19], бусин глобоидальной формы, сложносоставных стеклянных бусин — из глухого стекла, жёлтого и белого, голубого и белого цветов, бусины типа 27а [2, табл. 20–34] и другие. Всего было найдено 82 единицы. У головы индивида 3

располагались боспорский кувшин с витой ручкой и рельефная чаша II–I вв. до н. э. В районе его грудной клетки также были найдены две бронзовые булавки. В скоплении костей индивидов 4–6 обнаружен фрагментированный железный нож и бронзовая монета неустановленного типа. Ещё одна бронзовая монета и полихромная стеклянная бусина II–I вв. до н. э. обнаружены в верхней части заполнения склепа. Находки позволяют датировать погребение № 1 II–I вв. до н. э.

Что касается погребения № 3, то размеры внутреннего пространства каменного «ящика» составили 1,75 x 0,6 м, а его глубина не превысила 0,75 м. Комплекс содержал кости трёх индивидов, два из которых полностью или частично сохранились в анатомическом порядке. Скелет индивида 1 принадлежал мужчине 20–30 лет. Он лежал полубокком, с сильно согнутыми в коленях ногами, заваленными внутрь одна на другую. Ноги подогнуты, по всей видимости, в связи с тем, что погребённый был помещён в гораздо меньшую относительно себя по размерам могилу. Кости скелета индивида 2-м уровнем ниже принадлежали женщине в возрасте 40–50 лет. Они сохранили анатомический порядок, индивид лежал вытянуто на спине, при этом кости его ног были перемещены к восточным углам склепа. Сильно перемешанные костные останки самого первого захоронения — индивида 3 — принадлежали мужчине в возрасте 20–30 лет, также сдвинуты к восточной, дальней стене.

Погребальный инвентарь практически отсутствовал, среди костей было найдено пять стеклянных бусин: типа 33а [1, табл. 19], типа 152 [2, табл. 20–34] и другие. Немногочисленный инвентарь позволил отнести это погребение также к эпохе эллинизма.

Что касается погребений — №№ 5, 12, то они представляли собой простые грунтовые ямы малой глубины. В случае погребения № 5 яма имела вытянутую подовальную в плане форму, в которой погребённый лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток.

Ноги подогнуты под себя, руки согнуты в локтях, кисти рук уложены перед лицом. Скелет принадлежал мужчине в возрасте 30–40 лет, погребальный инвентарь отсутствовал. В случае погребения № 12 могильная яма была очень небольшой, в длину не более 0,75 м, и имела подовальную, яйцевидную в плане форму. Погребённый находился в сильно скорченном положении, головой на северо-запад, с плотно прижатыми к груди согнутыми в локтях и коленях руками и ногами, предположительно, на спине, с некоторым разворотом вправо. Скелет принадлежал взрослому индивиду, погребальный инвентарь отсутствовал.

В пространстве между захоронениями некрополя было зафиксировано несколько комплексов в виде скоплений керамических фрагментов различного типа посуды, среди которых встречены унгентарий и рельефная чаша, III–II вв. до н. э. и III–I вв. до н. э. соответственно. Возможно, эти комплексы представляли собой выброс из могил многократного использования.

В границах некрополя был также обнаружен курган. Он локализован по выступающим крупным каменным плитам в обнажении грунта просёлочной дороги. Конструкция кургана представляла собой земляную насыпь, плотно обложенную камнями в основном среднего размера, которые образовывали собой достаточно плотный каменный панцирь. Выявленная высота насыпи составила около 1,3 м, диаметр по нижнему краю полы панциря — 16 м. Впускных погребений в насыпи обнаружено не было. В теле каменного панциря и на его поверхности найден многочисленный археологический материал, в основном в виде обломков керамической посуды, которая датируется преимущественно эпохой эллинизма и римским временем. Выделим такую находку как фрагментированная бронзовая лучковая подвижная фибула, II – первой половины III вв. н. э. Также были встречены отдельные находки, относящиеся к средневековому времени, к примеру, серебряная монета Крымского ханства XV–XVII вв.

В центре под земляной насыпью на горизонтально выровненной площадке была устроена погребальная камера в виде каменного склепа, окружённая на некотором расстоянии кольцом кромлеха. Кромлех диаметром около 9 м был сложен из крупных необработанных или грубо подтёсанных камней уплощенной или вытянутой формы, расположенных, в зависимости от размера и формы, плашмя или чаще установленные «на ребро» под углом 30–40°. И панцирь, и кромлех местами были заметно повреждены современным антропогенным воздействием.

Камера кургана имела подпрямоугольную в плане форму, несколько сужаясь к югу. Её стены ориентированы по сторонам света, с незначительным отклонением к востоку: длинные стороны — меридионально, короткие — широтно. Склеп был сооружён в иррегулярной кладке из крупных и средних необработанных камней, с южного торца оформлен невысокими стенками короткий неширокий дромос. Камни в длинных кладках по оси север-юг — западной и восточной стен, стыковались друг к другу торцами и были уложены иррегулярно и преимущественно однорядно. Нижний ряд состоял в основном из крупных уплощённых камней, поставленных «на ребро», поверх которых уложены в 2–3 слоя плашмя камни меньшего размера. Кладки коротких торцевых кладок, по оси запад-восток — северной и южной стен, уложены плашмя, камни состыкованы друг с другом своими широкими сторонами, иррегулярно, в 1–2 ряда, 1–2 слоя. Крупные щели в стенах были забутованы обломками небольших камней. Размеры образованного внутреннего пространства камеры составили 3,8–4 x 3,3 м, а максимальная сохранившаяся высота кладки стен — 0,85 м. В центре склепа находился заклад в виде высокого навала из очень крупных известняковых уплощенных камней различной формы, составленных под углом 30–50°. Грани у некоторых из них были подтёсаны (окатаны?). Общий размер навала составил 3,4 x 3,5 м, его высота превышала 0,8 м.

В центре погребальной камеры под

завалом было расчищено крупное золотое пятно мощностью до 0,4 м, ссыпанное в центре склепа на материковую поверхность — свидетельство совершенного обряда кремации. Пятно имело подпрямоугольную в плане форму и было ориентировано длинными сторонами меридионально с незначительным отклонением к западу, его размеры составили 2,05 x 1,25 м. Количество пепла позволяет предположить, что обряд кремации мог быть массовым или проводиться неоднократно. В золе найдены отдельные мелкие фрагменты обгоревших костей, а также бронзовый наконечник пояса и бронзовая гарда — предположительно, элемент ножа.

Под золой была обнаружена яма глубиной 1,4 м цилиндрической в разрезе формы, заполненная сильно золистым грунтом с большим количеством керамических обломков, низ её был забутован крупными известняковыми камнями. Предположительно, она могла являться частью погребального комплекса более позднего, римского, времени. В заполнении ямы был найден богатый археологический материал, среди которого выделим фрагментированный красноглиняный светильник, фрагмент горла амфоры с графитом и дипинти с монограммой NZ, 4 фрагментированных железных гвоздя.

Таким образом, погребальная камера, предположительно, могла использоваться неоднократно — при первичном сооружении насыпи кургана и его конструкций, а также минимум ещё один раз позже. Это можно предположить, основываясь на том, что подобная архитектура конструкций склепов подкурганных захоронений характерна для скифских памятников IV в. до н. э. С некоторой долей вероятности сооружение описываемого комплекса также может быть отнесено к этому времени, что косвенно подтверждено археологическим материалом IV в. до н. э. из тела насыпи.

Что касается вероятного повторного использования склепа для совершения захоронения (захоронений?), то оно, предположительно, могло быть совершено во II–III вв. н. э. Очевидно и то, что камен-

ный заклад появился уже после совершения повторного обряда захоронения. Предположительно, как первое, так и последующее захоронение, могли быть совершены в обряде кремации. Во всяком случае, признаков захоронений в обряде ингумации в склепе обнаружено не было. Часть пепла более позднего единичного или массового (что вероятно, судя по количеству пепла) захоронения после совершения обряда была ссыпана в яму, расположенную здесь же.

Помимо погребальных сооружений, в центральной части раскопа также обнаружен каменный участок стены, исследованный на длину около 27 м. Местами он фиксировался с уровня современной дневной поверхности в виде проступающих в дерновом слое отдельных камней рваного известняка. Верх фундамента представлял собой мощный слой разрушения, ширина которого достигала 2,5–3 м. Расчищенный фундамент представлял собой каменную двухрядную, двух-, трёхслойную кладку шириной 1,2–1,4 м, состоящую из двух фасов и забутовки между ними. Фасы стены сохранились не более чем на три камня кладки, её высота не превышала 0,6 м. Фасы составлены из крупного бутового камня, местами грубо подработанного. Наиболее крупные имели размеры 0,9 x 0,25 м, 0,7 x 0,35 м,

средний размер камней кладки составил 0,2–0,4 x 0,1–0,2 м. Забутовочный ряд состоял из камней среднего и мелкого размера. Оба фаса хорошо прослеживаются. Подошва стены устроена на материковом грунте — плотном серо-жёлтом суглинке, частично на прослойке скальной крошки, местами на материковой зелёной глине.

Обнаруженный археологический материал в теле фундамента относится к эллинистическому периоду. Однако отметим, что северный край стены вплотную примыкает к юго-западному краю насыпи курганной насыпи, к северу же от кургана стена выявлена не была. При этом одно из вышеописанных погребений перекрыто фундаментом стены, что говорит о более позднем времени её возведения. О назначении стены трудно судить, но очевидно, что она не относится к каким-либо жилым постройкам. А. М. Михайловым в ходе разведки 2018 г. несколько параллельных валообразных насыпи недалеко от раскопа были интерпретированы как «межевые стены». В нашем случае сложно интерпретировать постройку как просто ограничивающую земельный участок — слишком качественный и трудоёмкий характер кладки. Скорее она всё-таки относится к исследованному погребальному комплексу, хотя аналогичные постройки подобного времени авторам неизвестны.

Источники и литература

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12/1. Москва : Наука, 1975. 94 с.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12/2. Москва : Наука, 1978. 105 с.
3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12/3. Москва : Наука, 1982. 105 с.
4. Анохин В. М. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 184 с.

Sources and literature

1. Alekseyeva E. M. Antique Beads of the Northern Black Sea Region // Set of Archaeological Sources. Issue G1-12/1. Moscow : Nauka Publ., 1975. 94 p.
2. Alekseyeva E. M. Antique Beads of the Northern Black Sea Region // SAS. Issue G1-12/2. Moscow : Nauka Publ., 1978. 105 p.
3. Alekseyeva E. M. Antique Beads of the Northern Black Sea Region // SAS. Issue G1-12/3. Moscow : Nauka Publ., 1982. 105 p.
4. Anokhin V. M. Bosphorus Coinage. Kiev, 1986. 184 p.

Рис. 1. Грунтовый могильник Капканы Северный 1. Погребение 3, первый уровень зачистки. Вид с севера

Рис. 2. Грунтовый могильник Капканы Северный 1. Погребение 10, общий вид. Вид с севера

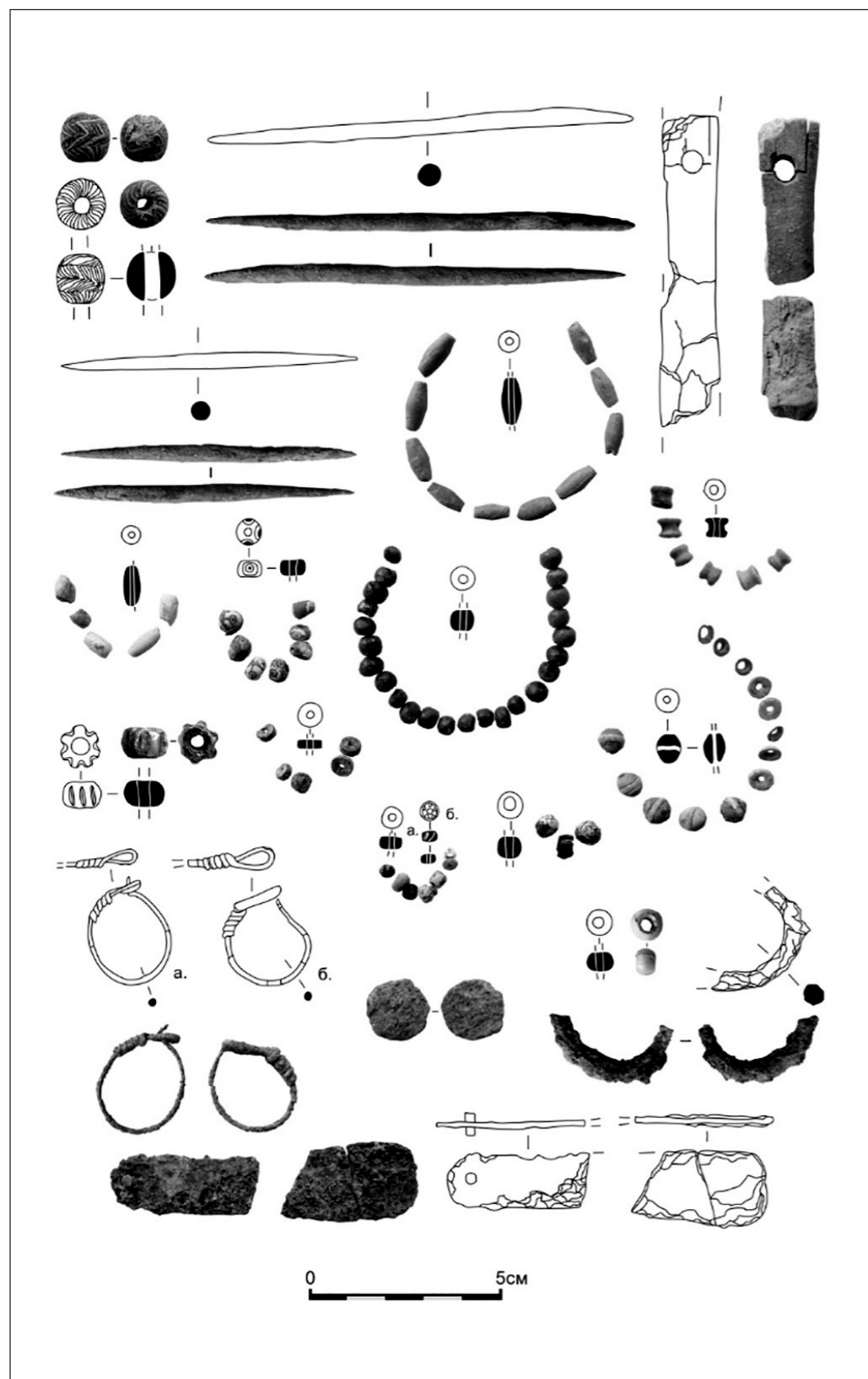

Рис. 3. Грунтовый могильник Капканы Северный 1. Погребение 1. Находки

УДК 069(477.75)

Татьяна Викторовна Умрихина,
кандидат философских наук, генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
(г. Керчь)

КЕРЧЕНСКОМУ МУЗЕЮ ДРЕВНОСТЕЙ 195 ЛЕТ

Аннотация: данная статья посвящена юбилею Керченского музея древностей, современному состоянию и перспективам развития его правопреемника — Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Особое внимание при этом уделено освещению роли учреждения в сохранении исторического и культурного наследия Крыма.

Ключевые слова: Керченский музей древностей, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, сохранение исторического и культурного наследия Крыма.

Tatiana Viktorovna Umrikhina,
Candidate of Philosophical Sciences, General Director
SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»
(Kerch)

THE KERCH MUSEUM OF ANTIQUITIES IS 195 YEARS OLD

Annotation: this article is devoted to the anniversary of the Kerch Museum of Antiquities, the current state and prospects of the development of its successor — the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Special attention is paid to highlighting the role of the institution in preserving the historical and cultural heritage of the Crimea.

Keywords: Kerch Museum of Antiquities, Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, preservation of the historical and cultural heritage of the Crimea.

Керченский музей давно имеет всемирную известность — независимо от официального названия. Свою историю он начал 195 лет назад как музей древностей. И это не случайно, поскольку учреждался он там, где земля, в буквальном смысле, была насыщена произведениями древней греческой культуры. Положил начало музейной коллекции Павел Алексеевич Дюбрюкс, создавший в 1810 году свой личный «музеум». Благодаря стараниям генерал-губернатора Воронцова и учёно-антиковеда полковника Стемповского, на основе этого собрания и был открыт в доме Дюбрюкса 2(14) июня 1826 г. наш музей — один из первых государственных музеев в Российской империи.

На протяжении многих последующих десятилетий Керченский музей ждали

блестящие археологические открытия, имевшие общеевропейское научное и культурное значение. И это были не только Куль-Оба, Золотой и Царский курганы, но и другие многочисленные погребальные сооружения, сохранившие следы истории античного Боспора. Большинство керченских находок стали настоящей гордостью Императорского Эрмитажа. Деятельности музея придавалось столь важное значение, что для него специально было построено прекрасное здание в античном стиле.

Являясь неотъемлемой частью Императорской Археологической комиссии, Керченский музей смог состояться как известное в научном мире учреждение. В городе начал формироваться своеобразный историко-культурный му-

зей-заповедник, в состав которого, кроме музея древностей, вошли памятники погребальной архитектуры (курганы и склепы) и раскоп на Митридаде, что заметно отличало Керчь от других крымских городов.

При всех внешних достижениях судьба музея складывалась крайне непросто. Достаточно вспомнить оккупацию города в Крымскую войну, когда музей потерял собственное здание, был разграблен, а коллекции уничтожены. Не меньшие беды ждали его и в XX веке, чему ярким примером может служить история одного только «золотого чемодана».

Пройдя нелёгкие испытания, музей не просто выжил и продолжил своё поступательное развитие. Имея на начальном этапе только лишь археологическую коллекцию, он, пройдя ряд преобразований, к концу своего почти двухвекового существования превратился в многопрофильное музейное, научное и памятнично-охранное учреждение — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.

Сегодня в структуру крупнейшего музейного учреждения Крыма входят 23 объекта культурного наследия, из них 13 — федерального значения. Круглогодично работают Керченский музей древностей, Золотая кладовая, Гончарная мастерская, Картинная галерея, Музей истории обороны Аджимушкайских каменоломен, Музей истории Керченско-Эльтигенского десанта, крепости Керчь и Еникале, Царский и Мелек-Чесменский курганы, Музей каменных древностей — Лапидарий.

Наличие в составе Восточно-Крымского музея-заповедника археологических объектов, богатство и разнообразие его фондов — во многом результат многолетней работы большого числа археологических экспедиций, работающих на территории Керчи и Керченского полуострова.

По состоянию на январь 2021 года в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника хранится свыше 276 тысяч музейных предме-

тов, в том числе, более 216 тысяч — на основном учёте и около 60 тысяч — на научно-вспомогательном. К основному учёту относятся свыше тридцати археологических и исторических коллекций. Наиболее ценная часть фондов — уникальные археологические коллекции, в которых хранятся предметы, имеющие отношение к истории Боспорского царства, первого государственного образования на территории России. По совокупности эти коллекции представляют собой одно из самых крупных региональных музейных собраний античных предметов. В целом, они дают представление о полиэтничной культуре Боспорского царства, существовавшего на территории Керченского и Таманского полуостровов около тысячелетия.

Одним из приоритетных направлений работы Восточно-Крымского музея-заповедника является научная реставрация и консервация. Уже 20 лет на базе Лапидария проводится «Летняя школа реставрации камня» — реставрационная практика в рамках программы Международного совета музеев ICOM по изучению, систематизации и реставрации скульптуры и каменной пластики Боспора Киммерийского. В музее-заповеднике проходит стажировка по реставрации белого камня, силами студентов и опытных реставраторов России и Крыма выполняются в значительном объёме работы по консервации лапидарных памятников. За время существования Школы также отреставрированы более 200 памятников лапидарной коллекции и хозяйственного камня.

Год спустя после воссоединения Крыма и России музейная и в том числе реставрационная деятельность музея-заповедника получила новый мощный импульс: в марте 2015 года, по инициативе Михаила Борисовича Пиотровского, был организован семинар-практикум «Эрмитажная школа реставрации», ставший в последующем ежегодным. В нём традиционно принимают участие реставраторы из музейных учреждений Крыма, Севастополя и Краснодарского края. Практические за-

нятия с 2016 года проходят в мастерских Лапидария, где с использованием современного оборудования проводятся работы по реставрации музейных предметов из наших фондовых коллекций.

Все художники-реставраторы музея-заповедника аттестованы Министерством культуры РФ. Они по праву являются лучшими в Крыму специалистами по реставрации керамики, металла и камня. Восточно-Крымский музей-заповедник сегодня — это региональный научно-практический и образовательный центр музейной реставрации, широко известный в Российской Федерации.

Музей-заповедник ведёт серьёзную научно-исследовательскую работу — это участие в археологических экспедициях, изучение фондовых коллекций в процессе реализации выставочных проектов и подготовки докладов для научно-практических конференций, издание каталогов музейных коллекций, выпуск научных сборников, музейных вестников и научно-популярных книг.

В течение года традиционно проводятся 3 научно-практические конференции: Всероссийская конференция «Военно-исторические чтения», которая давно переросла формат классического научного форума, превратившись в площадку для презентаций книг и фильмов, творческих, выставочных и военно-патриотических проектов; конференция «Музейные чтения» — своеобразный отчёт научных сотрудников музея-заповедника о результатах и перспективных направлениях научной работы. И, конечно, «Археология и история Боспора» — один из самых представительных научных форумов в России, участниками которого являются как главные исследователи античного Боспора, мэтры отечественной археологии, так и начинающие учёные, для которых наша конференция является площадкой для получения бесценного опыта и повышения своей научной квалификации.

Следует сказать, что в этом году, 10 июня, к числу названных прибавилась

ещё одна, исключительна важная для нас, для нашего древнего города. Это Международная конференция «Историко-культурное наследие — гарантия устойчивого развития городов античного наследия» в рамках крымской программы перекрёстного Года истории Россия – Греция во время фестиваля «Боспорские агоны». Её проведение стало возможным благодаря появлению 22 января 2021 года Ассоциации городов античного наследия Северного Причерноморья, в которую вошли 12 муниципальных образований, организаций и учреждений Юга России.

Наши сотрудники и учреждение в целом ежегодно принимают активное участие более чем в 25 «внешних» конференциях, круглых столах, научных форумах, а также в значимых Всероссийских и межрегиональных проектах и акциях — таких, как «Золотое кольцо Боспорского царства», «Территория Победы», «Нацпроект Культура», «Крым. Путь на Родину».

На базе музея-заповедника проходят практику и стажировки студенты ведущих вузов России самого широкого профиля подготовки — от историков, музейных работников и экскурсоводов до дизайнеров и художников.

Результатом научной деятельности музея-заповедника и коллег-учёных являются каталоги фондовых коллекций, в частности серия «Наследие тысячелетий», научно-популярное издание «Керченская старина», книги из серии «Керчь и Керченский полуостров в Великой Отечественной войне», сборники материалов научно-практических конференций, 5 выпусков «Научного сборника», серия фотоальбомов и буклетов. Эта литература интересна не только специалистам, а и широкому кругу читателей.

Авторы трёх наших изданий стали лауреатами Государственной премии Республики Крым: в 2017 году — Н. В. Быковская, Н. В. Небожаева, В. Ф. Санжаровец («Керченская старина»); в 2018 году — Н. Л. Кучеревская («Каменная летопись Боспора»); в

2020 году — А. Е. Халдей в соавторстве с Н. В. Быковской и В. Ф. Санжаровцем («Дороги войны Евгения Халдея»).

Сборники материалов конференций музея-заповедника размещаются в системе РИНЦ. Высокую оценку специалистов по художественной ценности и полиграфическому качеству получил литературный сборник «На крыльях грифона». Готовятся к изданию очередные выпуски «Научного сборника» и «Вестника Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника». В следующем году планируем завершение ещё одного грандиозного информационно-издательского проекта «Град Керчь». Это будет интерактивная книга о прошлом и будущем нашего любимого города. Он давно заслуживает такого издания.

Одним из важнейших результатов научно-исследовательской деятельности являются музейные экспозиции. Это подтверждается примерами научного проектирования экспозиций последних лет, а также инновационных приёмов, использованных в показе музейных комплексов. Выставочные проекты музея-заповедника — это ежегодно около 50 новых выставок разных форм как традиционных, так и в виртуальном формате; оригинальных аудио-, видео- и мультимедийных программ; представлений музейного театра. Все эти новшества — равноправные участники экспозиционного «действия» наряду с традиционными музейными предметами.

Особо следует выделить выставку «Гимн вечности», удостоенную Дипломом победителя в номинации «Экспозиция года» на Республиканском конкурсе музеев Крыма 2019 г.

За последние три года создано несколько замечательных выездных выставок, представленных в городе-побратиме Туле, Москве, Екатеринбурге, Симферополе и пользующихся неизменным успехом у посетителей, которые открывают для себя историю Керчи — города-героя, самого древнего города на территории России.

Музей-заповедник осуществляет ак-

тивное взаимодействие с 37 ведущими музеями и музеями-заповедниками, профильными научно-исследовательскими учреждениями России по различным вопросам научного сотрудничества и совместной научно-методической и научно-организационной работы.

Нами осуществляется широкая просветительская деятельность, разрабатываются музейные образовательные программы и авторские мероприятия для различных категорий населения. Объекты музея-заповедника ежегодно посещают более 300 тысяч экскурсантов, и треть из них подрастающее поколение. В течение года проводятся 130 культурно-массовых мероприятий и свыше 200 лекций, которые охватывают более чем 30-тысячную аудиторию.

Значительная часть научно-просветительской работы посвящена детским проектам. С большим успехом проходят «Музейные ассамблеи», «Музейные сказки», конкурсы «Моя новогодняя открытка» и «Моя открытка ветерану». Творческая интеллигенция города — литераторы, музыканты, актеры — являются постоянными участниками проекта «Гостиная на Дворянской» в Картинной галерее. Популярностью пользуются мастер-классы по программе «Доступная среда» — «Гончарная мастерская» и «Песочная анимация». Последними мероприятиями были охвачены за год 230 детей с ограниченными возможностями.

Один из наиболее грандиозных и узнаваемых культурных проектов нашего музея-заповедника — Международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны». В 2021 году он проходил как одно из мероприятий Межрегионального туристического проекта «Золотое кольцо Боспорского царства» в рамках перекрёстного Года истории Россия — Греция. На открытии фестиваля, в частности, присутствовала делегация мэров 25 городов Греции.

Интернациональная составляющая фестиваля была представлена коллективами из Казахстана и литератора-

ми из ДНР, ЛНР, Беларуси, Израиля и США, Китая, Канады, Польши и Латвии, Франции и Германии, Казахстана и Азербайджана — участниками литературного конкурса «На крыльях грифона» что, безусловно, способствует созданию положительного имиджа Крыма как площадки для межнационального общения, популяризации русского как языка межнационального общения.

В прошлом году в условиях пандемии для эффективной работы в видеоформате был создан медиациентр, куратором которого стала учёный секретарь музея; роль корреспондентов, фотографов, видеооператоров и монтажёров выполняют специалист по связям с общественностью, пресс-секретарь и ведущий программист. Принятый чуть позже на работу специалист по информационным ресурсам оказался профессиональным оператором и монтажёром, имевшим опыт работы на телевидении. Для обеспечения его полноценной деятельности музей-заповедник приобрёл необходимый набор видео- и компьютерной техники.

Создание медиациентра способствовало активизации работы в соцсетях Фейсбук и Вконтакте, а главное, созданию и развитию собственного YouTube канала. Наши публикации используются при подготовке телевизионных передач местных и центральных каналов, публикаций в новостных порталах.

Ещё одним из эффективных инструментов популяризации исторических знаний и методов просветительской деятельности стал созданный в 2019 году музейный театр, который увлекает посетителей посредством художественной, эмоционально-образной интерпретации музейного материала, внедрения сценических и перформативных практик в музее. Его актёры: экскурсоводы, научные сотрудники, заведующие отделами музея-заповедника. Так случилось, что среди них есть один профессиональный режиссёр массовых мероприятий и один актёр. Задача театра — подкреплять театральными средствами открытие выста-

вок, проведение мероприятий, создавать спектакли на базе истории нашего города, музея, фондовых коллекций. Ну, а в период изоляции театр стал той изюминкой, которая привлекла к нашим мероприятиям в видеоформате большое количество видеопосетителей.

С возвращением Крыма в состав России наше учреждение приобрело статус музея-заповедника, и в его истории началась настоящая новая эра великих археологических открытий, связанных со строительством мостового перехода, подходов путей к нему и автомобильной трассы «Таврида» и ряда инфраструктурных объектов. Впервые в истории Керчи и Керченского полуострова раскопкам подверглись более 100 объектов археологического наследия как ранее известных, так и вновь выявленных — поселений, некрополей, курганов, древних земляных оборонительных сооружений.

Работы выполнялись специалистами ведущих научных учреждений России — Института археологии РАН (Москва), Института истории и материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Высокий научный уровень проведённых исследований позволил приоткрыть завесу тайн, которые на протяжении тысячелетий хранили керченская земля и акватория пролива.

Впервые, благодаря строительству Крымского моста, подводным отрядом Института археологии РАН были проведены масштабные археологические исследования у мыса Ак-Бурун. Площадь керамического скопления, найденного под Крымским мостом, составила 4,5 тыс. кв. м. Эти работы, по мнению Сергея Ольховского, позволили получить хотя бы самое общее представление о порте Пантикапея. Подводные археологи буквально вручную собрали около 70 тыс. различных предметов: фрагменты чернолаковых и краснолаковых сосудов, амфор с клеймами производителей на ручках, кувшинов, столовой посуды.

Настоящей сенсацией, находкой мирового значения можно смело назвать обнаруженную под водой терракотовую

голову мужчины в натуральную величину. Это первая находка подобного рода, по стилю исполнения не имеющая прямых аналогий в мировой науке.

Благодаря исследованиям Курчатовского института удалось установить, что изначально скульптурное изображение, датированное V–IV вв. до н. э., было окрашено разноцветными красками, а местом его изготовления является город Синопа.

Хочется отметить несколько особо значимых открытий в городской черте Керчи. При раскопках курганной группы «Цементная слободка» археологами (под руководством И. В. Рукавишниковой) впервые за многие десятилетия был обнаружен сохранившийся подкурганый каменный склеп. Сохранность объекта позволила дать ему «вторую» жизнь на новом месте — в крепости Керчь, куда он был перемещён.

Ошеломляющим открытием стали результаты раскопок кургана «Госпитальный», в ходе которых были открыты не только частично сохранившиеся остатки каменного погребального сооружения IV в. до н. э., но и уникальные настенные рисунки с батальными сценами, символами и знаками более позднего периода. Для их сохранения проведены работы по консервации при участии художников-реставраторов высшей категории из Москвы, Петербурга и Керчи. Сегодня эти рисунки являются прекрасным дополнением к выставке «Гимн вечности» в Музее каменных древностей.

Также в ходе раскопок насыпи кургана были открыты погребальные комплексы в каменных ящиках, относящиеся к более раннему периоду — V в. до н. э. В одном из них сохранилось неразграбленное погребение юноши, судя по погребальному инвентарю, участника спортивных состязаний.

Масштабным археологическим исследованиям было подвержено одно из малоизученных городищ — т. н. «Городище 11 км». На площади более чем 3000 кв. м открыты архитектурные

остатки домов, уличные вымостки, хозяйственные ямы и каменные сооружения — зернохранилища, ранее неизвестные на этом памятнике.

Нельзя обойти стороной раскопки античной усадьбы «Манитра». Это случай особый. Усадьба была раскопана практически в полном объёме, с прилегающим к ней участком некрополя. На сегодняшний день, это, пожалуй, единственный пример памятника археологии, который в рамках новостроечной экспедиции полностью раскопан. По словам Александра Александровича Масленникова, усадьба не имеет аналогов на территории всего Северного Причерноморья.

К сожалению, новостроечные раскопки подразумевают последующее разрушение открытых объектов культурного наследия. Однако поселение «Манитра» — один из немногих примеров, когда памятник древности удалось спасти и провести консервационные работы для его будущей музеефикации. Несмотря на все сложности при решении этой задачи, совместными усилиями музея-заповедника и Института археологии РАН удалось внести изменения в проект строящейся железной дороги, перенеся полотно почти на 100 м южнее.

Всё вышперечисленное — это лишь малая доля объектов, которые были раскопаны в период 2017–2018 гг. Особо хочется отметить, что раскопки велись на самом высоком академическом уровне.

И, конечно, обязательно надо вспомнить о воистину сенсационном открытии — обнаружении и спасении захоронения Керчь-Еникальского градоначальника, действительного статского советника, инициатора учреждения Керченского музея древностей И. А. Стемпковского.

Керченская легенда гласила об уничтоженном прахе Стемпковского. Однако в конце лета 2020 года в ходе строительных работ на смотровой площадке горы Митридат неожиданно был открыт

участок кладки непонятного происхождения. Приглашённые специалисты музея-заповедника определили выявленные остатки как фундамент некогда существовавшей часовни. В ходе исследования стало понятно, что захоронение осталось нетронутым. Это ли не подарок всем нам к юбилею музея?!

Найденные останки необходимо было сразу идентифицировать. По нашей просьбе младшим научным сотрудником отдела теории и методики Института археологии Российской академии наук Т. В. Шведчиковой был срочно проведён комплекс научно-исследовательских работ по антропологическому описанию обнаруженных останков. В скором времени младшим научным сотрудником Центра физической антропологии лаборатории пластической реконструкции А. В. Рассказовой была выполнена графическая и скульптурная реконструкция облика Стемпковского. За что мы искренне признательны руководителям этих научных центров Николаю Андреевичу Макарову и Дмитрию Анатольевичу Функу.

И, конечно, огромная благодарность Вячеславу Дмитриевичу Письменному и Елене Анатольевне Савостиной, руководителям Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды», в полном объёме профинансировавшего выполненные работы.

К сожалению, требуется признать, что отдельные новостроечные археологические раскопки, которые проводятся на территории Керчи, приобрели почерк, характерный для так называемых «чёрных копателей».

На протяжении уже нескольких лет администрацией города Керчи проводится планомерное уничтожение исторически сложившего архитектурного облика центральной части города, уничтожение объектов археологического наследия. Выдаются разрешительные градостроительные документы на осуществление современной застройки в

границах комплексной охранной зоны исторического ареала. Государственным комитетом по охране культурного наследия Республики Крым были согласованы проекты, которые изначально не содержали раздел по обеспечению мер по сохранности объектов культурного наследия, в том числе археологического.

Всё это свидетельствует о формальном подходе керченских и крымских чиновников и нарушении норм Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В 2018–2019 гг. городской администрацией был принят Генеральный план города и определено зонирование, регулирующее городскую застройку. Однако исторический центр города оказался в зоне деловой и коммерческой застройки, и план не устанавливает защитные зоны объектов культурного наследия, что требует законодательство Российской Федерации. На заявление музея-заповедника об изменении зоны деловой и коммерческой застройки в исторической части города на «особо ценную историко-культурную» администрация города Керчи ответила отказом по причине ущемления прав третьих лиц — предпринимателей, осуществляющих свою коммерческую деятельность на данной территории.

Кроме того, у города по сей день отсутствует разработанный и утверждённый историко-культурный опорный план, благодаря которому удалось бы избежать разрушения гармонии исторической городской застройки.

Принимая во внимание тот факт, что в самой градостроительной документации существуют опечатки «Костромская область, г. Кострома», можно смело заявить, что генеральный план принимался по формальному признаку, без работы специалистов-архитекторов, а также без привлечения специалистов республиканского органа охраны культурного наследия. Кроме того, в администрации города Керчи нет архитектора, который

бы смог грамотно выстроить городскую строительную политику. Особо хочется обратить внимание на то, что вся проектная документация приводится в соответствие с законодательством уже по факту строительства.

Ярким примером нарушений действующего законодательства является строительство двух гостинично-развлекательных комплексов в исторической части города — «Графская пристань» (переулок им. Димитрова, 4) и «Променад» (Адмиралтейский проезд, 1). В частности, новое четырёхэтажное здание гостиницы полностью перекрывает видовое раскрытие с улицы Свердлова объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Иоанна Предтечи, VIII–X вв.», с площади им. Ленина очевиден объёмно-планировочный диссонанс, произошло искажение сформировавшегося историко-культурного каркаса по пер. им. Димитрова.

Кроме этих комплексов, по ул. Советской (д. 36) над неисследованными захоронениями византийского периода уже возводится медицинский центр.

Продолжается несанкционированная точечная городская застройка на территории г. Митридат в границах объекта культурного наследия федерального значения «Архитектурно-археологический комплекс “Древний город Пантикапей”». Ведётся частная застройка на муниципальных землях в мкр-не Эльтиген (Героевское) по ул. Рубежной в непосредственной близости к объекту культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс “Древний город Нимфей”».

Грубейшими, носящими характер вандализма являются действия заказчиков строительства функционально-технического центра по ул. им. Ленина, 6 (по соседству, с Управлением МВД по городу Керчи). В процессе работ был разрушен культурный слой «Архитектурно-археологического комплекса “Древний город Пантикапей”», и отвалы, содержащие фрагменты керамических сосудов, складированы по адресу

ул. им. Дмитрия Донского, 4. Находки из произведённых раскопок не сданы в фонды музея-заповедника по настоящее время.

Вышеперечисленные строительно-земляные работы производились без Разрешения (то есть Открытого листа).

К сожалению, это лишь малая доля объектов археологии, архитектуры, которые варварски разрушаются или подвергаются искажению внешнего вида.

Если мы изучим историю вопроса проведения археологических исследований на территории г. Керчи, а также Ленинского района, то увидим, что в настоящее время предпочтение в организации и проведении археологических исследований, будь то разведки, раскопки или наблюдения, отдаётся коммерческим организациям. Как правило, эти организации сознательно «депингуют», что, в конечном итоге, приводит к крайне неудовлетворительному качеству выполняемых ими работ.

Основная проблема Керчи и Ленинского района состоит в том, что проведение большинства археологических исследований осуществляется единственной организацией (возможно, и её дочерними фирмами) — ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» под руководством генерального директора Александра Викторовича Шарапы. Именно этой организацией выполняются работы с явными нарушениями российского законодательства: они проводятся без разрешения (Открытого листа) или на совершенно иных объектах — под подложный открытый лист. Яркими примерами этому служат «Анкерное поле», разработка проекта реконструкции Большой Митридатской лестницы, строительство гостиницы «Графская пристань» и медицинского центра по улице Советской, 36, а также реконструкция сквера «Алёнка» и прилегающей территории к церкви Иоанна Предтечи.

Совершенно очевидно, что назрела крайняя необходимость решения этой проблемы. На законодательном уровне

необходимо запретить выдачу коммерческим фирмам Открытых листов на археологические работы в значимых исторических местах и закрепить право на проведение археологических исследований исключительно за академическими, научными и музейными учреждениями.

В этой связи инициатива Института археологии РАН и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника о создании научно-исследовательских археологических центров, в том числе подводной археологии, на базе объектов недвижимости музея-заповедника (по ул. им. Айвазовского, 5 и им. генерала Косоногова, 22) была бы очень кстати для реализации программы по формированию историко-археологического кластера на территории Республики Крым. Подобного рода учреждения способны на самом высоком уровне проводить археологические исследования, кроме того, это позволит создать дополнительные рабочие места молодым специалистам, продвинуть археологическую науку на новый уровень.

Обидно и больно, что в Керчи до сих пор отсутствует концепция развития города, развитие его главной и сильной стороны, а именно — его исторической идентичности. Керчь — один из немногих городов в России, который может привлекать к себе внимание сохранившейся застройкой XIX века. В нашем любимом городе бесцеремонно рушится и уничтожается то, что в Центральной России и Европе так ценится.

На наш взгляд, спасением и выходом из сложившейся ситуации есть принятие концепции развития города, которая была разработана архитектором И. З. Лозинским и его командой. На сегодняшний день, это единственный комплексный подход, который включает в себя развитие всех инфраструктурных объектов, без ущемления объектов культурного наследия.

В эпоху Российской империи Керчь считалась одним из лучших и красивейших городов Таврической губернии. До первой половины XX века гостей по-

луострова поражал его архитектурный облик. Как и Санкт-Петербург, Керчь, следуя духу классицизма, строилась по единому чётко продуманному плану. На его улицах встречались и гармонично дополняли друг друга здания в стиле ампира, барокко, модерн, сохранялись национальные традиции русского и европейского зодчества, а вместе с ними и особый восточный колорит. Свою достойную лепту в это внесли в первые послевоенные годы и советские архитекторы...

С возвращением Крыма в состав России для Керчи наступает совершенно новый этап в её развитии. После окончания строительства Крымского моста она стала вратами Тавриды, первым городом, который встречает гостей полуострова. Она его лицевой фасад. Уникальная экосистема окружила Керчь, и буквально проникла в центр города, образовав анклав на Митридатской горной гряде, интересной не только остатками акрополя древнегреческого Пантикапея, но и своей природой. Но сегодня у города и много проблем: загрязнение прибрежной акватории, незащищённость объектов историко-культурного наследия, уничтожаемая уродливой застройкой городская среда, пришедшая в упадок инфраструктура, почти полностью изношенные инженерные сети, деградация туристической отрасли, сокращение населения.

Для решения этих задач необходим масштабный, комплексный подход и, в частности, принятие и практическая реализация градостроительной концепции по реконструкции и развитию Керчи до 2040 г., разработанной мастерской «Лозинский и партнёры».

Согласно этой концепции, нужно создать музейно-археологический комплекс на горе Митридат, где располагался древний город, и регенерировать историческую застройку XIX в. вокруг знаменитой Большой Митридатской лестницы, включая такие знаковые объекты, как здание Керченского музея древностей и часовня Стемпковского.

Это же касается оставшейся с античных времён системы подземных катакомб и центральной площади, где сохранился древнейший действующий православный храм на территории России. Двухуровневый город обеспечит защиту уникального наследия, полноценную работу археологов и сможет стать центром притяжения для жителей Керчи и туристов.

Работа ведётся совместно с руководством Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина при поддержке Восточно-Крымского музея-заповедника.

Также проект включает в себя восстановление пострадавших от войны и последующей хаотичной застройки исторических кварталов XIX – начала XX вв. на побережье, с созданием протяжённой пешеходной набережной со всей необходимой туристической инфраструктурой, включая пляжи и яхтенные марины. Таким образом, эта зона может стать настоящим градообразующим предприятием и тем самым фасадом Крыма.

Для реализации этого решения предполагается перенести с побережья пришедшие в упадок заводские и портовые сооружения в район судостроительного завода «Залив», скомпоновав их в современный промышленно-логистический центр, с подходящими путями трёх видов транспорта — морского, железнодорожного и автомобильного. Таким образом, удастся решить многие экологические проблемы керченской акватории, дать новый импульс экономическому развитию, а жителям и гостям города — доступ к морю, которого они сейчас, по сути, лишены.

Кроме того, Концепция учитывает необходимость реконструкции почти полностью изношенных коммуникаций

города, включая возможность снабжения Керчи водой из пресноводных скважин на морском дне (субмаринные разгрузки).

Эту концепцию единогласно приняли на Градостроительном и Общественном советах в Керчи в 2019–2020 гг. В числе наших единомышленников Совет по наследию и Президент Союза архитекторов России, Русская община города Керчи, Артезианская археологическая экспедиция МПГУ, Комитет по охране памятников историко-культурного наследия Республики Крым, Объединённый Народный фронт в Крыму.

В Московском архитектурном институте и Высшей школе экономики по этому проекту прошли защиты комплексных дипломов. Концепция получила позитивный отзыв у Представителя Республики Крым при Президенте Российской Федерации, других должностных лиц и общественных деятелей на полуострове и за его пределами, вызвала интерес среди работников туристической отрасли. Приходит масса откликов в поддержку проекта не только от специалистов в разных областях, но и от простых граждан.

Всё это доказывает, что Керчь, отныне ставшая воротами всего Крыма, в новом тысячелетии имеет огромные возможности, реализация которых — стратегическая задача на уровне государства.

Подводя итоги 195-летней деятельности Керченского музея древностей, можно смело сказать, что он остаётся широко известным и является одним из ведущих учреждений культуры Крыма. Мы всегда на острие событий и готовы отстаивать свои позиции в борьбе за сохранение исторических и культурных ценностей нашего любимого города и всего Восточного Крыма.

УДК 9; 94(3); 930.27

Фёдор Вадимович Шелов-Коведяев,
кандидат исторических наук, эпиграфист, историк, филолог;
советник Президента Фонда
«Российский общественно-политический центр»
(г. Москва)

ДРЕВНЕЙШИЕ ДЕКРЕТЫ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Аннотация: в статье публикуются фрагменты двух интереснейших декретов второй половины V в. до Р. Х., найденных в раскопках городища Пантикапей (гора Митридат, город Керчь, Крым, Россия) в августе 2018 года. Первый представляет собой, по всей видимости, решение о даровании гражданину Пантикапея освобождения от пошлин и сборов в Ольвии Понтийской. Вторым, очевидно, есть первый декрет полиса Пантикапея, предоставляющий ту же привилегию гераклеоту.

Ключевые слова: Пантикапей, Ольвия, Гераклея, полис, декрет, шрифт, буква, письмо, ателия.

Fedor Vadimovich Shelov-Kovedyaev,
PhD in Historical Sciences, Epigrapher, Historian, Philologist;
Advisor to the President
of the Russian Social and Political Center Foundation
(Moscow)

THE OLDEST DECREES FROM PANTICAPAEUM

Annotation: the paper publishes two fragments of the most interesting decrees dated back to the second half of the V century BC founded during the excavations on the site of Panticapaeum (Mithridates Mount, Kerch City, Crimea, Russia) in August 2018. The first of them represents obviously the grant of taxes free order in Olbia Pontica to one of the citizens of Panticapaeum. The second is seemingly the first decree of the polis of Panticapaeum giving the same privilege to the citizen of Heracleia Pontica.

Keywords: Panticapaeum, Olbia, Heracleia, polis, Decree, Script, Letter, writing, atelia.

Августом 2018 года на горе Митридат в Керчи во время раскопок Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина в мешаном слое были найдены фрагменты двух надписей, представляющих выдающийся исторический интерес¹.

1

Нижний левый угол известняковой стелы (ПАН–2018, № 5 полевой описи; инвентарные номера хранения в Восточно-Крымском музее-заповеднике: КП-193704, КЛ-2848). Толщина обломка 95 мм, максимальная высота — 200 мм,

ширина по нижнему краю — 160 мм, размеры сколов справа (сверху вниз) — 70, 165 и 60 мм (см. рис. 1). В древности все стороны камня были тщательно заглажены. В нынешнем состоянии все его поверхности, включая фас, травмированы многочисленными сколами, выбоинами, кавернами и следами выветривания.

На лицевой стороне сохранились обрывки двух последних строчек надписи, чьи буквы были вырезаны глубоко и покрашены красной краской, с отступом около 5 мм от левого края текстового поля. Верх стк. 1 нарушен ско-

лом. Вторая, финальная, строка заметно ползёт вверх: в её начале расстояние до нижнего обреза известняка составляет 45 мм, в конце же — уже 55 мм. Предыдущая строчка прочерчена ровно. Интервал между ними на уровне первых знаков составляет 50 мм.

Все *омикроны* — крупные. В стк. 1 один из них вырезан, возможно, с точкой посередине круга. Его диаметр — 35 мм. Также и общая высота *альфы* (её вершина украшена чуть заметной вертикальной чёрточкой) даёт 35 мм. Из-за плохой сохранности литер их точную ширину установить сложно. У *альфы* она, судя по всему, равна высоте.

В двух строках полностью или частично читаются в общей сложности семь графем. В стк. 1 — почти горизонтальная черта внизу, обрывок вертикали и *омикрон*. В стк. 2 — верх треугольника *альфы* с венчающей её мини-чёрточкой и примыкающим к её же правому скату завершением ровной перекладки, верхний сегмент *омикрона*, перекрестье *тау* и левая половина второго *омикрона*. *Омикрон* стк. 1 и его первый собрат в стк. 2 позиционированы строго друг под другом. Этот факт, а также взаимное расположение первых двух знаков стк. 1 и *альфы* стк. 2 позволяют подозревать, что текст был начертан в манере *псевдо-стойхедон*.

Открывающая стк. 1 черта может принадлежать четырёхчастной *сигме*, чьи верхние три широко раскрытые линии опираются на почти горизонталь (ср. [1, с. 7, рис. 2]). Всё вместе позволяет идентифицировать в стк. 1 окончание патронимика (~σῖδ: здесь и далее *курсивом в греческом* помечены неполно сохранившиеся литеры), а в стк. 2 — начало оборота *αὐτῶ[ι καὶ ἐκγόνους]*.

Материал и состояние камня, шрифт (ср. [1, с. 7, рис. 1–2]) и орфографические особенности (̄=ω, ὰ=αὐ) надписи, неровность (ср. [1, с. 6–7]) и незначительная протяжённость её строк, равно как лаконичность формулировок, за неимением точных боспорских параллелей, заставляют обратить внимание на

ольвийский декрет НО 1. Однако, более развитые, по сравнению с памятником из Ольвии, формы букв и стиль *псевдо-стойхедон* не позволяют датировать её тем же временем. Более подходит вторая половина V в. до Р. Х., может быть, её начало. Это, само по себе, в совокупности с уже известными данными (ср. CIRB Album 115, 153 etc.) удревнило бы использование *альфы* с мини-чёрточкой на «коньке» (в отличие от более поздних фактов, где тот же дифферент предстаёт в значительно более развитом виде — ср. [1, с. 12]).

Всё вышесказанное допускает, по аналогии с древнейшим ольвийским официальным документом, восстановление:

[. . . . . ἀτελέη]
 [τῶι δεῖνι τοῦ δ.]
 1 σῖδ [ethnicum (11–12)] 14–15
 2 αὐτῶ[ι καὶ ἐκγόνους] 16 (14,5)

Перевод: ... *ателия такому-то сыну* ~*сия, этникон, ему и сыновьям.*

Apparatus criticus: здесь и далее в скобках указано число мест букв с учётом того, что *альфа* занимает в половину меньше пространства, чем прочие знаки; здесь и далее в переводе курсивом отмечены восстановления; имена в 10–12 звуков, что позволяет полностью (ЛИ + часть патронимика) закрыть пропажу перед стк. 1, часто встречаются в греческой ономастике.

Поскольку наиболее краткие формулы декретов в черноморском регионе известны в V в. до Р. Х. в Ольвии, а внутрипонтийские связи между колониями Милета, к каковым принадлежали и Пантикапей, и Ольвия, были в тот период, наряду с контактами с Афинами и полисами Малой Азии, наиболее развиты [7, S. 228, 240 f.; 3, 81 слл.], ничто не мешает предположению, что раскопки 2018 года подарили копию решения ольвиополитов в пользу пантикапейца. Именно к данному выводу подталкивает и внушительные для той эпохи параметры небольшого об-

ломка, и монументальность дошедшего до нас письма памятника (размер шрифта и интервала между строками), которые более чем объяснимы, когда речь идёт об установленном на родине гражданина Пантикапея списке с документа, которым тому оказала почести сестринская община.

В таком случае реконструкция должна выглядеть так — [Ολβιοπολίται ἀτελέη] 18 (16,5) / [τῶι δεῖνι τοῦ δ.] / σῖδ [Παντικάλαίτη] 16 (14) / αὐτῶ [ι καὶ ἐκγόνους] 16 (14,5). *Нomen* ольвиополитов в начале объясняется тем, что, в отличие от НО 1 (где его нет, так как декрет был выставлен в самом городе, давшем иностранцу привилегию), это — копия, отправленная на родину иностранца, и там необходимо было указать на то, *кто* его почтил. Такова была обычная практика (ср., например, материалы IOSPE I² и Syll.³). Дополнение Пантикалаίτη идеально заполняет лауну в стк. 1. Чуть большее количество графем в начале текста — тоже рутинная практика (см. там же).

Обычно считается, что до 438 года до Р. Х. единым Боспором правила династия Археанактидов [5, с. 70 слл. (с литературой)]. Похоже, теперь наука получила ещё одно (ср. [6, с. 469 слл.]) подтверждение существования в Пантикапее середины V в. до Р. Х. регулярно полисного строя. Кроме этого, новая находка замечательна тем, что великовероятие того, что она прерывает молчание источников об оказании в *классическое время* эллинскими полисами почестей не тиранам Боспора, но — *пантикапейским гражданам*.

2

Покрытый жёлтой патиной обломанный со всех краёв фрагмент рыхлого белого известняка неправильной шестиугольной формы (см. рис. 2). Он был найден на пятом штыке 42-го квадрата (ПАН–2018, № 3 полевой описи; инвентарные номера хранения в Восточно-Крымском музее-заповеднике: КП-193704, КЛ-2848). Его фас был тщательно заглажен; сейчас он повреждён

кавернами, сколами и следами выветривания. Тыл обработан суммарно: плита была вделана в стену.

На лицевой поверхности сохранились следы четырёх строк текста. Максимальная высота поля надписи — 120 мм, максимальная ширина — 80 мм. Стк. 3 почти стёрлась.

В стк. 1 просматриваются: нижнее окончание наклонной линии, упор вертикали (и то, и то — по сколу) и нижний сегмент *омикрона*. В стк. 2 — ровная горизонталь и нижняя половина *альфы*, *каппа*, *лямбда*, *эпсилон* и нижняя четверть *йоты*. В стк. 3 — сильно затёртые *альфа* (она ещё и выщерблена), *омикрон*, *тау*, левые три четверти *омеги* и — по сколу — *йота*. В стк. 4 — правая половина *омикрона*, *ню* и почти целый *омикрон*. В сткк. 1, 2 и 4 дошли остатки прокрашивания графем красной краской. Из-за мягкой породы камня их линии немного расширяются к концам. *Омега* начертана в виде арки и сильно раскрыта. Вершина *лямбды* украшена вертикальной мини-чёрточкой. Усики *каппы* не сходятся у её спинки в одной точке. Средняя горизонталь *эпсилона* укорочена. В стк. 3 *омикрон* и *омега* заходят в пространство под перекладной *тау* и прижаты к нижней границе строки. Правая, короткая, вертикаль *ню* слегка уклоняется вправо. Первый *омикрон* стк. 4 располагается на траверзе *каппы* и *лямбды* стк. 2.

Высота литер (там, где она может быть надёжно установлена) — стк. 2: *каппа* — 25 мм, *лямбда* — 23 мм, *эпсилон* — 20 мм; стк. 3: *тау* — 19 мм; стк. 4: *ню* — 20 мм. Ширина в стк. 2: *каппа* — 10 мм, *лямбда* — 23 мм, *эпсилон* — 11 мм (средняя горизонталь — 6 мм); в стк. 3: *тау* — 10 мм, *омега* — 9 мм; в стк. 4: *ню* — 20 мм. Диаметры *омикрона*: 8 (стк. 3) и 10 (стк. 4) мм. Среднее место буквы равно 13–14 мм. Интервал между строками — 10 мм.

Из приведённых расчётов выходит, что в начале сткк. 1–2 пропало примерно равное число знаков; в стк. 3 — на 0,5 м. б. больше, чем в стк. 2; в стк. 4 — на

одно м. б. более, чем в стк. 3. Сказанное позволяет заключить, что стк. 1 донесла обрывок патронимика адресата, стк. 2 — этникон гераклеота, сткк. 3–4 — формулу распространения даруемых привилегий на самого чествуемого и его потомков (сыновей). В итоге получается следующее видение остатков декрета:

[. . . (≈ 3)] \ | [— —]
 2 [Hρ] ακλει[ότη] 11 (10)
 [καὶ] αὐτῶι [καὶ] 11 (9,5)
 4 [ἐκγ] ὄνο[ις ἀτε]— 11 (10,5)
 [λέη]

Apparatus criticus: в скобках указано число мест букв в строке, учитывающее, что йота занимает объём в половину меньше прочих графем; здесь и далее в переводе курсивом отмечены восстановления. | 1: от середины отчества (ЛИ и патронимика в 10–11 знаков типичны для древнегреческого ономастикона) осталось лишь АЮ либо АЮ. | 4: поскольку левая половина омикрона съедена сколом, в начале строки образуется лакуна требуемого размера.

Перевод: такому-то сыну такого-то Гераклеоту и ему, и сыновьям — ателия.

Качество известняка, специфика шрифта (особенно *каппы*, *омеги* и *ню* — см. [1, с. 8]) и огласовок (αο=αυ), свободное (правый скол в сткк. 2–4) проходит практически на одном уровне) расположение текста на камне, короткие строки и краткие формулы указывают на вторую половину V в. до Р. Х. Вместе с тем, использование *омеги* в окончании дательного падежа говорит в пользу времени немного более позднего, чем то, которому принадлежит первый опубликованный выше (см. раздел 1) документ.

В принципе, не невозможно представить полностью пропавший зачин надписи в обычном для боспорского материала виде, например, — [Σάτυρος καὶ 10 (9,5: более крупные литеры в имени правителя стандартны на Боспоре — см. [4, с. 64]) / παῖδες ἔδοσαν 12 (11,5) / τῶι

δεῖνι] / [τοῦ] \ | [δεῖνος (10–11)]. Тогда это подтверждало бы предложенную дату памятника: кроме одного перисадовского декрета [4, 58 слл.] все им подобные, изданные от имени правителей династии Спартокидов (Левконидов), написаны в IV в. до Р. Х. на мраморе. Кроме того, в начале IV столетия Сатир вёл затяжную и жестокую войну с поддержанной Гераклеей Феодосией, во время осады которой он и умер. Вряд ли в этот период боспорский тиран стал бы чтить кого-то из граждан враждебного его политике южнопонтийского полиса.

Ежели бы данный гераклеот действовал у себя на родине в интересах противной стороны, то есть занимал бы в глазах сограждан предательскую позицию, то речь могла бы идти лишь о спасении Сатиром своего провалившегося агента путём переселения того в свою державу. Однако, в отличие от Ольвии [2, с. 65–90; 3, с. 109 слл.], в столь раннее время примеров предоставления иноземцам политики на Боспоре не известно: она входит в употребление только в правление Левкона I [4, с. 71–72].

В таких обстоятельствах я склоняюсь к кардинально иному решению — реконструкции по аналогии с НО 1 практически той же формулы [τῶι δεῖνι 10–11] / [τοῦ] \ | [δεῖνος 10–12] / [Hρ]ακλει[ότη] 11 (10) / [καὶ] αὐτῶι [καὶ 11 (9,5)] / [ἐκγ] ὄνο[ις ἀτε 11 (10,5)] / [λέη]. Имея в виду, что декрет издан полисом Пантикапе-ем (почему в нём и не была упомянута его община: ведь текст был выставлен на её территории, — как и в НО 1, где та же ситуация) ещё до прихода к власти Спартока. Или же, не исключено, в первые годы его (и Сатира?) правления, когда официальные формулировки оставались, возможно, прежними.

Кроме того, как бы там ни было, подтверждается, во-первых, хорошо известный (по результатам анализа постоянно находимой на Боспоре во всё возрастающем количестве амфорной тары гераклейского происхождения) давний интерес этой мегарской апойкии на южном берегу Чёрного моря к торговле с

Восточным Крымом, приведший её уже в IV столетии к острому конфликту со Спартокидами из-за Феодосии. А во-вторых, возникновение венчаю-

щих некоторые буквы вертикальных мини-чёрточек и — на мягком материале — чуть расширяющихся к концам линий графем прежде IV в. до Р. Х.

Источники и литература

1. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. № 3. С. 3–31.
2. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90.
3. Виноградов Ю. Г. Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. : историко-эпиграфическое исследование. Москва : Наука, 1989. 284 с.
4. Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 58–75.
5. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. Москва : Наука, 1985. 187 с.
6. Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (Из истории Пантикапея начала эпохи классики) // ДБ. 2014. № 18. С. 452–504.
7. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Fr.a.Main–Bern–N.Y. : Peter Lang, 1983. 589 s.

Sources and Literature

1. Boltunova A. I., Knipovich T. N. A Survey of History of Greek Lapidarian Script on Bosphorus Cimmerian // Numismatics & Epigraphy. 1962. No. 3. P. 3–31.
2. Vinogradov Yu. G. Sinope and Olbia in V CBC // Journal of Ancient History. 1981. No. 2. P. 65–90.
3. Vinogradov Yu. G. Political History of the Olbian Polis in VII–I C BC : A Historical-Epigraphical Study. Moscow : Nauka Publishing House, 1989. 284 p.
4. Vinogradov Yu. G., Tolstikov V. P., Shelov-Kovedyaev F. V. The New Decrees of Leukon I, Paerisades, and Eumelos from Panticapaeum // Journal of Ancient History. 2002. No. 4. P. 58–75.
5. Shelov-Kovedyaev F. V. History of the Cimmerian Bosphorus in VI–IV CBC. Moscow : Nauka Publishing House, 1985. 187 p.
6. Shelov-Kovedyaev F. V., Tolstikov V. P. The Cimmerian Bosphorus in the First Quarter of V CBC (From the History of Panticapaeum in the Beginning of the Classical Epoch) // The Bosphoran Antiquities. 2014. No. 18. P. 452–504.
7. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main–Bern–N.Y. : Peter Lang, 1983. 589 s.

Список постраничных сносок

¹ Сердечно благодарю руководителя экспедиции В. П. Толстикова за предоставленное мне право публикации артефактов, генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т. В. Умрихину за обеспечение возможности их обработать, заместителя генерального директора Н. В. Быковскую, заведующую отделом «Лапидарий» Н. Л. Кучеревскую, заведующую сектором учёта экспонатов Т. И. Охрименко и сотрудников отдела фондов музея-заповедника за прекрасную организацию изучения материалов.

Рис. 1. Ольвийский (?) декрет в честь пантикапейца из раскопок на горе Митридат в 2018 году. Съёмка В. П. Толстикова

Рис. 2. Декрет в честь гераклеота из раскопок Пантикапея в 2018 году. Съёмка В. П. Толстикова

Семён Алексеевич Шестаков,
старший научный сотрудник
историко-археологического отдела
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
(г. Керчь)

НАДПИСЬ ФИАСА 119 ГОДА Н. Э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

Аннотация: издаваемая датированная надпись фиаса 416 года по боспорской эре, или 119 г. н. э., сохранилась полно. Надпись соимённостью лиц, указанных в тексте, связана с тремя другими надписями. Все рассматриваемые эпиграфические памятники имеют характерный фронтон с большими круглыми плоскими акротериями, которые имеют датирующий признак. Второй памятник — фрагмент многоярусной стелы, при вторичном использовании переделанный в трапедзефор. Оба предмета найдены в разное время в одном месте вблизи Керченской бухты на территории Судоремонтной базы.

Ключевые слова: надпись фиаса, некрополь Пантикапея, история раскопок.

Semyon Alekseyevich Shestakov,
Senior Researcher of the Historical
and Archaeological Department
GBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»
(Kerch)

THE INSCRIPTION OF THYASUS DATED BACK TO 119 AD FROM THE NECROPOLIS OF PANTICAPAEUM

Annotation: the thyasus inscription being published in the article dated back to the year of 416 according to the Bosporanian era, or 119 AD, has been fully preserved. The inscription with the names of the persons indicated in the text is connected with three other inscriptions. All the epigraphic monuments under consideration have a characteristic pediment with large round acroterium that have a dating feature. The second monument is a fragment of a multi-tiered stele, converted into a trapedzeфорs (a table leg) when reused. Both items were found at different times in the same place near the Kerch Bay on the territory of the Ship Repair Base.

Keywords: the thyasus inscription, a trapedzeфорs (a table leg), the necropolis of Panticapaeum, the history of excavations.

I

Надпись фиаса 119 года н. э. мною уже была издана в 2003 году [1, с. 68–71]. Неправильным типографским набором пропись надписи была извращена и потому нуждается в переиздании. Эта публикация осталась незамеченной исследователями [5].

Надпись найдена в 1979 году на берегу Керченской бухты на территории предприятия СРБ, т. е. судоремонтной базы по улице им. Кирова, 54. Укажем

старые названия предприятия и улицы, поскольку в этом же месте велись раскопки в XIX и XX веках, где они были привязками. Прежние название улицы: Карантинная, Первой домны (с 1929 г.), им. Кирова (с 1935 г.); прежние названия предприятия: Керченская моторно-рыболовная станция (МРС) (1932–1967), Судоремонтная база (СРБ) «Керчьрыбпрома» (1967–1991), Керченский судоремонтно-судостроительный завод «Фрегат» (1991–2014).

С 2014 года — это ООО «Керченская морская верфь “Фрегат”».

В апреле 1979 года здесь велось строительство нового цеха. При земляных работах была найдена сохранившаяся полностью надпись на толстой длинной плите. О находке эпиграфического памятника на территории предприятия с режимным доступом сообщил активист Керченского музея, работник СРБ Владимир Анатольевич Долонин, без которого надпись была бы навсегда утрачена. В тот же день место находки было осмотрено автором. По опросу рабочих-строителей установлено: плита найдена на приморской террасе, на глубине 2 м от современной дневной поверхности, надписью вниз и ориентирована по линии восток – запад. Под плитой было «корытообразное» углубление, но погребения или инвентаря там не было. Рабочими-строителями плита была разбита на три части, перемещена с места первоначального места её нахождения, и под руководством прораба фрагменты сброшены в шурфы пятиметровой глубины под железобетонные опоры строящегося цеха и засыпаны землёй.

Автором статьи обследовано место находки и прилегающая территория, найдены и откопаны в шурфах две верхние плиты, кроме третьего фрагмента, который был тоже сброшен в другой шурф, засыпан землёй и забетонирован. При осмотре установлено, что это ценная датированная надпись фиаса. Провинившийся прораб помог из шурфа поднять краном плиты и погрузить в машину. Верхние плиты хорошо репозируются и составляют полный текст надписи. Третий фрагмент, по мнению очевидцев находки, высотой около 50–60 см, представлял нижнюю часть стелы без надписи, но там вполне мог быть изображён, как это иногда бывает, сарматский знак. Например, такие знаки есть на надписях фиасов: [2, КБН, №№ 83, 85, 87, 89, 717]. Надпись в двух фрагментах теперь хранится в

лапидарии музея-заповедника: инвентарный номер КЛ-1531.

Место находки составляет небольшую часть огромного некрополя Пантикапея первых веков нашей эры. По номенклатуре В. В. Шкорпила, он называется некрополь на Глинище, находящийся в восточной части Керчи на берегу бухты справа от Карантинной улицы. Некрополь исследовали А. Е. Люценко (1860), Ф. И. Гросс (1884), В. В. Шкорпил (с 1903 по 1912 гг.), Ю. Ю. Марти (1928), сотрудники Керченского музея в 1946, 1948, 1953 гг. В 1978 году доступную территорию на предприятии обследовал автор. Там был найден трапедзефор от культового стола, изготовленный из надгробия с многоярусными рельефами и остатками надписи.

Надпись фиаса выполнена на стеле из белого известняка-ракушечника аджимушкайского месторождения. Высота — 200 см, ширина — 56 см, толщина — 30 см. Первоначальная высота стелы с учётом утраченного фрагмента была не менее 250 см.

Стела увенчана карнизом с рельефным фронтоном, украшенным круглыми плоскими акротериями — центральным и двумя боковыми. Над фронтоном — две розетки. Такой фронтон со специфическими розетками имеет датирующий признак, указывающий на рубеж I–II вв. н. э., первую четверть II в. н. э. Т. А. Матковская считала, что подобные акротерии присущи фиасотским надгробиям [4, с. 118]. По нашему мнению, подобные фронтоны с крупными плоскими акротериями относятся к рубежу I–II вв., но главным образом к первой половине I в. н. э. Они имеют датирующее значение. Стела рельефа не имела, вся поверхность занята надписью. Надпись расположена прямо под фронтоном. Сохранность: два репозирующихся фрагмента; надпись без существенных повреждений, кроме частичной утраты нескольких букв на месте излома, повреждён частично карниз с фронтоном; утрачена нижняя часть стелы. Надпись вырезана по линейкам.

Высота букв 5,2–3,8 см.
416 г. б. э. = 119 г. н. э.

- Η συνόδος ἡ
περὶ ἱερέα Καλ-
λισθενὴν β' καὶ
συναγωγῶν
5. Στρατόνεικον
Χρηστίωνος καὶ
φιλάγαθον Ἐρω-
τα Ἀντισθένου
καὶ παραφιλάγα-
θον Ἐρμῶνα
10. Διονυσίου καὶ
γυμνασιάρχου
Τρύφωνα Ἐρμῶ-
ν καὶ πραγματ[ᾶ]ν
15. Σογούνα Χρηστ-
ωνος καὶ τῶν
λοιπῶν θιασει-
τῶν Χρυσάνθη
μνήμης χάριν
20. vacat ἐν τῷ ζῳ'
ἔτει μηνὶ Γορ-
πίαίου δ'

Перевод: Синод во главе со жрецом Каллисфеном, сыном Каллисфена и сынагогом Стратоником, сына Хрестона; и филогафом Эротом, сыном Антисфена; и парафилагатом Гермоном, сыном Дионисия; и гимнасиархом Трифоном, сыном Герма; и прагматом Согом, сыном Хрестона и остальные члены фиаса Хрисанфа памяти ради поставили в 416 году, месяца Горпия, 4 дня.

Надпись сохранилась полностью и имеет обычную для подобных надписей формулу. В. В. Шкорпил [6, с. 43, 44] отмечал отсутствие женщин в фиасах и в их руководящем органе синоде, предполагая военный и эфебический характер фиасов. Данный датированный памятник замечателен для характеристики надписей первой четверти II в. н. э. Некоторые имена этой надписи содержатся в других надписях близкого времени. Соимённостью упомянутых лиц устанавливаются связи между надписями. Связи устанавливаются соимённостью лиц, упомянутых в надписях. Надпись 119 года имеет связь с надписью о строительстве 127 г. н. э. — КБН, № 61 и

другой надписью фиаса КБН, № 83 и надгробием КБН, № 660. Парафилагаф надписи 119 года Гермон, сын Дионисия в надписи о строительстве КБН, № 61 выступает как попечитель строительства в 127 г. н. э. В обеих надписях фиасов КБН, № 83 и надписи 119 года тот же филагаф Эрот, сын Антисфена, но другие члены синода иные. В надписи КБН, № 83 указаны члены синода: синагог, филагаф, парафилагаф; но должности жреца и гимнасиарха как в надписи 119 года отсутствуют.

В эпитафиях надгробия КБН, № 660 надписи фиаса КБН, № 83 119 года тот же поминаемый Атг, сын Трифона. Это тождество имён установил Ю. Ю. Марти [3, с. 68]. Он отметил тамги на передней и задней ногах лошади. Э. И. Соломоник [8, с. 71] тоже отмечала наличие сарматских знаков на надписях фиасов. В. С. Драчук писал об определённом содержании знаков, обозначая род, семью или имя [9, с. 108]. Несомненно, этот человек был погребён родственниками, а фиас своему сочлену устроил кенотаф. Имя погребённого уже встречалось РЕ, IV № 83. И на том надгробии есть тамга, похожая на наш памятник [3, с. 70]. Оба найдены в одном районе. Оба имеют фронтоны с круглыми плоскими акротериями. По эпиграфическим и декоративным признакам они близки. Имя Гермона, сын Дионисия, парафилогафа надписи 119 года содержится в строительной надписи 127 г. н. э.

Таким образом, соединяются четыре надписи в общий смысловой контекст, характеризующий, в некоторой мере, деятельность синодов начала II в. н. э. По всей очевидности, одновременно могло существовать несколько фиасов, имея одинаковый социальный состав, но, вероятно, они отличались отношением к различным культам. Однако ни в одной погребальной надписи фиасов это обстоятельство не указано. И только в двух надписях фиасов посвященительного характера отмечены боги: во II в. до н. э. — Афродита Урания, владычица Апатура [2, № 75], и Зевс и Гера Спаси-

тели в 82 году н. э. [2, № 76]. Ф. Поланд отмечал в других центрах античного мира и другие божества, почитаемые в синодах [7, с. 1434]. Вероятно, издаваемая надпись была тоже кенотафом. В этой связи остаётся неясным цель установки кенотафа человеку, погребённому родственниками, или установка памятников двумя разными фиасами.

II

Годом раньше, в 1978 г., на этом же месте найден фрагмент многоярусной стелы, использованной вторично в качестве трапедзефора. Инвентарный номер — КЛ-1467. Размеры: в. 70; ш. 53, т. 19 см. Сохранилось два рельефа. Верхний рельеф — сцена заgrabной трапезы. Рельеф неполный: утрачена верхняя часть, сохранились ноги сидящей в кресле женщины рядом с клине и трапедзой. Слева стоит фигура служанки с пиксидой, справа — слуга с полотен-

цем и прохусом в правой руке, показанные в иерархической масштабности. На нижнем рельефе изображены двое безбородых мужчин с овальными щитами в левых руках, в правых держат копья. Слева от них сидит в кресле женщина в гиматии, наброшенной на голову, изображающая жест печали. Рядом с ней служанка с сосудом. Близкая композиция [11, с. 380, 381, № 26].

Под нижним рельефом остатки надписи: Γυνή. -----ς καὶ
-----[Χ]αίρε [τε].

Γυνή — женское имя, вроде имени Γυνίς надписи, найденной на мысе Тузла [2, 1109]. Конец второй строки сохранился неразборчиво, смутно виднеются лишь верхушки букв. Дата: последняя четверть I–II вв. н. э. В конце II в. н. э. или в начале III века из многоярусной стелы изготовлена подставка для культового стола, установленного на некрополе для каких-то церемоний.

Источники и литература

1. Шестаков С. А. Неизданная фиасотская надпись 119 г. н. э. и проблема пантикапейских фиасов II в. н. э. // III Таврические научные чтения, посвящённые 160-летию со дня рождения А. Л. Бертье-Делагарда, г. Симферополь, 24 мая 2002 г. Сборник материалов. Симферополь, 2003. С. 68–71.
2. Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград, 1965.
3. Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. Вып. 104. Москва; Ленинград, 1934. С. 68, VI.
4. Матковская Т. А. Об элементах стел // АИБ. Т. 3. Керчь, 1999.
5. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. Москва, 2013.
6. Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // ИАК. Вып. 27. СПб, 1908. С. 42–80.
7. Poland. Σύνοδος // РЕ.
8. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
9. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.
10. Савостина Е. А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора / Сообщение Государственного Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Выпуск десятый. Москва, 1992. С. 357–386.

Sources and Literature

1. Shestakov S. A. The Unpublished Thyasus Inscription of 119 AD and the Problem Panticapaion Thyasus in II AD // III Tauride Scientific Readings Dedicated to the 160th Anniversary of the Birth of A. L. Berthier-Delagard, Simferopol, May 24, 2002. Collection of Materials. Simferopol, 2003. P. 68–71.
2. The Corpus of Bosphorians Inscriptions. Moscow; Leningrad, 1965.
3. Marti Yu. Yu. New Epigraphic Monuments of the Bosphorus // Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture. Issue 104. Moscow; Leningrad, 1934. P. 68, VI.
4. Matkovskaya T. A. On the Elements of Steles // Archaeology and History of the Bosphorus. Vol. 3. Kerch, 1999.
5. Zavoikina N. V. Bosphoran Thyasus: between the Polis and the Monarchy. Moscow, 2013.

6. Shkorpil V. V. Bosphorian Inscriptions Found in 1907 // News of the Imperial Archaeological Commission. Issue 27. Saint-Petersburg, 1908. P. 42–80.
7. Poland. Σύνοδος // RE.
8. Solomonik E. I. Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region. Kiev, 1959.
9. Drachuk V. S. Sign Systems of the Northern Black Sea Region. There are Similar Signs of the Northern Pontic Periphery of the Ancient World of the First Centuries of Our Era. Kiev, 1975.
10. Savostina Multi-Tiered Steles of the Bosphorus : Semantics and Structure // Archeology and Art of the Bosphorus.

Рис. 1. Надпись фиаса 119 г. н. э.
Съёмка С. А. Шестакова

Рис. 2. Трапедзефор из многоярусной стелы. Съёмка С. А. Шестакова

Владислав Юрьевич Юрочкин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела средневековой археологии
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(г. Симферополь)

**НОВАЯ КНИГА О КРЫМСКИХ ГОТАХ
(КИЗИЛОВ М. Б. КРЫМСКАЯ ГОТИЯ.
СИМФЕРОПОЛЬ, 2015)**

Аннотация: в рецензируемой монографии М. Б. Кизилова затрагиваются вопросы истории крымской Готии. Привлекаются материалы, редко используемые отечественными учёными. Автор делает справедливый вывод, что многие аспекты «готского вопроса» обусловлены его политизацией, особенно в 30–50-х гг. XX в. Возможно, некоторые частные положения книги приведут к дискуссии в среде специалистов. Однако на фоне повышенного интереса к «готскому вопросу» публикация книги М. Б. Кизилова является своевременной и актуальной.

Ключевые слова: Крым, М. Б. Кизилов, готы, «готский вопрос», история.

Vladislav Yur'evich Yurochkin,
PhD of Historical sciences,
Senior Researcher of the Department of Medieval Archeology
FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS»
(Simferopol)

**A NEW BOOK ABOUT THE CRIMEAN GOTHS
(KIZILOV M. B. CRIMEAN GOTHIA. SIMFEROPOL, 2015)**

Annotation: the reviewed monograph of the M. B. Kizilov raises the issues of history of the Crimean Gothia. The materials that are rarely used by Russian scientists are involved in the monograph. The author makes a fair conclusion that many aspects of the «Gothic question» are due to its politicization, especially in the 30–50's of the XX century. Perhaps some particular provisions of the book will lead to a discussion among specialists. However, against the background of heightened interest to the «Gothic question», edition of the book by M. B. Kizilov is timely and relevant.

Keywords: Crimea, M. B. Kizilov, Goths, «Gothic question», history.

В наше время уже ни у кого не вызывает сомнений, что готы являлись неотъемлемой частью истории Боспора и всего Крыма. Подтверждение тому — недавно изданная книга историка Михаила Борисовича Кизилова, посвящённая интересному и загадочному феномену полуострова средневековой эпохи — Крымской Готии [2]. Это уже вторая его монография о древних народах Таврики.

Первая — «Крымская Иудея» [1] — вызвала большой резонанс среди самых широких слоёв читательской аудитории.

Начиная с 90-х гг. прошлого века, тема готов, в том числе и крымских, вновь после полувекового перерыва прочно вошла в отечественную историческую науку. Опубликован ряд монографий, напрямую или косвенно касающихся «готского вопроса» [3; 7 и др.].

Во введении к монографии автор справедливо подчёркивает, что проблема наследия готов в европейской цивилизации уже на ранних этапах развития научной мысли породила специфическое культурное явление «готицизма», притом не лишённое идеологической окраски. С одной стороны, это подогревало интерес к исчезнувшему германскому народу, с другой — вело к неоднозначной оценке его роли в судьбе народов и государств Западной и Восточной Европы. Особенно актуально воспринималось готское наследие Крыма, которое в отличие от других регионов фиксировалось как минимум до середины XVI столетия.

Автор поставил целью в доступной форме обобщить и изложить достаточно обширный источниковый материал о готах Крыма, по ряду причин долгое время не доступный широкому кругу отечественных читателей. Восполняя этот пробел, М. Б. Кизилов при подготовке монографии выполнил новый перевод ряда отрывков из средневековых источников и сочинений историков прошлого, касающихся крымских готов и малоизвестных в русскоязычной историографии.

В прологе к первой главе «Готы, страна Дори и княжество Феодоро (Мангуп)» М. Б. Кизилов знакомит читателей с кратким очерком истории переселения готов в Восточную Европу и появления их на территории Таврики. При этом автор отмечает, что в очерке представлены обобщённые представления об этом процессе, существующие в научном мире и принимаемые большинством исследователей. Стоит отметить, что не все они бесспорны, как, например, гипотеза о переселении в Таврику аланов вместе с готами во второй половине III в. н. э. или хронология появления в этот период в Крыму кремационных захоронений. Впрочем, автор на этом и не настаивает (2, с. 37). Одной из наиболее важных и интригующих тем средневековой истории Крыма является время появления на политической карте полуострова княже-

ства Феодоро и его взаимосвязь с областью Готии. В противовес существующему скептическому отношению к версии о возникновении княжества уже во второй половине XIV в., М. Б. Кизилов приводит текст итальянского документа 1382 г., в котором упоминается правитель Феодоро по прозвищу Аффендизи (2, с. 71). Этот неизвестный по имени владетель по хронологии предшествует Алексею I, при котором к 20-м гг. XV в. завершилось формирование Феодоро со специфической геральдикой, границами и внешней политикой (2, с. 76).

В главе «Крымская Готия и её обитатели по данным повествовательных источников эпохи средневековья и раннего Ренессанса» М. Б. Кизилов рассматривает материал, начиная с таврических эпизодов Жития Константина Философа (827–869). Такое хронологическое распределение нарративной традиции, на первый взгляд, кажется несколько искусственным, хотя в целом оправданным. В отличие от известных прямых сообщений о готах и Дори-Доросе VI–VIII вв., в более поздних источниках по большей части содержатся косвенные данные о крымских готах и Готии. Исследователь предлагает видеть в «фулльском народе» смешанное алано-готское население, что вряд ли может быть принято. Не вдаваясь в сложный вопрос о местонахождении крымских Фулл, отмечу: во-первых, присутствие в Крыму аланов в Крыму до XIII в. не зафиксировано письменными источниками, во-вторых, крымские готы к этому времени уже давно были христианами. Это подтверждается и письменными, и археологическими источниками. Миссионер, сколь уважаемым он не был, не мог проповедовать в пределах чужой епархии без дозволения её предстоятеля. Что же касается поклонения дереву, то эта практика присуща множеству народов и не может служить веским аргументом в пользу той или иной этнической атрибуции носителей традиции. При первом прочтении книги, предполагая рецензию на неё, я хотел полностью солидаризироваться с автором во мне-

нии о невозможности отождествления «русских» писем, виденных Константином Философом в Херсонесе с готским алфавитом Ульфилы, которым, как представлялось, вряд ли пользовались православные готы Крыма. Однако история распорядилась иначе, имея в виду недавнее открытие нашим московским коллегой А. Ю. Виноградовым готских надписей на средневековых артефактах из Дороса-Мангупа [8].

Большой интерес вызывает сообщение первой половины XV в. бургундца Б. да ла Брокера о причерноморских жителях, называемых «Gothlans», на что обращает внимание М. Б. Кизилов (2, с. 117). В своё время Ю. А. Кулаковский считал, что «Gothalani» И. Барбаро (1413–1494) — это всего лишь «учёный домисел» венецианского путешественника [4, с. 157]. Свидетельство современника И. Барбаро, возможно, реабилитирует его информацию. Правда, из свидетельства Брокера не ясно: имел он в виду таврических или кавказских жителей, поскольку помещал «готланов» среди черкесов, зихов, аваров и мингрелов. Влияние кавказских народов (аланов, черкесов) в поздневизантийский период на судьбы Крымской Готии — Феодоро выявляется всё отчетливее (2, с. 140–141). Вместе с тем экстраполировать это явление на ранне-средневековый период представляется преждевременным.

Автор обоснованно приходит к выводу о симбиозе христианского населения Крыма (готов, греков, аланов) накануне турецкого завоевания полуострова в 1475 г., по отношению к которому в тюркоязычной среде использовался экзоэтноним «таты», а также отмечает «трилингвизм» в их среде (2, с. 150).

В главе «Ожье Гислен де Бусбек, проблема крымско-готского языка и источники раннего нового времени» рассматривается т. н. четвёртое «Турецкое письмо» австрийского посланника, записавшего между 1560–1562 гг. в Стамбуле сотню слов крымско-готского языка. Это сообщение долгое время в

отечественной историографии (особенно послевоенного периода) являлось самым неудобным источником по истории германцев средневековой Таврики. Естественно, что в последние годы интерес к нему весьма высок. Появились новые переводы источника на русский язык (2, с. 158–172).

Большой интерес представляет очерк формирования т. н. шведского «готизма» эпохи позднего средневековья и начала нового времени. Этот культурно-идеологический феномен стоит в одном ряду с польским «сарматизмом» и нарождавшимся «хазаризмом» украинской казацкой старшины (2, с. 185–194). Данное наблюдение представляется достаточно важным, поскольку демонстрирует более глубинные основы идеологизации «готского вопроса», нежели казалось ранее. В связи с этой темой стоило бы уделить больше внимания учёному шведского происхождения И. Тунманну (1746–1778), который в своём трактате о Крыме заложил основы изучения этнополитической истории полуострова, а его «готская парадигма» продержалась в отечественной науке всю первую половину XIX в.

Рассматривая главу «"Готский вопрос" в науке и идеологиях XIX–XXI вв.», следует согласиться с автором, что «готский вопрос» для Крыма и Восточной Европы представляет собой особый феномен, поскольку связан не столько с историей причерноморских германцев, сколько с различными её трактовками, зачастую обусловленными конъюнктурными и идеологическими соображениями. Формирование академических подходов к истории крымских готов в XIX в. происходило на фоне явного или скрытого противостояния пангерманизма (в Западной Европе) и антинорманизма, а также славянофильства (в России). Среди исследователей, внёсших весомый вклад в изучение истории крымских готов (2, с. 203–209), стоило бы упомянуть и имя русского византиста В. Г. Васильевского (1838–1899), одного из учителей А. А. Васильева, чьи

труды до сих пор являются основополагающими в данной области.

Автор лишь вскользь коснулся археологического направления в изучении крымских готов и тех важнейших открытий начала XX в., которые были сделаны Н. И. Репниковым при раскопках могильника Суук-Су под Гурзуфом, и находок из склепов района Госпитальной улицы в Керчи. В конце 20-х и 30-х гг. XX вв. готская тема, благодаря Н. И. Репникову и В. И. Равдоникасу, стала одной из приоритетных в советской археологии, а дискуссия вокруг древностей Готии повлияла не только на развитие полевой, но и теоретической археологии в СССР. Именно археология сыграла с «готским вопросом» злую шутку, когда в послевоенный период крымские древности «готского типа» были из соображений политкорректности приписаны «аланам — предкам славян». В результате готы на много лет были вычеркнуты из средневековой истории полуострова.

Следует также обратить внимание, что масштабного советско-американского сотрудничества в изучении готских древностей Эски-Кермена в 1933 г. не было (2, с. 226). В действительности в экспедиции ГАИМК принял участие лишь один русский эмигрант — сотрудник Музея Пенсильванского университета Е. А. Голомшток, чья деятельность в СССР больше выдавала в нём авантюриста и коммерсанта, нежели учёного.

Примеры поисков готских следов в антропологическом облике крымских жителей (2, с. 211–218) следует дополнить интереснейшими результатами работ Я. Я. Рогинского (1895–1987) в с. Ускют (Приветное, в районе Алушты). Исследования относятся к 1928 г., но по ряду причин их результаты были опубликованы лишь много лет спустя [5].

Одним из интереснейших в монографии является раздел, посвящённый готской тематике в идеологии нацистской Германии, особенно в период оккупации полуострова (2, с. 235–259). Это направление слабо разработано в отечественной

историографии, и здесь М. Б. Кизилов во многом является первопроходцем. В краеведческих сочинениях сейчас можно встретить самые фантастические версии на эту тему. М. Б. Кизилов чётко показывает, что никаких масштабных археологических исследований в период оккупации немцы не предприняли. Сочинения же немецких авторов, по большей части не принадлежавших к научному миру, являются лишь компиляцией известных в Европе работ о крымских готах, снабжённых теперь нацистской риторикой. Началу исследований готских древностей в Крыму помешала не только военно-политическая обстановка, но и противоречия между Штабом А. Розенберга и обществом «Аненербе», курируемым Г. Гиммлером. Попутно М. Б. Кизилов разоблачает современную легенду о поисках в Крыму Святого Грааля А. В. Барченко и нацистскими оккультизмами, прослеживает истоки этого недоразумения, проникшего в современные СМИ.

Автор совершенно правильно оценивает идеологизацию «готского вопроса» в советском Крыму в послевоенный период (2, с. 259–262). Хотя следует заметить, что Сессия по истории Крыма 1952 г. была лишь кульминацией в «дискредитации» крымских готов. Начало этого процесса фиксируется уже в 1945 г. и связано с именем В. П. Бабенчикова, у которого впоследствии инициативу перехватил П. Н. Надинский и др.

Представленный в книге очерк о взаимосвязи готов и евреев в средневековой традиции (2, с. 274–294) раскрывает тему с неожиданной стороны и, вероятно, найдёт как своих сторонников, так и критиков.

Конечно, в книге есть и другие положения, достойные академической дискуссии, на что указывал в своей рецензии В. П. Степаненко. Но категорически нельзя согласиться с уважаемым уральским историком, утверждающим «невнятность концепции самого труда ... и отсутствие чётко поставленных целей» [6, с. 446]. Подобное замечание просто не корректно по отношению к колле-

ге, ибо каждый труд по-своему ценен и рано или поздно находит свою читательскую аудиторию. Безусловно, каждый из нас хотел бы в работах других авторов увидеть ответы на приоритетные для него вопросы, часто узкоспециального свойства. Книга же М. Б. Кизилова рассчитана на широкий круг читателей. Она в доступной и интересной форме вводит их в интригующий, полный загадок мир средневековой Таврики, являясь, по сути, в настоящее время единственным произведением такого рода о Крымской Готии. И тот факт, что автор взял на себя труд заполнить эту лакуну

отечественной историографии, — можно только приветствовать. Что же касается читательских симпатий, то право суждения оставим за ними.

Хотя автор скромно называет свой труд «научно-популярным», в действительности это добротная научная монография, выполненная на качественном современном уровне. Она аккумулирует комплекс информации и выстраивает картину современных представлений о Крымской Готии, но отнюдь не ставит точку в её изучении, открывая путь другим, прежде всего, молодым исследователям тайн крымского прошлого.

Источники и литература

1. Кизилов М. Б. Крымская Иудея : очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней. Симферополь : Доля, 2011. 336 с.
2. Кизилов М. Б. Крымская Готия. История и судьба. Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. 351 с.
3. Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии: очерки изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. – VII в. н. э.). Симферополь : Сонат, 2004. 248 с.
4. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии [сост. С. М. Перевалов]. Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. С. 43–147.
5. Рогинский Я. Я. Антропологический тип татар из Ускюта // Вопросы антропологии. 1961. № 8. Москва, 1961. С. 48–62.
6. Степаненко В. П. Рец. на : Кизилов М. Крымская Готия : история и судьба. Симферополь, 2015. 351 с. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. Т. 21. Симферополь, 2016. С. 446–452.
7. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь : Сонат, 2017. 495 с.
8. Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 2016. Bd. 145. S. 141–157.

Sources and Literature

1. Kizilov M. B. Crimean Judea: Notes on History of the Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in the Crimea Since Ancient Times. Simferopol : Dolia, 2011. 336 p.
2. Kizilov M. B. Crimean Gothia. History and Fate. Simferopol, 2015. 351 p.
3. Koltukhov S. G., Yurochkin V. Yu. From Scythia to Gothia. Simferopol : Sonat, 2004. 248 p.
4. Kulakovski Yu. A. Alans According to the Information to Classical and Byzantine Writers // Kulakovsky Yu. A. Selected Works on the History of the Alans and Sarmatia [Compiler S. M. Perevalov]. St. Petersburg : Aleteyia, 2000. P. 43–147.
5. Roginsky Ya. Ya. Anthropological Type of Tatars from Uskut // Questions of Anthropology. 1961. № 8. Moscow, 1961. P. 48–62.
6. Stepanenko V. P. Review on : Kizilov M. The Crimean Gothia : History and Fate. Simferopol, 2015. 351 p. // Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria. 2016. Vol. 21. Simferopol, 2016. P. 446–452.
7. Yurochkin V. Yu. Gothic Problem. Simferopol : Sonat, 2017. 495 p.
8. Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim // Zeitschrift für Deutsches Altertum und Deutsche Literatur. 2016. Bd. 145. P. 141–157.

УДК 9.904. 908. 93

Александр Валентинович Жаворонков,
заместитель начальника Департамента
государственной охраны объектов
культурного наследия
Министерства культуры Республики Крым
(г. Симферополь)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КЕРЧИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос создания на территории Муниципального образования Городской округ Керчь исторического поселения как способа сохранения и регенерации историко-культурного городского пространства, а также особенности переходного периода в связи с вхождением Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Республика Крым, г. Керчь, градостроительные регламенты, исторический ареал, историческое поселение, памятник, зоны охраны, границы территории, историко-культурный опорный план.

Alexander Valentinovich Zhavoronkov,
Deputy Head of the Department
of State Protection of Cultural Heritage Objects,
Ministry of Culture of the Republic of Crimea
(Simferopol)

ON THE QUESTION OF THE CREATION OF A HISTORICAL SETTLEMENT OF FEDERAL SIGNIFICANCE ON THE TERRITORY OF THE CITY OF KERCH

Annotation: this article discusses the issue of creating a historical settlement on the territory of the Municipal Formation of the City District of Kerch, as a way of preserving and regenerating the historical and cultural urban space, as well as the features of the transition period in connection with the entry of the Republic of Crimea and the city of the federal significance Sebastopol into the Russian Federation.

Keywords: Republic of Crimea, Kerch, urban planning regulations, historical area, historical settlement, monument, protection zones, boundaries of the territory, historical and cultural reference plan.

Понятие «исторический ареал»

До возвращения Республики Крым в состав Российской Федерации в законодательном поле Украины существовало понятие «исторический ареал». Этот инструмент регулирования градостроительной деятельности содержится в ст. 1 Закона Украины от 08.06.2000 г. № 1805-III «Об охране культурного наследия»: «Исторический ареал населённого места — часть населённого места, сохранившая объекты культурного наследия и связанные с ними планировку и форму застройки предшествующих периодов

развития, типичные для определённых культур или периодов развития (*Історичний ареал населеного місця — частина населеного місця, що зберегла об'єкти культурної спадщини і пов'язані з ними розпланування та форму забудови, які походять з попередніх періодів розвитку, типові для певних культур або періодів розвитку*)» [1].

Постановлением Кабинета Министров Украины от 13.03.2002 г. № 318 «Об утверждении Порядка определения границ и режимов использования исторических ареалов населённых мест,

ограничения хозяйственной деятельности на территории исторических ареалов населённых мест» был утверждён Порядок работы с этим градорегулирующим инструментом.

В соответствии с пунктом 1 Порядка исторические ареалы должны устанавливаться в населённых местах, которые занесены в Список исторических населённых мест Украины, утверждённый Кабинетом Министров Украины.

Согласно постановлению Кабинета Министров Украины от 26.07.2001 г. № 878 «Об утверждении Списка исторических населённых мест Украины», в Список было внесено 26 населённых пунктов Автономной Республики Крым: Симферополь, Алушка, Алушта, Армянск, Бахчисарай, Белогорск, Гаспра, Гурзуф, Евпатория, Керчь, Коктебель, Кореиз, Ливадия, Массандра, Новый Свет, Ореанда, Партенит, Саки, Симеиз, Старый Крым, Судак, Феодосия, Форос, Черноморское, Щebetовка, Ялта.

Согласно п. 2 указанного Порядка, «исторический ареал охватывает исторически сформированную часть населённого места, которое сохранило старинный вид, планировку и характер застройки».

В соответствии с пунктом 6 Порядка «исторический ареал — это наиболее освоенная в прошлом и хорошо сохранённая часть территории населённого места, которая отличается традиционным характером среды и значительным количеством объектов культурного наследия от других, менее освоенных или плохо сохранённых частей населённого места.

Границы исторических ареалов следует проводить вдоль спланированных и естественных рубежей, которые отделяют исторический ареал от остальных городских территорий, и определять историко-архитектурным опорным планом населённого места. Историко-архитектурные опорные планы разрабатываются на основе комплексных исследований всей территории исторического населённого места и его ближайшего окружения».

Режимы зон охраны и режим использования исторического ареала определя-

лись в соответствии с пп. 14–16 Порядка.

В соответствии с п. 7 Порядка приоритетным направлением градостроительной деятельности в границах исторических ареалов является «сохранение традиционного характера среды исторических ареалов, охрана и рациональное использование расположенных в их границах недвижимых объектов культурного наследия, сохранение его градоформирующей роли».

Согласно пункту 8 Порядка, разработке проектной документации на строительство, реконструкцию зданий и сооружений в границах исторических ареалов должна предшествовать разработка историко-градостроительных обоснований, которые согласовывались центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере охраны культурного наследия (Министерство культуры Украины).

Законодательством Украины предусматривалось, что органы охраны культурного наследия в границах исторических ареалов согласовывают землеустроительную документацию по отводу земельных участков, программы и проекты градостроительных, архитектурных и ландшафтных преобразований, мелиоративных, дорожных, земляных работ, выдают разрешения на производство градостроительных, архитектурных или ландшафтных преобразований, строительных, мелиоративных, дорожных, земляных работ.

Установление первых в Автономной Республике Крым исторических ареалов началось с региона Большой Ялты. Приказом Министерства культуры и туризма Украины от 16.06.2007 г. № 661/0/16-07 «Об утверждении научно-проектной документации по определению зон охраны памятников, границ и режимов использования исторических ареалов населённых мест» была утверждена соответствующая научно-проектная документация, разработанная Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства (г. Киев), согласно которой в г. Ялте утверждены границы и режимы истори-

ческого ареала, а в г. Алушке, п. Гаспра, п. Гурзуф, п. Кореиз, п. Ливадия, п. Массандра, п. Ореанда, п. Симеиз, п. Форос утверждены границы исторических ареалов без определения их режимов.

Приказом Министерства культуры и туризма Украины от 16.06.2007 г. № 661/0/16-07 утверждена научно-проектная документация по определению границ и режимов исторических ареалов в г. **Евпатории**. Приказом Министерства культуры Украины от 27.11.2012 г. № 1383 утверждена корректировка этой документации.

Приказом Министерства культуры и туризма Украины от 14.04.2009 г. № 234/0/16-09 утверждена научно-проектная документация по определению границ и режимов исторического ареала в п. **Коктебель**.

Приказом Министерства культуры и туризма Украины от 03.02.2010 г. № 580/0/16-10 утверждена научно-проектная документация по определению границ и режимов в г. **Керчи**.

Приказом Министерства культуры Украины от 28.09.2012 г. № 1070 «Об утверждении научно-проектной документации относительно границ и режимов использования зон охраны памятников» утверждены границы и режимы использования исторических ареалов, зон охраны памятников п. **Симеиз**, определённые научно-проектной документацией, разработанной Научно-исследовательским институтом памятниковоохранной исследований (г. Киев). Однако эта документация в Республиканский комитет Республики Крым по охране культурного наследия представлена не была, и, кроме этого, законность её утверждения в последующем оспорена.

Приказом Министерства культуры Украины от 27.11.2012 г. № 1383 утверждена научно-проектная документация по определению границ и режимов г. **Феодосии**.

Приказом Министерства культуры Украины от 14.02.2014 г. № 89 утверждены историко-архитектурные опорные планы, границы и режимы использования зон охраны памятников и исторических ареа-

лов в г. **Старый Крым** и п. **Новый Свет**.

В итоге остались не утверждёнными исторические ареалы в Симферополе, Алуште, Армянске, Бахчисарае, Белогорске, Партените, Саках, Судак, Черноморском, Щebetовке. При этом следует иметь в виду, что в Армянске и Щebetовке практически не сохранилось исторической застройки.

Правопреемственность

Согласно части 5 статьи 2 Федерального закона от 12.02.2015 г. № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» границы и особый режим использования территорий, установленные в целях государственной охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Крым, до принятия Республики Крым в состав Российской Федерации, действуют до их приведения в соответствие с законодательством Российской Федерации [2].

Согласно статьи 44 Закона Республики Крым от 11.09.2014 г. № 68-ЗРК «Об объектах культурного наследия в Республике Крым» границы и особый режим использования территорий, включая исторические ареалы, зоны охраны, установленные в целях государственной охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Крым до принятия Республики Крым в состав Российской Федерации, действуют до их приведения в соответствие с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, на территории Республики Крым действуют все границы и режимы зон охраны объектов культурного наследия, ограничения, установленные в целях государственной охраны культурного наследия, в том числе и для исторических ареалов населённых мест.

Нужно отметить, что на территории города Керчи, кроме исторического аре-

ала, действуют зоны охраны, определённые научно-проектной документацией, разработанной Научно-исследовательским институтом памятниковоохранных исследований, зоны утверждены приказом Министерства культуры и туризма Украины от 03.02.2010 г. № 580/0/16-10 «Об утверждении научно-проектной документации о границах и режимах использования зон охраны памятников и исторических ареалов и внесения объектов культурного наследия в Государственный реестр недвижимых памятников Украины».

Ближайшие планы

Учитывая, что точного аналога понятия «исторический ареал» в законодательстве Российской Федерации нет, то замещать регулирующий инструмент нужно объединёнными зонами охраны и нормами «исторического поселения», предусмотренными Главой XII Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [3].

В 2022 году Государственным бюджетным учреждением Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (далее — ГБУ РК «ВКИКМЗ»), при поддержке Министерства культуры Республики Крым, проводится масштабная работа по определению границ территории объекта культурного наследия федерального значения «Архитектурно-археологический комплекс “Древний город Пантикапей”». Безусловно, точные границы этого памятника, расположенного в центре города Керчи, послужат опорной точкой при разработке современного градорегулирующего инструмента.

После определения границ Пантикапея целесообразно продолжать разра-

ботку историко-культурного опорного плана, с распространением его на приморскую часть, что позволит выходить с инициативой по выявлению исторического поселения. Кроме этого, данный историко-культурный план ляжет в основу новых объединённых зон охраны, которые, безусловно, должны быть в ближайшее время разработаны.

По моему мнению, разработка этих двух инструментов — «исторического поселения» и «объединённых зон охраны» — станет логичным результатом деятельности по изучению и сохранению самого древнего города на территории России и придания ему статуса исторического поселения федерального значения.

Режимы, которые будут установлены, должны позволить выполнить работы по восстановлению часовни над могилой Керчь-Еникальского градоначальника И. А. Стамповского на вершине горы Митридат и музея древностей над фундаментом Музеума, а также восстановлению утраченной исторической застройки середины XIX века на склонах горы Митридат. Выполнение этих действий позволит архитектурно «собрать» рассыпающуюся историческую градостроительную ткань древнего города, позволит создать новые точки привлечения туристского интереса.

Установление статуса исторического поселения и соответствующих требований к его содержанию, в том числе и на разрушенные, частично утраченные кварталы центральной набережной, в настоящее время занятые портовыми сооружениями середины XX века, позволит заложить предпосылки к восстановлению утраченной уникальной градостроительной среды, сформированной на этой территории на протяжении всего XIX века.

Источники и литература

1. Закон Украины «Об охране культурного наследия» [Электронный ресурс]. URL : <https://ips.ligazakon.net/document/T001805?an=339> (дата обращения : 17.07.2022).
2. Федеральный закон от 12.02.2015 г. № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175221/ (дата обращения : 03.05.2021).
3. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 03.05.2021).

Sources and Literature

1. Law of Ukraine «On the Protection of Cultural Heritage» [Electronic Resource]. URL : <https://ips.ligazakon.net/document/T001805?an=339> (Accessed : 07/17/2022).
2. Federal Law No. 9-FZ of February 12, 2015 «On the Peculiarities of Legal Regulation of Relations in the Field of Culture and Tourism in Connection with the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol as part of the Russian Federation» [Electronic Resource]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175221/ (Accessed : 05/03/2021).
3. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ «On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation». [Electronic Resource]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (Accessed : 05.03.2021).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Артезианская археологическая экспедиция МПГУ
АИБ — Археология и история Боспора
АМА — Античный мир и археология
АНА — Академия наук Абхазии
АН — Академия наук
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ — Боспорские исследования
БФ — Благотворительный фонд
ВДИ — Вестник древней истории
ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодёжи
г. — год; город
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГБУ РК «ВКИКМЗ» — Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГМИИ имени А. С. Пушкина — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДБ — Древности Боспора
ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, логоса и истории им. Д. И. Гулиа
ИАК — Императорская Археологическая комиссия
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей. Москва ; Ленинград, 1965.
КБН-альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. Санкт-Петербург, 2004
Киргизская ССР — Киргизская Советская Социалистическая Республика
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛИ — личное имя
ЛОБК — Ленинградское областное бюро краеведения
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
м. б. — место буквы
МЗР — мелкое зональное рифление
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗИС — Музей изящных искусств
МПГУ — Московский педагогический государственный университет
НО — Надписи Ольвии
ОАК — Отчёт Императорской Археологической комиссии
ОКН — объект культурного наследия
ООО — общество с ограниченной ответственностью
ПАИ — Полевые археологические исследования
ПБМА-НВ — полибутилметакрилат низковязкий — обратимый полимер, используемый в реставрации

ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАК — Российская Государственная археологическая комиссия
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б) — Российская Коммунистическая партия большевиков
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Р. Х. — Рождество Христово
РУДН — Российский университет дружбы народов
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
стк., сткк. — строка, строки
Т., т. — том
ТВ — траншея выборки
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
δ. — δείνος
а. — am
CBC — Century before Christi natu
CIRB — Corpus inscriptionum Regni Bosporani
Fr. — Frankfurt
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
Syll. — Sylloge Inscriptionum Graecarum
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden – Boston
ΑΕΜΘ — Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη
AJPh — American Journal of Philology
AWE — Ancient West and East
BA — Bosporan Antiquities
BE — Bulletin épigraphique. Paris
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
Bull. ép. — Bulletin épigraphique
CIG — Corpus inscriptionum Graecarum. Berlin
CIL — Corpus inscriptionum Latinarum. Berlin
ff. — folgende(n)
ID — Inscriptions de Délos. Paris
IG — Inscriptiones Graecae. Berlin
JAH — Journal of Ancient History
MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua
Mus. Helv. — Museum Helveticum
NARA — National Archives and Records Administration
PHPhC — Problems of History, Philology, Culture
RE — Paulys Real — Encyclopädie. Neue bearbeitung. Begonnen von Georg Wissowa. Stuttgart, 1932
REA — Revue des études anciennes
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
sq. — sequentes
Syll3 — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. 4 vols. Leipzig: Apud S. Hirzelium, 1915–1924
suiv. — suivant(s, ~es)
usw. — und so weiter
vs — versus
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СПИСОК ТЕРМИНОВ

Антаблемент — одна из трёх основных частей архитектурного ордера, а именно система горизонтального перекрытия, опирающегося на колонну или иную несущую конструкцию.

Апойкия — поселение, основанное в результате колонизационного процесса за пределами полиса-метрополии.

Ауреус — (лат. aureus) — древнеримская золотая монета. Введена в обращение во время Второй Пунической войны. Первоначально использовалась исключительно в качестве наградной монеты — для раздачи войскам в награду за одержанные победы.

Верганг — площадка на гребне оборонительной стены или на верхней площадке башни, защищённая вертикальной стенкой с зубцами и бойницами.

Дентикулы — (лат. зубец), или «ордерные сухарики» — ряд небольших прямоугольных выступов, расположенных в виде орнамента под карнизом в ионическом и коринфском ордере.

Куртина — отрезок оборонительной стены между двумя башнями или бастионами.

Толос — в античной архитектуре – круглая в плане постройка общественного характера, обычно служившая святилищем или Пританеем — зданием для заседаний полисных магистратов.

Трискелис — название символа (греч. трёхногий). Солярный знак в виде трёх, соединённых в центре элементов, например, согнутых в коленях ног, символизирующий движение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бейлин Денис Владиславович, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Крыма» РАН (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Болонкина Елена Владимировна, старший научный сотрудник отдела фондов ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь, Республика Крым, Россия)

Бутовский Александр Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент, младший научный сотрудник кафедры правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия)

Бутягин Александр Михайлович, заведующий сектором археологии Северного Причерноморья ФГУК «Государственный Эрмитаж»; преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский Государственный университет»; начальник Мирмекийской и Стабианской археологических экспедиций (г. Санкт-Петербург, Россия)

Виноградов Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт истории материальной культуры» РАН (г. Санкт-Петербург, Россия)

Винокуров Николай Игоревич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»; директор Центра археологических исследований МПГУ; руководитель Артезианской археологической экспедиции (г. Москва, Россия)

Джоуа Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея; старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия (г. Сухум, Республика Абхазия)

Еремеева Анна Алексеевна, младший научный сотрудник отдела Античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жаворонков Александр Валентинович, заместитель начальника Департамента государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Крым (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Журавлев Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников ФГБУК «Государственный исторический музей» (г. Москва, Россия)

Зайцев Александр Борисович, научный сотрудник отдела «Территориальные основы градостроительства» ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет им. Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия)

Камышанов Антон Михайлович, аспирант кафедры археологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Камышев Константин Дмитриевич, преподаватель колледжа профессионального образования ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь, Россия)

Катцова Александра Викторовна, младший научный сотрудник отдела Античного мира ФГБУК «Государственный Эрмитаж»; начальник Китейской археологической экспедиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

Качаловский Владислав Дмитриевич, младший научный сотрудник отдела охраны памятников и археологических исследований ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь, Республика Крым, Россия)

Кислый Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, заведующий отделом ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Конотопов Николай Павлович, независимый исследователь (г. Москва, Россия)

Куликов Алексей Владиславович, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Кучеревская Нина Львовна, кандидат культурологии, заведующая отделом «Лapidарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь, Республика Крым, Россия)

Лозинский Игорь Захарович, профессор Отделения Международной академии архитектуры в Москве, профессор кафедры «Архитектура общественных зданий» ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт (государственная академия)»; руководитель ООО «Мастерская Лозинский и партнёры» (г. Москва, Россия)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Мельникова Галина Леонидовна, доктор экономических наук, кандидат географических наук, главный научный сотрудник отдела «Территориальные основы градостроительства» ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Нюшков Валентин Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазского государственного музея, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия (г. Сухум, Республика Абхазия)

Рукавишникова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии РАН» (г. Москва, Россия)

Смекалов Сергей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Учебно-практической лаборатории «Палата древностей» ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия)

Столяренко Павел Геннадьевич, старший лаборант отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии РАН», старший лаборант Восточно-Крымской археологической экспедиции (г. Москва, Россия)

Супренков Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии РАН», заместитель начальника Восточно-Крымской археологической экспедиции (г. Москва, Россия)

Суслова Ольга Александровна, архитектор ООО «Мастерская Лозинский и партнёры», магистрант кафедры «Архитектура общественных зданий» ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт (государственная академия)» (г. Москва, Россия)

Топоривская Марина Анатольевна, старший лаборант отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии РАН», старший лаборант Восточно-Крымской археологической экспедиции (г. Москва, Россия)

Умрихина Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь, Республика Крым, Россия)

Фролов Владимир Васильевич, заместитель заведующего отделом охраны памятников и археологических исследований ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь, Республика Крым, Россия)

Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович, кандидат исторических наук, историк, филолог; советник Президента Фонда «Российский общественно-политический центр» (г. Москва, Россия)

Шестаков Семён Алексеевич, старший научный сотрудник историко-археологического отдела ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь, Республика Крым, Россия)

Юрочкин Владислав Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Ярцев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. В. Умрихина</i> Приветственное слово _____	3
<i>Е. В. Болонкина</i> Керамические клейма Книда. Группа Зенона. По материалам коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника _____	4
<i>А. И. Джошуа, В. А. Ньюшков</i> Великий Питиунт и его окрестности _____	9
<i>А. Е. Еремеева</i> История исследования «Ростовцевской» катакомбы. Перспективы музеефикации памятника археологии _____	15
<i>Д. В. Журавлев, А. М. Камышианов, Н. П. Конотопов</i> Исследования Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2019–2021 гг.) _____	23
<i>А. Б. Зайцев, Г. Л. Мельникова</i> «Аналитическая триада» в комплексных археологических исследованиях. Геоинформационный анализ _____	34
<i>В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев, С. Л. Смекалов, А. Ю. Бутовский</i> «Аджиэль I» — новый выявленный объект археологического наследия, расположенный на территории Керченского полуострова _____	41
<i>К. Д. Камышев</i> Скифские войны» и геополитическая ситуация середины – третьей четверти III в. в Боспорском царстве и римско-иранском пограничье _____	48
<i>А. В. Катцова</i> Западный склон Китейского зольника: к вопросу об использовании насыпи в позднеантичное время _____	54
<i>В. Д. Качаловский</i> Территория городского сада в границах распространения некрополя Пантикапея _____	61

<i>Н. Л. Кучеревская, В. В. Фролов</i> Деятельность Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника в контексте реставрации объектов культурного наследия г. Керчи _____	69
<i>И. З. Лозинский, О. А. Сулова</i> Верхний город _____	75
<i>В. В. Майко, А. Е. Кислый, Д. В. Бейлин, А. В. Куликов</i> Исследование поселения «Аджиэль Южное I» на Керченском полуострове в 2020 году _____	83
<i>И. В. Рукавишников, Д. В. Бейлин</i> Археологический комплекс первой насыпи кургана «Госпитальный» _____	103
<i>М. А. Топоривская, А. А. Супренков, П. Г. Столяренко</i> Некрополь Капканы Северный 1: Краткие результаты работ 2020 г. _____	110
<i>Т. В. Умрихина</i> Керченскому музею древностей 195 лет _____	119
<i>Ф. В. Шелов-Коведяев</i> Древнейшие декреты из Пантикапея _____	129
<i>С. А. Шестаков</i> Надпись фиаса 119 года н. э. из некрополя Пантикапея _____	136
<i>В. Ю. Юрочкин</i> Новая книга о крымских готах (Кизилев М. Б. Крымская готия. Симферополь, 2015) _____	142
<i>А. В. Жаворонков</i> К вопросу о создании на территории города Керчи исторического поселения федерального значения _____	147
Список сокращений _____	152
Список терминов _____	154
Сведения об авторах _____	155

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
БОСПОРА**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**К 195-ЛЕТИЮ
КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ**

Керчь, 11–13 августа 2021 года

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано к печати 20.07.2022
Формат 189×283. Усл. печ. л. 18.6
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908